

T 1.971
2

சிவசுந்தரி
சிவசுந்தரி

Копия Ул кнм В. М. Бредина
83
36706040
30820101033

ПЛѢННИЦЫ ШАМИЛЯ.

ВОСПОМНЕНІЯ Г-ЖИ ДРАНСЭ, (47.9)9
Δ 725 п

ВЗЯТОЙ ВЪ ПЛѢНЪ ВМѢСТѢ СЪ КНЯГИНЯМИ: ВАРВАРОЙ ПЛѢННИЧНОЙ, ВДОВОЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА КН. П. ОРБЕЛІАНИ, АННОЙ ИЛЪННИЧНОЙ, СУПРУГОЮ ПОЛКОВНИКА КН. Д. ЧАВЧАВАДЗЕ, СЪ ДѢТЬМИ ИХЪ И ДРУГИМИ, ВО ВРЕМЯ ВТОРЖЕНІЯ СКОПИЩЪ ШАМИЛЯ ВЪ КАХЕТІЮ, ВЪ 1854 Г. ИЗДАНЫЯ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1857 ГОДУ.

70029

Переводъ съ французскаго Озюбинскаго.

Четвертая часть денегъ, которыя выручатся отъ продажи этого перевода, пожертвована на выкупъ плѣнныхъ.

ТИФЛИСЬ.

ВЪ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго.
1858.

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. Тифлисъ, 5 Сентября 1858 года.

Ценсоръ *И. Кайтмазовъ.*

1761 L
2

საქართველოს პარლამენტის
ეროვნული ბიბლიოთეკა

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

**Полковнику , Флигель-Адъютанту ЕГО ИМПЕРА-
ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Кавалеру,**

Князю Давиду Александровичу

ЧАВЧАВАДЗЕ,

съ глубочайшимъ почетомъ и преданностію

ПОСВЯЩАЕТЪ

Кирилль Дзюбинскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ свѣта господствуетъ, можетъ быть, ненарушимая тишина, Кавказъ непрерывно оглашается звукомъ оружія. Мы, вѣрноподданные Россіи, твердо убѣждены, что она ведетъ борьбу съ населяющими его полудикими племенами не изъ видовъ честолюбія, не по стремленію къ завоеваніямъ, какъ утверждаютъ наши враги. Но цѣль ея борьбы не заключается также въ одномъ обезпеченіи собственныхъ ея предѣловъ отъ безпре- станнаго вторженія этихъ племенъ, часто весьма ги- бельнаго для ея подданныхъ. Нѣтъ, отечество наше имѣетъ, кромѣ этой цѣли, другую, высшую, болѣе нравственную цѣль — посѣять между этими племенами благотворныя сѣмена просвѣщенія, ввести между ними гражданственную жизнь, приучить ихъ къ благород- ному труду и тѣмъ доказать имъ, что снискивать пропитаніе хищничествомъ, подобно дикимъ звѣрямъ, не достойно человѣка. Но этой, столь вождельной цѣ-

ли нашихъ великодушныхъ Царей суждено не скоро осуществиться. Много пройдетъ еще времени, пока непокорныя намъ племена, воспламеняемая необузданнымъ фанатизмомъ и защищаемая самой природой, смирятся предъ непобѣдимой силой русскаго оружія и вкусивъ плоды гражданственной жизни, съ благоговѣніемъ и благодарностію будутъ взирать на прежняго своего врага—Россію, принесшую имъ въ замѣнъ пролитой крови ея возлюбленныхъ сыновъ, въ замѣнъ безчисленныхъ ея жертвъ, сокровища матеріальныя и духовныя. Да, много пройдетъ еще времени, много потребуется еще великихъ жертвъ, пока любезное наше отечество водрузитъ на горахъ Кавказа свое знамя челоуѣколюбія. Но такова судьба всѣхъ великихъ событій, всѣхъ великихъ переворотовъ! Чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, сколько времени продлится, при извѣстныхъ условіяхъ, борьба Россіи съ этими племенами, необходимо изслѣдовать страну, занимаемую ими, число и средства ихъ, характеръ, нравы, обычаи и взаимныя ихъ отношенія. Все это, кромѣ несомнѣнной пользы, представляетъ живѣйшій интересъ. Въ этомъ кажется никто также не можетъ усумниться. Если мы находимъ удовольствіе читать описанія дикихъ народовъ, не имѣющихъ къ намъ никакого отношенія, то тѣмъ болѣе долженъ интересоваться

насъ народъ, стоящій на нѣкоторой степени образованія, народъ воинственный, народъ, котораго патріархальные нравы и обычаи чрезвычайно разнообразны, который ведетъ съ нами упорную войну и требуетъ отъ насъ ежегодно столько жертвъ, котораго красота и рыцарскія качества внушили поэтамъ столько возвышенныхъ идей. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о непокорныхъ намъ Кавказскихъ племенахъ одни отрывочныя, часто весьма сбивчивыя и ошибочныя свѣдѣнія, и, не смотря на это, мы ихъ читаемъ съ особеннымъ любопытствомъ, можно сказать, съ жадностію. Причиною столь скудныхъ свѣдѣній объ этихъ племенахъ служитъ ихъ замкнутость. Легче пройти вдоль и поперекъ Африку, нежели земли, населенныя ими. Смерть или вѣчное рабство грозятъ тому, кто отважится проникнуть въ ихъ предѣлы. Всѣ почти свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о враждебныхъ намъ горцахъ, сообщены намъ людьми, захваченными ими въ плѣнъ и освободившимися изъ него или посредствомъ выкупа и обмѣна, или ускользнувшими изъ него, благодаря своему необыкновенному счастью. Такая трудность пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній заставляетъ насъ еще болѣе дорожить ими. Вотъ причины, по которымъ *Воспоминанія* г-жи Дрансэ для насъ не оцѣненны. Въ нихъ сообщается много весьма интересныхъ подробностей о нравахъ, обычаяхъ и

общежитіи горцевъ; но что всего занимательнѣе здѣсь, это, нѣтъ сомнѣнія, сераль Шамя — мѣсто пребываніе плѣнницъ. Подробности, относящіяся къ нему, свидѣльствуютъ объ удивительной наблюдательности г-жи Дрансѣ. Да не посѣтуютъ же на насъ читатели, что мы, побуждаемые столь важными причинами, рѣшились включить Воспоминанія ея въ Русскую Литературу, не смотря на то, что изложенное въ нихъ событіе совершилось довольно давно и было уже описано другими. (*)

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

(*) Всѣ примѣчанія этого перевода принадлежатъ намъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страницъ
I. Выѣздъ изъ Тифлиса.—Цицхоталы.....	8
II. Духанщикъ.....	11
III. Лезгинны.—Плѣнь.....	16
IV. Разграбленіе Цицхоталъ.—Отъѣздъ.....	22
V. Алазань.....	27
VI. Нападение.—Смерть Лидіи.....	32
VII. Ночь въ лѣсу.—Гаджи-Керимъ.....	35
VIII. Нянька.....	41
IX. Похальская башня.....	49
X. Князь Илико Орбеліани.....	52
XI. Отъѣздъ въ Веденно.....	56
XII. Пастухи.....	62
XIII. Старый мола.....	68
XIV. Новая дорога.....	72
XV. Молодой мола.....	75
XVI. Вуали.....	77
XVII. Ауль Шамиля.....	79
XVIII. Жены Шамиля.....	85
XIX. Французское письмо.....	87
XX. Имамъ Шамиль.....	90
XXI. Зайдета.—Шуанета.—Аминета.....	96
XXII. Подробности домашняго быта.....	101
XXIII. Трое платьевъ.—Шамиль и Аминета.....	105
XXIV. Гази-Магамадъ.....	110
XXV. Новыя страданія.—Написета и Текля.....	112
XXVI. Варвара.—Княгиня Орбеліани.....	119
XXVII. Знахарки.—Дурной глазъ.—Целаго.....	125
XXVIII. Свадьба въ Веденно.....	131
XXIX. Скука.....	137
XXX. Шуба.....	143

XXXI. Княжна Нина Баратова и Гаджи-Ребилъ.....	145
XXXII. Предположеніе о продажѣ плѣнницъ	151
XXXIII. Последнія условія Шамиля.....	155
XXXIV. Джаммаль-Эддинъ, сынъ Шамиля.....	160
XXXV. Портретъ. — Мелано.....	163
XXXVI. Джаммаль-Эддинъ, отецъ Зайдеты. — Дервишъ. — Освобожденіе.....	166
XXXVII. Канунъ отъѣзда.....	171
XXXVIII. Прощанье	177
XXXIX. Возвращеніе. — Извощикъ	180
XL. Обмѣнъ. — Куринское укрѣпленіе.....	183
XLI. Хасафъ-Юртъ. — Тифлисъ. — Москва. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.....	187

Выѣздъ изъ Тифлиса.—Цинццалы.

По совѣту нѣкоторыхъ пріятелей и пріятельницъ, не говорю моихъ, потому что они съ одинаковою щедростію надѣляютъ своими совѣтами всѣхъ, я рѣшилась оставить милое мое отечество Францію и искать счастія на чужой землѣ. Достигнувъ Тифлиса, древней столицы Грузіи, нынѣшняго мѣстопробыванія Его Императорскаго Величества Намѣстника Кавказскаго, мнѣ повидимому ничего не оставалось, какъ осуществить мое предпріятіе на дѣлѣ. Какъ не казалось оно легко, особенно когда вѣришь такимъ пріятелямъ, но на дѣлѣ вышло иначе. Я стала спрашивать на мѣстѣ того, другаго,

третьяго о моемъ предпріятіи, — но тотъ, другой и третій тарасили только необыкновенно глаза и поднимали чуть не до половины лба брови; нѣкоторые впрочемъ удостоивали при этомъ вопросомъ: а деньги есть? съ деньгами все можно сдѣлать. Я сначала думала, что здѣсь нѣтъ такихъ добрыхъ людей, какъ во Франціи, что здѣсь народъ завистливый, и начала освѣдомляться о своемъ предпріятіи другимъ путемъ; но тоже безъ пользы. Наконецъ одинъ случай совершенно разубѣдилъ меня. Не полагаю необходимымъ упоминать объ этомъ случаѣ, ни о томъ, въ чемъ заключалось мое предпріятіе, такъ какъ оно не осуществилось; но желающіе могутъ справиться объ нихъ въ архивѣ дѣлъ воздушныхъ замковъ.

Но сказано не даромъ: кто ищетъ, находитъ. Мнѣ предложили мѣсто гувернантки. Какъ теперь взяться за занятіе, мало мнѣ знакомое? Надобно было подумать. Я вспомнила, что не много занималась воспитаніемъ, что сама воспитала своего сына и что наконецъ мнѣ предлагаютъ теперь учить маленькихъ дѣтей, слѣдовательно не Богъ знаетъ чему, — и рѣшилась. И такъ, въ началѣ 1854 года я вступила въ домъ князя Чавчавадзе наставницею двухъ старшихъ его дочерей. Положеніе мое въ этомъ домѣ, говорю безъ преувеличенія, было завидное.

Князь Чавчавадзе (*), принадлежащій къ одной изъ благороднѣйшихъ грузинскихъ фамилій, и супруга его Анна (**), внука послѣдняго царя Грузіи Георгія XIII, оказывали мнѣ всевозможныя ласки. Питомицами своими я также не могла не быть довольною. Это были два маленькихъ прелестныхъ созданія — кроткихъ и умныхъ, — которыхъ я полюбила съ перваго же разу и полюбила отъ души. Жизнь моя текла тихо и невозмутимо, чего я всегда добывалась, и мнѣ ничего не оставалось, какъ только благословлять свою судьбу (***)).

Наступила весна. Пробудилась южная роскошная природа, и деревенская жизнь рисовалась воображенію во всей своей прелести. Княгиня Чавчавадзе оставляла по обыкновенію въ это время Тифлисъ съ его знойными днями и переѣзжала на лѣто въ обширное свое помѣстье Цинондалы, въ Кахетію, отстоящее отъ этого города на 90 и отъ Телава на 7 верстѣ. Здѣсь, въ родительскомъ домѣ своего мужа, она предавалась той обаятельной нѣгѣ, которая свойственна жителямъ Юга. Видъ изъ этого дома очарователенъ. Впереди его растилается на

(*) Давидъ Александровичъ, полковникъ и флигель-адъютантъ.

(**) Анна Ильинична, дочь царевича Иліи Георгіевича Грузинскаго.

(***) Изъ письма.

большое пространство Алазанская долина, которую по справедливости можно назвать чудомъ природы. Это дивный коверъ, искусно сотканный изъ деревьевъ, виноградниковъ, садовъ, лѣсовъ, полей и проч., превращаемыхъ далью и таинственной дымкой въ нѣжные, прелестные узоры. Посреди ея протекаетъ широкой лентой Алазань, а по сторонамъ тѣснятся высокія горы, покрытыя густыми дѣвственными лѣсами. Трудно вообразить себѣ что либо великолѣпнѣе этой долины, но не менѣе трудно найти страну, которая была бы больше ея надѣлена дарами природы. Это былъ бы лучшій уголокъ Закавказья, если бы его не угнетало страшное бѣдствіе. За его неприступными горами скрываются разбойническія племена Лезгинъ, которые то большими партіями, то шайками, внезапно являясь среди его жителей, грабятъ ихъ, убиваютъ или уводятъ въ плѣнъ.

Въ началѣ іюня княгиня объявила, что желаетъ отправиться въ Цинондалы съ своими дѣтьми. Я сказала, что старшія двѣ дочери ея, Саломѣ и Марія, были ввѣрены мнѣ; другія же ея дѣти, будучи слишкомъ нѣжнаго возраста, не могли пользоваться моими трудами: Тамаръ не было и четырехъ лѣтъ, а Александръ и Лидія питались грудью.

Вслѣдъ за этимъ разнеслись по городу слухи, что Шамиль намѣренъ съ большою партіею напасть на

Кахетию. Мы имъ мало вѣрили, а тѣмъ менѣе думали о томъ ужасномъ несчастіи, которое чрезъ нѣсколько времени постигло насъ всѣхъ. Однако князь счелъ необходимымъ удостовѣриться въ нихъ. Свѣдѣнія, полученные имъ изъ вѣрныхъ источниковъ, совершенно разубѣдили его въ этомъ, и онъ болѣе не препятствовалъ нашему отъѣзду.

Начался сборъ въ дорогу, для котораго понадобилось нѣсколько дней. Въ Азіи существуетъ обыкновеніе брать съ собою въ подобныхъ случаяхъ не только необходимое для дороги, но и всякую движимость, и наша обыкновенная поѣздка приняла видъ переселенія. Въ домъ поднялась небывалая дѣятельность. Я не мало удивлялась, какъ послѣ разѣздовъ за покупками и съ визитами, потянулись длинной вереницей съ верхняго этажа на арбы (*): диваны, стулья, ковры, зеркала и пр. и пр. до кухонной посуды. За этимъ послѣдовали разныя пряности, чай, сахаръ, нитки, шелкъ, колоды картъ, мѣль (въ Россіи мѣль служитъ для замѣчанія игры,

(*) Туземный возъ, имѣющій форму открытаго утюга, съ двумя колесами на вертящейся оси: въ него впрягаютъ по одной, а чаще по двѣ пары буйволовъ и быковъ; погонщикъ, если пойдетъ пѣшкомъ, то садится на ярмъ, а также на него. Арба тяжела, не уключа, но не замѣима въ гористыхъ мѣстахъ Закавказья, въ которомъ дороги рѣдко — гдѣ хорошо разработаны.

и нельзя вообразить себѣ, сколько его на это выхо-
ходить), и множество другихъ предметовъ, состав-
ляющихъ потребность богатаго и многолюднаго кня-
жескаго дома. Не были забыты также для платья
прислуги, штуки : ситцу, холста, коленкора, бязи
и проч. Все это было сложено, завязано и упако-
вано со всею аккуратностію.

Мы хотѣли выѣхать въ воскресенье, но на стан-
ціи не оказалось лошадей, и отправились во втор-
никъ. Можно однакожь было выѣхать въ понедѣль-
никъ; но русскіе и грузины ничего не предпринима-
ютъ въ этотъ день; они считаютъ его несчастливымъ.
Мы выѣхали изъ Тифлиса рано утромъ, 18 іюня (ст. ст.)
За Кахетинской заставой насъ обдалъ свѣжій вѣтерокъ,
и мы почувствовали, что избавились наконецъ отъ
удушливой городской пыли и несносной жары. Мы
начали впивать въ себя широкой струею прохлад-
ный воздухъ и были какъ нельзя больше довольны.

Поѣздка наша продолжалась два дня. Она ничѣмъ
не замѣчательна, если не слѣдуетъ упоминать, на-
примѣръ, о томъ, что въ первый день опрокинулись
двѣ наши арбы. Мы заставали на каждой станціи
свѣжихъ лошадей и ѣхали съ маленькой торжест-
венностію : насъ сопровождали верхомъ на лоша-
дяхъ крестыне князя Чавчавадзе, выѣзжавшіе къ
намъ поочередно на встрѣчу, какъ для изъявленія

помѣщицѣ ихъ своего почтенія, такъ и для прикрытія насъ въ небезопасныхъ мѣстахъ, по которымъ мы проѣзжали. На второй день подъ нами сломался экипажъ, и мы принуждены были довершить наше путешествіе на почтовыхъ телегахъ. Для этого набили ихъ сѣномъ и постлали сверху ковры. Мы помчались чрезъ *каменные рѣки* (*) (пересохшіе потоки), окаймленные съ обѣихъ сторонъ большими цветущими гранатами. Роскошная растительность Азіи являлась здѣсь во всемъ своемъ величіи. Наконецъ около двухъ часовъ выглянулъ изъ - за горъ Циондальскій домъ, возвышавшійся надъ пропастью. Уставши отъ тяжелой ѣзды на телегѣ, мы не безъ труда взобрались къ нему по узкой горной тропинкѣ, и цѣль нашего путешествія была достигнута.

Отдохнувъ нѣ много и отдѣлавшись отъ докучныхъ поздравленій крестьянъ, княгиня повела меня въ свой великолѣпный садъ. Превосходныя виноградныя аллеи, жасминовыя бесѣдки, отличныя фруктовыя деревья приводили меня въ восхищеніе. Налюбовавшись имъ, мы перешли въ изящно устроен-

(*) На Кавказѣ, какъ странѣ гористой, часто встрѣчаются такія рѣки. Это просто сухія русла потоковъ, образующихся отъ таянія снѣговъ и отъ дождя. Стремясь съ быстротою, они увлекаютъ съ собой камни, деревья и проч. Русло ихъ почти всегда занесено булыжниками.

ный цвѣтникъ. Я какъ ребенокъ бѣгала отъ розы къ гранату, отъ граната къ лимону, апельсину, каприфолю и проч., распространявшихъ въ воздухѣ упоительный ароматъ. Какихъ наслажденій мы не воображали испытать въ этомъ волшебномъ саду! Можно ли было подумать, что изъ этого восхитительнаго рая мы скоро попадемъ въ страшный адъ!

Спустя три дня послѣ нашего прїѣзда, къ намъ прибыла княгиня Варвара Орбеліани (*), родная сестра княгини Анны Чавчавадзе, съ 7-мѣсячнымъ сыномъ своимъ, княземъ Георгіемъ и 18-лѣтнею внучкою своею, княжною Ниною Баратовою; съ нею была еще кормилица Георгія и двѣ горничныя. Она также искала въ Цинопдальскомъ замкѣ спасенія отъ тифлисскихъ жаровъ, которые могли повредить нѣжному здоровью ея сына; но болѣе всего она прибыла сюда вслѣдствіе горестной утраты. Въ это время не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ мужъ ея, князь Илико Орбеліани былъ убитъ въ сраженіи съ Турками, и безутѣшная вдова искала здѣсь, въ кругу родныхъ, облегченія своей печали.

Мы провели уже нѣсколько дней самыхъ отрад-ныхъ. Однажды любуясь ледяными вершинамъ Кав-

(*) Варвара Ильинична, вдова храбраго генераль-маіора князя Или Орбеліани, смертельно раненаго подъ Башъ-Кадыкларомъ.

каза, покрытыми золотистой пеленою солнечных лучей, князь Чавчавадзе шутя сказалъ мнѣ:

— Въ этихъ самыхъ горахъ живетъ Шамиль.

— Я догадываюсь, князь, къ чему вы это говорите. Но повѣрьте, я не такъ труслива.

— Это такъ.... Однако, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, чтобы вы дѣлали, если бы пришли взять васъ въ плѣнъ?

— Это время уже прошло, сказала я ему. Но вашъ вопросъ напомнилъ мнѣ объ одномъ полковникѣ, который, встрѣтясь со мной въ Тифлисъ, спросилъ: не ѣду-ли и я съ княгинею въ деревню. Получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ совѣтовалъ мнѣ зацѣпиться кинжаломъ, потому что лезгины придутъ похитить меня.

Я со смѣхомъ рассказывала объ этомъ. Князь также улыбался.

На другой день утромъ, князь получилъ приказаніе отправиться за Алазань и принять начальство надъ крѣпостью (*). Онъ тотчасъ занялся приготовленіемъ къ отъѣзду, и повторилъ намъ свои увѣренія, что намъ нечего опасаться. Тогда шелъ проливной дождь.

— Этотъ дождь, сказалъ онъ, помѣшаетъ лезги-

(*) Въ вѣстечкѣ Хандо.

намъ прійти сюда; миновать же Алазань они не могутъ (*). Между тѣмъ изъ Тифлиса прибудеть въ Телавъ войско.

Наступило время отъѣзда, и князь началъ съ нами прощаться. Но слова и поступки его принимали, сколько мнѣ казалось, какой-то особенный оттънокъ грусти. Не было ли это предчувствіемъ нашего несчастья? Мнѣ была известна храбрость князя и онъ за себя не могъ опасаться. Я видѣла также, какъ онъ всякій день ласкалъ своихъ дѣтей, но въ это время, поцѣлуи его были какъ-будто напряженны, судорожны; любовь выражалась хотя пламенно, но не свободно. Онъ долго смотрѣлъ молча на свою маленькую Лодію, которой было не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и съ замѣтнымъ усиленіемъ оторвался отъ нея. Бѣдный отецъ! онъ смотрѣлъ на свое любимое дитя въ послѣдній разъ....

По истеченіи трехъ дней мы получили отъ князя извѣстіе, что онъ съ 400 человекъ защищаетъ крѣпость, атакованную превосходнѣйшимъ числомъ лезгинъ. Онъ убѣждалъ свою супругу, какъ и прежде, ничего не опасаться и не оставлять Цинондалъ до другаго письма.

(*) Отъ сильныхъ дождей рѣка эта дѣлается глубокой и не удобной къ переправѣ.

Духащикъ (*).

1 июля, крестьяне указали намъ, по направленію къ Телаву, поля, объята пламенемъ. Нельзя было болѣе сомнѣваться, что непріятель спустился на равнину и подвигается впередъ, знаменуя по обыкновенію свой путь пожаромъ. Всѣ обратили вниманіе на исправность оружія. Циондальскіе крестьяне приходили къ княгинѣ и убѣждали ее бѣжать въ лѣсъ. Но княгиня не согласилась. Тогда они начали укладывать все свое движимое имущество на арбы и посадили на нихъ женщинъ и дѣтей. Въ пятницу, пожаръ продолжался. Днемъ прибылъ къ намъ Телавскій медикъ Горличенко.

— Лезгины, сказалъ онъ, стоятъ лагеремъ по ту сторону Алазани; они не могутъ теперь переправиться чрезъ нее. Въ Телавѣ все спокойно; тамъ ждутъ изъ Тифлиса войска.

Въ залѣ находилась также княгиня Тинія, престарѣлая тетка князя Чавчавадзе. Она до того пуглива, что при малѣйшей опасности готова бить

(*) Маркитантъ.

тревогу; но теперь, какъ нарочно, была совершенно спокойна, и вотъ почему:

— Съ дѣтства моего, сказала она доктору, я постоянно слышу, что на Цинондалы собираются напасть Лезгины, но этотъ слухъ никогда не оправдывался, да и теперь я ему ни за что не повѣрю.

— Впрочемъ, прибавила княгиня Чавчавадзе, надобно подождать, что напишетъ мнѣ мой мужъ.

Между тѣмъ все крестьяне разбѣжались. Сосѣдніе помѣщики приходили также и убѣждали насъ уйти съ ними въ лѣсъ; они бросили все свое имущество и думали только о спасеніи себя. Но княгиня и на этотъ разъ осталась при своемъ намѣреніи. Сколько я не люблю ее и уважаю, но не могу не упрекнуть ее здѣсь въ крайней безпечности. Какъ-таки не послѣдовать столь настоятельнымъ увѣщаніямъ? Будь я съ нею покороче знакома, какъ теперь, я непремѣнно уговорила бы ее бѣжать тогда же, въ пятницу, но я жила съ нею только полгода; не зная же мѣстности, я боялась показаться малодушной до смѣшнаго.

Въ субботу пожаръ продолжался по прежнему. Очевидная опасность, казалось, подѣйствовала на княгиню. Начали укладывать серебро, драгоценныя камни и другія дорогія вещи. Отважный крестьянинъ князя, Зурія, вызвался предъ княгинею отправить-

ся въ развѣдку; княгиня согласилась, и онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ пожаръ. Спустя нѣкоторое время, Зуріа возвратился; платье на немъ было все издыравлено пулями, какъ рѣшето, самъ же онъ остался въ живыхъ, благодаря только далекому разстоянію, уменьшавшему силу пуль. Но Зуріа, который одинъ рѣшился жертвовать собою для своихъ господъ, былъ, къ сожалѣнію, преданъ пьянству и оттого на его рассказъ мало обращали вниманія.

Не успѣлъ крестьянинъ этотъ отправиться въ развѣдку, какъ къ намъ явился какой-то армянинъ, выдававшій себя за духанщика. Онъ просился на ночлегъ и сказалъ, что носилъ деньги куда-то; проходя же по здѣшнимъ мѣстамъ, наткнулся на лезгинъ, и это принудило его пойти назадъ по той же дорогѣ. Словамъ его можно было повѣрить; но лицо этого человѣка показалось княгинѣ слишкомъ подозрительнымъ, почему она тотчасъ сказала прислугѣ:

— Не пускайте этого человѣка никуда; отберите у него оружіе, и если онъ вздумаетъ бѣжать, стрѣляйте по немъ.

Строгость эта была вызвана обстоятельствами; но княгиня тогда же прибавила, съ свойственной ей добротою:

— Позаботьтесь объ немъ и накормите его.

Прислуга исполнила только послѣднія слова, совершенно забывъ о первыхъ; это еще болѣе содѣйствовало къ печальной развязкѣ.

Приходъ этого человѣка, вѣсти принесенныя Зуріемъ, доказывали, что опасность была неизбежна. Но надежда на спасеніе еще не совсѣмъ насъ покинула. Мы имѣли легкія повозки, которыя были весьма удобны для быстрой ѣзды. Княгиня немедленно послала въ Телавъ двухъ нарочныхъ, одного вслѣдъ за другимъ, чтобы они въ тотъ же вечеръ привели лошадей. Но на станціи отвѣчали имъ, что лошадей нельзя имѣть раньше утра слѣдующаго дня, т. е. въ воскресенье. Между тѣмъ горничныя продолжали укладывать въ сундуки все, что можно было взять съ собой. Крестьяне опять пришли просить насъ, чтобы мы ушли въ лѣсъ. Добрый Зуріа особенно приставалъ ко мнѣ; но могла-ли я, не выказавъ презрѣнной трусости, оставить въ такую минуту моихъ ученицъ Саломѣ и Марію?

Наконецъ всѣ приготовления были кончены. Вечеромъ, мы собрались въ спальнѣ княгини Орбеліани; дѣтей положили на разостланныхъ на полу коврахъ, и когда они уснули, всѣ свѣчи были погашены. Мы вышли на балконъ и, храня молчаніе, смотрѣли на постепенно приближавшіеся огни непріятеля. Луна проливая на окружающіе предметы чуд-

ный матовый свѣтъ; но онъ былъ не выгоденъ для насъ: Лезгины, несмотря на препятствія, могли подвигаться впередъ и наконецъ совершенно преградить намъ дорогу къ спасенію. Княгиня Тинія все таки не переставала повторять:

— Лезгины не посмѣютъ прійти въ Цинондалы.

Мы впали въ то состояніе, которое нельзя назвать ни бодрствованіемъ, ни сномъ. Въ 4 часа ночи раздался ружейный выстрѣлъ и вызвалъ насъ изъ этого состоянія. Опасность начала облекаться предъ нами въ плоть и кровь. Мы усиливались услышать еще что нибудь.... но напрасно. Потомъ мы подумали: не былъ-ли этотъ выстрѣлъ случайнымъ; иначе, почему бы, въ слѣдъ за нимъ, водворилась прежняя, ни чѣмъ невозмущаемая тишина? Я сошла въ садъ и направилась къ церкви, утопавшей какъ птичье гнѣздо, въ виноградныхъ листьяхъ. Здѣсь я долго молилась и чувствовала, какъ постепенно силы мои возвращались. Все было спокойно въ этомъ обширномъ саду, я начала машинально прохаживаться. Достигнувъ рощи, расположенной на краю высокаго обрыва, я увидѣла человѣка, присутствіе котораго здѣсь меня испугало. Хотя я не знала всѣхъ крестьянъ князя; но черты лица грузинъ выражаютъ добродушіе, налицъ же этого человѣка написано было что-то злодѣйское; впрочемъ онъ ничего

не сказала мнѣ и пошелъ ко двору дома. Въ это время я замѣтила, что у него было ружье. Я поспѣшила, какъ можно скорѣе, въ домъ. Посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ находится обрывъ, я увидѣла, что воды почти не было въ рѣчкѣ, протекавшей у его подошвы; два человѣка, держа лошадей, по одной каждый, съ осторожностію переходили на другой берегъ.

III.

Лезгичи. — Пльвъ.

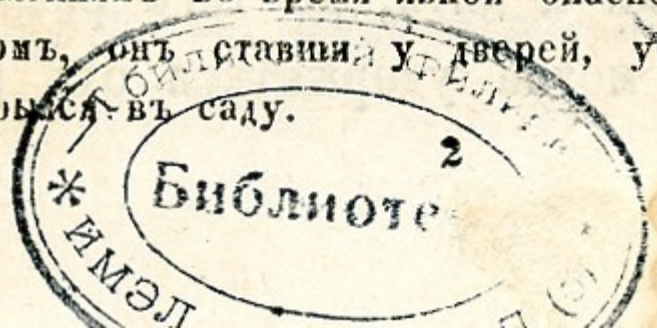
Положеніе, въ которомъ мы находились, чрезвычайно разстроило наше воображеніе, и оттого все, что я сейчасъ видѣла, приводило меня въ ужасъ. Я побѣжала рассказать княгинямъ объ этихъ зловѣщихъ примѣтахъ. Но на вопросъ мой, что онѣ дѣлаютъ, мнѣ отвѣчали: княгиня Орбеліани молится, а княгиня Чавчавадзе спитъ.

Спустя часъ, княгиня Анна позвала меня къ себѣ. Мы окончательно приготовились въ путь. Я положила себѣ за корсетъ нѣсколько писемъ и пучковъ волосъ, — предметы, которые были для меня дра-

гоцѣннѣе всего. Сшивъ наскоро сумку, я положила въ нее французскую грамматику и другую небольшую книгу, подъ заглавіемъ: *Богъ есть любовь*, подаренную мнѣ на память одною изъ тифлисскихъ моихъ пріятельницъ. Приготовляли чай — обстоятельство весьма важное для прислуги княгини, — все дѣлалось, какъ будто мы могли совершенно свободно располагать своимъ временемъ. Изъ Телава опять пріѣхалъ докторъ и болѣе часа уговаривалъ насъ, немедленно отправиться въ путь.... Упрямство и безпечность старыхъ русскихъ нянекъ, привыкшихъ ни въ чемъ не уступать, довершили все прочее. Только-что хотѣли положить на повозку княгинины алмазы, какъ раздался крикъ: *лезгинь!*

Было 8 часовъ утра. Добрый докторъ Горличенко (единственный человекъ, которому мы вѣчно признательны за его геройское самоотверженіе), (*) держа наготовѣ ружье, упрашивалъ насъ, куда нибудь спрятаться. Княгиня сказала, что наилучшее мѣсто для этого бельведеръ. Не подозрѣвая намѣреній лезгинъ, она думала, что они не пойдутъ туда. Дѣти,

(*) Горличенко пріѣхалъ къ княгинямъ во время явной опасности; когда же напали лезгинь на домъ, онъ ставши у дверей, убилъ перваго явившагося горца, и скрылся въ саду.

няньки, кормилицы, горничныя, служанки и всѣ женщины, какія только были въ домѣ, бросились за нами. Никогда не забуду я какъ въ эту роковую минуту княгиня Чавчавадзе, всегда искренно расположенная ко мнѣ, обнявъ меня, сказала съ чувствомъ сожалѣнія и раскаянія:

— Ахъ! что я сдѣлала, мадамъ? Простите меня, умоляю васъ, за всѣ несчастія, которыя постигнутъ васъ по моей винѣ.... Боже мой! Зачѣмъ я не заставила васъ бѣжать?

— Княгиня! отвѣчала я, мнѣ неизвѣстно, какая участь ждетъ меня; но что бы ни случилось, я готова жертвовать для васъ своею жизнью.

— Будемъ молиться, продолжала она; намъ остается не много жить.

Вскорѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, стали ясно различать приближавшіеся къ намъ шаги горцевъ. Крикъ дѣтей и вопли женщинъ служили имъ проводниками въ наше убѣжище. Всѣхъ насъ постигла какая-то неизъяснимая тоска. Столѣтняя старуха, воспитывавшая некогда отца князя Чавчавадзе, совершенно забывъ саму себя, съ жаромъ молилась о спасеніи дѣтей добраго своего господина. Далѣе, кормилица Георгія Орбеліани, оставившая въ Тифлисѣ своего мужа и дитя, до того разжалобилась объ нихъ, что не могла удержаться отъ рыданія. Катерина, гор-

ничная княгини Орбеліани, также рыдала, ^{выражая} сожалѣніе не о себѣ, а о дитяти своей госпожи, любимомъ ею до крайности. Престарѣлая княгиня Тинія, которая была такъ неустрашима наканунѣ этого дня, совершенно потеряла рассудокъ: въ ту минуту, когда всякая матеріальная собственность становилась бесполезной, она неотступно просила принести ей чайныя чашки, опасаясь, чтобы хищники не унесли ихъ. Кормилица князя Чавчавадзе сопровождала свою пламенную молитву тою необыкновенною мимикой и тѣми жестами, съ какими молятся простые грузины. Саломѣ и Марія испуганныя страшной суматохой, судорожно прижимались ко мнѣ. Я ихъ уговаривала, чтобы онѣ не плакали. — Послышались неистовые крики лезгинъ. Подъ ударами ихъ полетѣли съ визгомъ стекла, затрещала мебель, зазвенѣло въ сундукахъ серебро; наконецъ до насъ достигли смѣшанные звуки двухъ фортепьяно, по клавишамъ которыхъ не милосердо колотили дикари. Изъ бельведера открывался весь садъ. Мы видѣли, какъ онъ наполнялся всадниками въ чалмахъ; сначала ихъ было не болѣе пятидесяти; но потомъ они нахлынули въ безчисленномъ множествѣ. Рѣчка, представлявшая единственную дорогу въ домъ, доступную для непріятеля, была вся покрыта

ими. Бѣднымъ Цинондаламъ грозило совершенное раззореніе!

Княгиня Чавчавадзе долго ничего не говорила, погружившись мыслями въ саму себя; потомъ она взяла къ себѣ на руки Лидію. Кромѣ весьма не многихъ, со всею силою подпиравшихъ собою запертую дверь, мы все стояли на колѣняхъ. Лезгинамъ показалось удивительнымъ, что они нигдѣ не встрѣчаютъ сопротивленія, и эта легкая побѣда приводила ихъ въ большее неистовство. Бѣгая по комнатамъ и постукивая въ стѣны, они думали открыть какое нибудь сокровище.... и приближались къ намъ.... Одна княгиня Орбеліани, казалось, была спокойна. Благословивъ своего любимаго Георгія и передавъ его потомъ на руки кормилицы, она подошла къ двери, которую горцы сильно начали шатать, и стала ожидать своей участи. Быть можетъ она хотѣла быть первою жертвою, чтобы не видать мученій ни своего дитяти, ни своей сестры, ни своихъ внуковъ.... но быть можетъ также, она хотѣла своимъ примѣромъ ободрить насъ къ принятію роковаго удара.

Дверь не поддавалась нѣсколько минутъ.... Горцы пришли въ бѣшенство.... дверь уступила.... началась страшная суматоха: на насъ бросается толпа людей.... раздается ужасная смѣсь криковъ ярости и воплей отчаянія.... каждая изъ насъ нахо-

дится въ рукахъ котораго либо изъ этихъ хищниковъ; всякое сопротивленіе оказывается бесполезнымъ.... Горецъ, — звѣрское лицо котораго приводитъ меня до сихъ поръ въ содраганіе, — схватываетъ меня и уноситъ, не смотря на мои усилія освободиться отъ него. Проходя чрезъ дверь бельведера, надо было наклониться, но мой похититель не обращаетъ ни на что вниманія и я крѣпко ушибаю себѣ голову.... Человѣкъ, котораго я сдѣлалась добычей, ступаетъ ногой на лѣстницу: раздается трескъ, сопровождаемый крикомъ испуга.... лѣстница подъ тяжестію похитителей и ихъ жертвъ ломается.... Въ эту ужасную минуту одна изъ женщинъ княгини хватается за мое платье.... Горецъ быстро отталкиваетъ ее, и она летитъ стремглавъ. Ступенька, на которой онъ меня держитъ, покачнулась; въ это самое мгновеніе онъ сильно сжимаетъ меня въ своихъ рукахъ, дѣлаетъ отчаянный прыжокъ съ третьяго этажа, и мы падаемъ на дворъ, среди разбросанныхъ обломковъ.

Не успѣли мы коснуться земли, какъ одинъ изъ хищниковъ, въ чалмѣ, подскакиваетъ ко мнѣ и хочетъ вырвать меня изъ рукъ того, которому я досталась въ добычу. Этотъ не уступаетъ.... Засверкали кинжалы.... Я подумала, что меня хотятъ поразить и закричала: я французенка; но крикъ этотъ

былъ напрасенъ. Мой похититель держалъ меня оцѣною рукою: я должна была участвовать въ борьбѣ двухъ злодѣевъ, оспаривавшихъ меня одинъ у другаго. Полилась кровь, и я перешла въ руки того, который былъ въ чалмѣ. Новый властелинъ мой, котораго я по костюму, особенно же по его звѣрскому виду, принимала за чеченца, повлекъ меня въ первый дворъ и передалъ двумъ нукерамъ. Я не понимала его разговора точно такъ же, какъ онъ моего. Онъ мнѣ далъ поддержать двухъ лошадей за поводья. Замѣтивъ по моему движенію, что я уклоняюсь отъ этого, онъ поднялъ плеть, намѣреваясь меня ударить. Я покраснѣла отъ стыда; но убѣдилась въ необходимости покориться судьбѣ.

Разграбленіе Цицондалъ. — Отъѣздъ.

Первымъ моимъ желаніемъ было увидѣть моихъ милыхъ подругъ и бѣдныхъ моихъ ученицъ. Дворъ нашъ, который я начала кругомъ осматривать, представлялъ ужасное зрѣлище: лошади, быки, буйволы, опрокинутыя повозки, рыдающія женщины въ изорванномъ платьѣ, съ растрепанными волосами.... все

носило слѣды насилія! Моя маленькая Марія звала меня, крича изъ всѣхъ силъ; я хотѣла побѣжать къ ней, но нукеры удержали меня.... Я почувствовала свое безсиліе. Не смѣя сдѣлать шагу безъ позволенія этихъ жалкихъ существъ, я плакала и умоляла, чтобы мнѣ позволили пойти къ моей милой крошкѣ: но ни слезы, ни просьбы не подѣйствовали! Вскорѣ впрочемъ, по какому-то счастливому случаю, Марія очутилась возлѣ меня, сидя на лошади; я поцѣловала ее и хотѣла ободрить, но ее далеко увели отъ меня.

Я всюду устремляла взоры, чтобы отыскать добрую княгиню Чавчавадзе. Наконецъ я ее увидѣла.... но въ какомъ положеніи! Она лежала распростертою на землѣ, а бѣдная Лидія у ней на груди; прелестныя ея волосы были въ безпорядкѣ и за исключеніемъ вышитой кофточки, которая едва надѣта была, все платье ея состояло изъ штаниковъ и юбки. Маленькая же дочь ея, первая, которую она была въ состояніи кормить грудью, находилась въ одной рубашкѣ, безъ пеленокъ и покрывала, бывшихъ столь необходимыми для ея слишкомъ нѣжнаго тѣла. Лошади хищниковъ поставлены были кругомъ княгини такъ близко, что я, не смотря ни на что, побѣжала сказать ей объ этомъ. Но она приподнявъ голову, кивнула ею, желая какъ будто выразить тѣмъ, что

для нея теперь все равно, что она не принадле-
жить болѣе этому міру.

— Дѣти! дѣти! проговорила она.

— Марія тамъ, а Саломе далѣе, сказала я.

Вдругъ меня кто-то сильно дернулъ за руку, мнѣ жаль было оставить княгиню, но будучи невольницей, я не могла располагать собою, и сейчасъ-же отправилась на свое мѣсто. Вслѣдъ за этимъ, предомною разыгралась кровавая сцена, отъ которой я трепетала всѣми членами. Возлѣ самой княгини поднялась страшная схватка. Но она не хотѣла сдѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобы избѣгнуть угрожавшей ей опасности. Схватка эта произошла за обладаніе ею. Многіе изъ хищниковъ догадывались, что княгиня была дорогою добычей, съ ожесточеніемъ оспаривали ее одинъ у другаго. Наконецъ ссора кончилась, и княгиня, подобно мнѣ, стала принадлежать одному хозяину. Онъ наклонился къ ней и спросилъ:

— Ты-ли княгиня Чавчавадзе?

— Да, сказала она, и потомъ начала искать глазами своего сына. Какой-то человекъ, говорившій по-грузински, указалъ его. Тогда княгиня вынувъ изъ своихъ ушей богатые брилльянтовые серьги, отдала ихъ этому человеку и потомъ опять впала въ прежнее самозабвеніе.

Во все это время, сколько я ни старалась при-
мѣтить княгиню Орбеліани, но не могла; племянница
же ея, княжна Пина, сидѣла на отличной лошади,
не далеко отъ меня. Я была чрезвычайно удивлена,
взглянувъ на ея изящный грузинскій костюмъ: онъ
былъ въ совершенномъ порядкѣ и нисколько не
помятъ; ее стерегъ молодой человекъ, у котораго
черты лица были не столь свирѣпы, какъ у другихъ
хищниковъ. Но зато какую противоположность состав-
ляла съ княжною Пиною престарѣлая тетка княгини!
Она была лишена всего платья; бѣлыя ея волосы
ниспадали на ея благородное лицо, а руки, подня-
тыя къ небу, казалось, умоляли о наказаніи не-
достойныхъ существъ, не питавшихъ ни уваженія,
ни состраданія къ ея старости. Бѣдная столѣтняя
старуха была почти такъ же обнажена; горцы
были къ ней до того жестоки, что привязали ее
къ дереву: ее освободили уже на другой день.
Что же касается княгини Тивіи, то она послѣ на-
шего ухода, побѣжала въ лѣсъ, гдѣ скрывались
крестьяне; тутъ ее переодѣли въ мужское платье
и отвезли въ Телавъ. Эти двѣ послѣднія жертвы
были брошены Лезгинами: они не придавали имъ
никакой цѣны.

Между тѣмъ началось разграбленіе дома: сунду-
ки, посуда, серебро, кружева, брильянты, дорогія

шали, все стало переходить въ руки жадныхъ хищниковъ, не понимавшихъ ни цѣны, ни рѣдкости предметовъ, къ которымъ они впервые прикасались. Тогда какъ одинъ ломалъ серебряное блюдо, чтобы удобнее помѣстить его въ мѣшокъ, другой поднималъ съ земли старую перчатку или хваталъ обыкновенный подсвѣчникъ, думая, конечно, что онъ также воспользовался хорошей добычей. Каждый старался зацѣпиться сахаромъ, кофеемъ, чаемъ. Кто отвѣдывалъ помаду въ банкахъ, а кто глоталъ клещевинное масло, причисляя ихъ, разумѣется, къ нашей кухонной провизіи. Нашелся даже такой, который заставлялъ меня съѣсть кусокъ мѣлу, желая узнать вкусенъ-ли онъ. Вся эта сцена возбуждала ужасъ и отвращеніе; невѣжество представлялось тутъ въ самомъ грубомъ видѣ.

Грабежъ продолжался болѣе часу. Наконецъ насъ вывели изъ двора и мы двинулись въ путь. Я шла пѣшкомъ; нукера же ѣхали верхомъ на лошадяхъ, находясь, по причинѣ узкой дороги, одинъ впереди, а другой позади меня. Вскорѣ къ намъ присоединился горецъ въ чалмѣ. Бросивъ мнѣ на голову тряпку, которою вытирали посуду въ нашей кухнѣ, онъ посадилъ меня по-мужски на лошадь позади одного изъ нукеровъ. Другія плѣнницы ѣхали точно такъ-же.

А л а з а н ь.

Дорога эта привела насъ къ рѣчкѣ, возлѣ которой стояли экипажи князя: видя невозможность тащить ихъ далѣе, лезгины зажгли ихъ.

Мы всѣ переправились чрезъ эту рѣчку на лошадяхъ; одна только княгиня Чавчавадзе, неся на рукахъ свою маленькую Лидію, продолжала идти пѣшкомъ. Но достигнувъ середины, она не могла устоять и упала въ воду вмѣстѣ съ ребенкомъ. Лезгины тотчасъ вытащили ее на берегъ и посадили на лошадь, уже въ совершенномъ изнеможеніи. Съ этой поры начались новыя пытки для княгини. Сидя позади своего похитителя, она должна была держаться одною рукою за него, чтобы не упасть, а другою прижимать къ себѣ Лидію. Бѣдная малютка, будучи въ одной рубашкѣ и плохо поддерживаемая уставшею рукою, сильно билась о сѣдло. Напрасно несчастная мать со слезами умоляла ѣхавшаго съ нею человѣка, чтобы онъ далъ ей что - нибудь привязать дитя.... Горецъ не обращалъ никакого вниманія на ея ужасныя мученія!

Княгиня Орбеліани чрезвычайно роптала на себя, что не взяла съ собою Лидіи; это, впрочемъ, произошло оттого, что сестра ея сама кормила свою дочь, и какъ мы еще не знали, куда судьба заброситъ каждую изъ насъ, то разлучить мать отъ дитяти было бы очень неблагоразумно. Правда, Александръ Чавчавадзе былъ вырванъ изъ рукъ своей няньки, но, къ счастью, онъ былъ переданъ въ надежныя руки Люціи, горничной княгини. Не имѣя возможности достать какой нибудь пищи, она кормила бѣднаго ребенка снѣгомъ и тѣмъ спасла его отъ смерти. Зато Георгій Орбеліани былъ счастливѣе въ этомъ случаѣ. Здоровое его тѣлосложеніе обратило на него вниманіе горцевъ: онъ остался при своей нянькѣ и ей данъ былъ мѣшокъ, которымъ бы она крѣпко привязала его къ себѣ.

Мои ученицы ѣхали, по временамъ, въ небольшомъ разстояніи отъ меня, и тогда я могла говорить съ ними и утѣшать ихъ. Саломѣ, въ нравѣ которой обнаруживалась уже благородная гордость, громко жаловалась на сидѣвшаго съ нею человѣка и грозила ему своей рученкой. Опасаясь, чтобы съ нею не поступили дурно, я всячески старалась ее успокоить. Что же касается Маріи, то она своею кротостію и любезностію выиграла. Сначала она много плакала; но кто-то далъ ей яблоко, она стала его

кушать и замолчала. Вскорѣ послѣ этого маленькій крѣпостной мальчикъ и баловень князя, Элло, приблизился къ Маріи: тогда беззаботное дитя стало шутить съ нимъ и смѣяться.

Наши платья, шляпки и другія вещи, порванные въ куски, украсили собой лошадей и головы горцевъ. Одинъ изъ нихъ везъ съ триумфомъ мой зонтикъ: у горцевъ, какъ и у арабовъ, зонтикъ служитъ признакомъ благородства.

Послѣ продолжительнаго пути, похитители наши расположились отдыхать на обширномъ лугу. Они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ въ знакъ удачнаго предпріятія; на эти выстрѣлы собралось множество чеченцевъ и лезгинъ, отправлявшихся въ Цинондамы для довершенія грабежа.

Одинъ изъ горцевъ подошелъ ко мнѣ съ французской книгой, похищенной имъ въ княжескомъ домѣ. Книга эта, подъ заглавіемъ: *Духъ Христіанства*, была искажена рукою невѣжества. Какъ сильно желала я имѣть эти, написанныя на моемъ родномъ языкѣ страницы, особенно потому, что другихъ, можетъ быть, я не увидала бы! Горецъ спросилъ меня, что это такое? Не зная русскаго языка, я отвѣчала ему однимъ словомъ: хорошо. Въ это время стали собираться въ дорогу; онъ взялъ книгу и удалился.

Тамара, трехлѣтняя дочь княгини Чавчавадзе, громко плакала, ее хотѣли отнять у няньки ея Варвы. Крикъ ея наскучилъ нашимъ хищникамъ, почему они положили ее въ мѣшокъ. Дитя не видя болѣе ихъ страшныхъ лицъ, перестало плакать и заснуло.

Партия, сопровождавшая насъ, состояла изъ трехъ тысячъ человекъ. Это было причиной, что мы часто находились вдали другъ отъ друга. Наконецъ я потеряла изъ виду княгиню и ихъ дѣтей; желая сколько нибудь развлечься, я обратила вниманіе на поля. Какъ жаль мнѣ было, что горцы нещадно топтали лошадьми превосходныя нивы! Безчеловѣчные варвары! они хотѣли довершить этимъ свое ужасное опустошеніе. Наконецъ мы достигли Алазани. Свирѣпо смотрѣла на насъ эта рѣка, высоко поднявшись отъ дождевыхъ потоковъ. Не ужели, подумала я, хищники наши до того будутъ безразсудны, что рѣшатся на переправу? Но они въ самомъ дѣлѣ рѣшились и совершили ее съ такою ловкостію и смѣлостію, что я досихъ поръ ничего подобнаго не видала. Для этого дѣти были поставлены на хребтахъ лошадей, чтобы не замочились; намъ же горцы объяснили знаками держать ихъ въ этомъ положеніи, какъ можно крѣпче. Затѣмъ они вдругъ пустили лошадей въ рѣку. Какъ не высоко поднимали эти животныя свои головы, но вода доходила имъ до

самыхъ ушей. Надобно однакожь было видѣть, съ ка-
кимъ ужаснымъ напряженіемъ они старались одо-
лѣть враждовавшую съ ними стихію! Когда мы
были на срединѣ рѣки, Марія закричала мнѣ: «ма-
дамъ, вы потеряете юбку». Къ сожалѣнію это оправ-
далось, и я послѣ переправы, осталась только въ
рубахѣ и корсетѣ. Дрожь пробрала меня до костей;
но одинъ изъ горцевъ сжалился надо мною и на-
бросилъ на меня бурку.

Выбравшись на противоположный берегъ Алазани,
мы остановились на нѣсколько минутъ. Проводникъ мой
вынулъ изъ кармана кукурузяной муки и пригла-
шалъ меня раздѣлить съ нимъ его скудную пищу.
Онъ подалъ мнѣ кусокъ вареной буйлятины, не ус-
тупавшей въ твердости камню. Я возвратила его, и
попросила воды. Въ эту минуту горецъ въ чалмѣ,
подошедши ко мнѣ, сорвалъ съ моего пальца по-
слѣдній, оставленный имъ перстень; другой пер-
стень и прочія драгоценныя мои вещи онъ от-
нялъ у меня еще во дворѣ княжескаго дома. Отдавъ
приказаніе нукерамъ, онъ удалился. Послѣ этого,
проводникъ мой, имѣя съ собой воловъ и буйволовъ,
поѣхалъ по другой дорогѣ. Дорога эта, впрочемъ, не
слишкомъ отдалялась отъ той, по которой ѣхали мои
милая спутницы.

W. H.

Пападеніе. — Смерть Лидіи.

Между тѣмъ, вблизи насъ поднялась большая тревога. Незначительная партія грузинъ пыталась освободить насъ. Она внезапно напала на нашъ конвой и завязала съ нимъ перестрѣлку. Горцы далеко превосходили эту партію своимъ числомъ; но опасаясь преслѣдованія сильнѣйшей партіи, они не хотѣли оспаривать побѣды у горсти людей. Набросивъ намъ на головы бурки, они пустились бѣжать, не обращая вниманія на нивы, рытвины, рвы и всякія препятствія. Воздухъ огласился крикомъ: *Шамиль имамъ! Шамиль имамъ!* Побуждаемые гиками и плетью, лошади сильно горячились и скакали съ такою быстротою, что у насъ спиралось дыханіе.

Эта адская скачка продолжалась болѣе часу. Лошади пущены были мелкой рысцею уже предъ сумерками. Путь нашъ пролегалъ среди болотистой мѣстности, гдѣ ліаны и колючки останавливали насъ на каждомъ шагу. Княгиня Чавчавадзе проѣхала мимо меня. Она была блѣдна и печальна.... Съ нею не было Лидіи. Меня это сильно встревожило: Гдѣ же маленькая княжна, спросила я себя? но ни что не могло

объяснить мнѣ этого, и я въ ожиданіи разрѣшенія странной загадки, должна была вооружиться терпѣніемъ.

Мы проѣзжали чрезъ многія грузинскія деревни, которыя на всемъ своемъ протяженіи были объаты пламенемъ. Почти изъ каждаго горѣвшаго дома лезгины приводили къ намъ плѣнниковъ и присоединяли ихъ къ нашей партіи. Поднявшись на небольшое возвышеніе, взоры мои были поражены огромнымъ заревомъ пожара. Я вскрикнула отъ ужаса. Лезгины сказали мнѣ, что это горитъ Цинондальскій домъ.

Несчастный князь! Ему также видно это зарево. Все, что для него драгоцѣнно, тамъ: жена, дѣти, сестра; племянники, друзья, огромное богатство, обращенное въ нѣсколько часовъ въ ничто.... Сердце его обливается кровью, но долгъ службы не позволяетъ ему оставить своего мѣста. Исполнивъ же его, что ему останется дѣлать? плакать какъ мужу, отцу.... Разъяренное пламя не подаетъ никакой надежды; онъ, конечно, думаетъ, что мы всѣ погибли.

Не всѣ, но Лидіи нѣтъ ужь на свѣтѣ! Я только что рассказала, съ какою неимовѣрною быстротою похитители наши уходили, опасаясь преслѣдованія. Въ это время силы княгини Чавчавадзе окончательно истощились. Рука, которою она держала ребенка съ утра, совершенно онѣмѣла. Отъ неожиданнаго

толчка княгиня выпускаетъ его и несчастная малютка падаетъ на траву. Бѣдная мать поднимаетъ страшный крикъ и хочетъ броситься съ лошади, чтобы подхватить свое дитя. Но въ это самое мгновеніе похититель, не обращая вниманія на ея крикъ и слезы, лишаетъ ее всякаго движенія. Скачущія за ними во весь опоръ лошади топчуть ребенка... а какой-то чеченецъ ударомъ кинжала прекращаетъ его жизнь.

Княгиня была далеко и не видала этого звѣрскаго поступка. Долго она утѣшала себя, что ея дитя поднято, и какъ ни велико было ея материнское безпокойство, но ей и на мысль не приходило подобное варварство. Мы узнали уже по прошествіи довольно долгаго времени, что на третій день послѣ этого, тѣло Лидіи было найдено на томъ же мѣстѣ, гдѣ она упала, и отнесено къ отцу. Теперь оно почиваетъ въ маленькой Цинондальской церкви.

Тогда же и на томъ самомъ мѣстѣ найдены были тѣла шестидесяти жертвъ. Изъ нихъ только три были изъ Цинондаля: Лидія, жена дворецкаго князя Дариджана и жена священника. Сначала вѣсто этой послѣдней приняла меня, отъ этого многіе журналы извѣстили о моей смерти и своей невольной ошибкой сильно опечалили моихъ родныхъ.

VIII.

Ночь въ лѣсу. — Гаджи - Керимъ.

Наступила совершенная ночь. Мы въѣхали въ чрезвычайно густой лѣсъ и должны были безпрестанно разводить вѣтви, чтобы прокладывать себѣ дорогу. Это было причиной, что мы подвигались впередъ очень медленно. Но похитители наши сѣвшили скорѣе удалиться отъ грузинскихъ земель; почему мы, не смотря на трудность пути, шли очень долго, не останавливаясь нигдѣ ни на одну минуту. То тамъ, то сямъ раздавались крики женщинъ, которыхъ волосы цѣплялись за деревья или ноги были уязвляемы колючками. Было такъ темно, что мы пробирались ощупью. До сихъ поръ меня подираетъ морозъ по кожѣ, какъ только вспомню я объ этой первой, ужасной ночи!

Довольно счастливая въ моемъ несчастіи, я до сихъ поръ находилась подъ надзоромъ дикаго, но не безчеловѣчнаго горца. Послѣ же этого я стала подвергаться ужаснѣйшимъ пыткамъ. По приказанію Гаджи-Керима (такъ назывался горецъ въ чалмѣ, хозяинъ двухъ еукеровъ и мой), я должна была

слѣзть съ лошади, отдать бурку, которую
 страданія надѣли на меня послѣ переправы чрезъ
 Алазань, и слѣдовать за своимъ хозяиномъ. Впери-
 ди насъ пукера гнали скотъ и открывали намъ до-
 рогу. Я была разлучена съ княгинями. Прошло уже
 много времени, какъ мы стали подниматься на гору,
 но я не могла предузнать страшныхъ послѣдствій
 этого подъема. Мало по малу меня оставили силы,
 и я упала. Представьте же себѣ, какой стыдъ и
 отчаяніе овладѣли мною, когда на меня, беззащит-
 ную жертву, посыпались удары плети! Я вооружи-
 лась всевозможнымъ терпѣніемъ, чтобы переносить
 постигшее меня несчастіе, но могла ли я предви-
 дѣть всѣ испытанія, которыя ждали меня впереди?

Напрасно я напрягала силы, чтобъ идти дальше.
 Препятствія, встрѣчаемая въ лѣсу во время ночи,
 совершенно изнурили меня. Я упала во второй разъ.
 Гаджи-Керимъ снова ударилъ меня. Я встала; но
 онъ съ досадою бросилъ меня опять на землю....
 Мнѣ показалось, что онъ хочетъ меня убить.... За-
 жавъ мнѣ одною рукою ротъ, онъ ударилъ меня
 другою въ грудь. Рука эта встрѣтила портретъ мо-
 его сына, спрятанный подъ корсетомъ. Онъ сорвалъ
 его вмѣстѣ съ нѣсколькими иконками и письмами,
 которые я хранила какъ нѣчто завѣтное. Но икон-
 ки ускользнули изъ-подъ его пальцевъ. Разбойникъ,

думая, что это были деньги, хотѣлъ непременно отыскать ихъ. Онъ безпрестанно колотилъ меня то кулакомъ, то плетью, чтобы я помогала ему въ этомъ. Мы однакожь не успѣли найти ихъ и отправились въ путь, будучи обоимъ недовольны: онъ своею потерей, а я жестокимъ его обращеніемъ.

Замѣтивъ огни, мы направились къ нимъ. Ноги мои совершенно одеревенѣли отъ ходьбы и холода. При этомъ меня пожирала страшная жажда. Я неотступно просила у моего палача воды напиться, и какъ онъ, казалось, не понималъ меня, то я указала ему на тунги (мѣдные кувшины). Сосуды эти висѣли на лошадяхъ, возлѣ которыхъ мы остановились. Гаджи-Керимъ велѣлъ разостлать для себя на землѣ бурки; изъ нихъ одна, по его же приказанію, была постлана для меня. Но я отказалась сѣсть на нее. Я предпочла опереться на одну изъ лошадей, которыя были мнѣ не такъ страшны, какъ этотъ варваръ. Онъ просидѣлъ здѣсь покрайней мѣрѣ два часа. Меня сильно мучила лихорадка и жажда. Наконецъ, посмотрѣвши на луну, онъ положилъ опять свою бурку на лошадь, и мы продолжали далѣе нашу дорогу. Ноги мои были въ крови; чѣмъ болѣе мы шли, тѣмъ путь нашъ дѣлался труднѣе; острые камни и колючіе кустарники, при всей моей осторожности, драли мнѣ тѣло. Побой продолжали сыпаться на

меня, несмотря на то, что я всячески старалась не подвергаться имъ. Не имѣя силъ идти далѣе, я упала на землю и просила Бога послать мнѣ смерть для прекращенія моихъ мученій. Гаджи-Керимъ вступилъ со мной въ разговоръ; но я изъ всѣхъ его словъ поняла только:

— Ты княгиня?

Вопросъ этотъ онъ мнѣ предлагалъ уже нѣсколь-ко разъ. Ему хотѣлось, конечно, узнать, какой выкупъ онъ могъ получить за меня. Мнѣ и на мысль не приходило сказать ему, что я княгиня. Это, можетъ быть, спасло меня отъ болѣе жестокаго обращенія.

— Я гувернантка.

Гаджи-Керимъ не понималъ по-французски; но это не мѣшало ему быть человѣколюбивымъ. Онъ не могъ предполагать, чтобы я была крестьянка, найдя у меня довольно цѣнныя вещи, почему спросилъ:

— Ты батано (госпожа)?

— Да, отвѣчала я.

Наконецъ, онъ позвалъ одного изъ своихъ нукеровъ, и они вдвоемъ стали поддерживать меня подъ руки. Я собрала послѣднія свои силы, чтобы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ.

Мы достигли кое-какъ вершины горы и начали

спускаться съ нея. Я не могу опредѣлить, сколько времени продолжался этотъ трудный переходъ. Намъ не разъ случалось падать вмѣстѣ всѣмъ троимъ. Тогда Гаджи-Керимъ выходилъ изъ себя, обвиняя меня въ своемъ паденіи. Иванъ, напротивъ того, былъ всегда ласковъ ко мнѣ: когда, напримѣръ, приходилось ему поднимать меня или поддерживать, то онъ дѣлалъ это безъ всякой грубости. Хозяинъ нашъ былъ настоящій палачъ, и если онъ не лишилъ меня жизни, то это единственно потому, что онъ надѣялся получить за меня большой выкупъ: ему неизвѣстно было, что я за женщина.

Мы вышли наконецъ на равнину. Здѣсь Иванъ посадилъ меня на лошадь позади Гаджи-Керима. Но я не могла удержаться на ней: гвозди, которыми было покрыто сѣдло, причиняли мнѣ нестерпимую боль. У меня не разъ вырывался изъ груди не удержимый крикъ. Но Гаджи-Керимъ не обращалъ на это никакого вниманія; онъ только указалъ мнѣ, чтобы я покрѣпче держалась за его поясъ. Но представьте себѣ при этомъ мой ужасъ, когда я для своего спасенія, должна была прикоснуться къ своему палачу! Я была разлучена со всѣми плѣнными и находилась съ двумя человекѣми, изъ которыхъ одинъ внушалъ мнѣ страхъ и омерзѣніе, а другой, без-

молвный слуга перваго, не могъ ничего сдѣлать для меня, если бы и захотѣлъ.

Когда мы переѣхали какой-то ручей, мнѣ вѣрно было слѣзть съ лошади въ томъ мѣстѣ, которое представляло наилучшій приютъ. Я изнывала отъ жажды и не могла никакъ вымолить воды. Ручей протекалъ отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ; я рѣшилась было пойти сама къ нему, но Иванъ остановилъ меня. Не могу понять до сихъ поръ, какая могла быть тому причина? Онъ постлалъ на землѣ бурку и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я сѣла. Я повиновалась. Гаджи-Керимъ взялъ коверъ, которымъ было покрыто его сѣдло и разостлалъ его на берегу ручья. Затѣмъ онъ принесъ ко мнѣ все свое оружіе и положилъ его на меня, а не возлѣ меня, въ знакъ того, что я невольница. Обнаживъ свою голову, онъ пошелъ къ ручью, сталъ на колѣни на томъ мѣстѣ, съ котораго видна была луна, и долго молился. Я также молилась, прося Бога или возвратить меня княгинямъ или послать мнѣ смерть....

По окончаніи молитвы, Гаджи-Керимъ подошелъ опять ко мнѣ. Тогда Иванъ подалъ ему воды, зачерпнутой изъ ручья. Напившись, онъ передалъ тунгу мнѣ. Иванъ бросилъ туда что-то бѣлое: по вкусу я догадалась, что это былъ сахаръ. Я съ жадностію пила воду, но не могла утолить жажды.

Между тѣмъ Гаджи-Керимъ вынулъ изъ кармана отнятыя у меня драгоценныя вещи, въ числѣ ихъ находился и портретъ моего сына. Онъ не зналъ, что это за изображеніе и не мало удивлялся. Я старалась объяснить ему, что это портретъ ребенка и просила возвратить мнѣ его; при этомъ я указала ему на луну и произнесла Аллахъ ііа (Богъ есть), единственные два арабскія слова, которыя я знала. Это его изумило. Онъ тотчасъ пустился со мной въ разговоръ; но я ничего не поняла изъ его словъ. Мнѣ кажется, что онъ съ этой именно минуты почувствовалъ ко мнѣ нѣкоторое состраданіе и болѣе не билъ меня.

И И И.

Нянька.

Мы продолжали нашу дорогу на лошадяхъ. Я сидѣла, какъ и прежде, позади Гаджи-Керима. Онъ объяснилъ мнѣ знаками, какъ держаться за него. Изъ этого я заключила, что мы будемъ ѣхать скоро. Въ самомъ дѣлѣ лошади наши были пущены рысью и скакали долгое время. Иванъ находился впереди насъ въ довольно большомъ разстояніи. Мы

замѣтили вдали отъ насъ какой-то предметъ, который постепенно отдѣлялся отъ земли. Предметъ этотъ приближался къ намъ; вскорѣ мы стали различать въ немъ человѣческую фигуру. Наконецъ оказалось, что это былъ пастухъ-лезгинъ, едва прикрытый лохмотьями. Подошедши къ Гаджи-Кериму, онъ показалъ ему кольцо, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами и удалился. Я не знала, какимъ вліяніемъ пользовался между горцами мой похититель, но судя по его набовскимъ медалямъ, онъ, казалось, былъ довольно важный человѣкъ. На пути нашемъ, пролегавшимъ чрезъ пустынные мѣста, мы видѣли много вещей, онѣ были освѣщены кострами, у которыхъ сидѣли пастухи. Это доказывало, что въ этихъ мѣстахъ можно было свободно ѣздить, нисколько не опасаясь нападенія русскихъ.

На разсвѣтъ мы остановились для отдыха на топкомъ мѣстѣ. Хозяинъ мой велѣлъ мнѣ слѣзть съ лошади. Въ это время я не безъ удивленія замѣтила нѣсколько грузинокъ, которыхъ караулили горцы. Эти послѣдніе навалили кучу древесныхъ пней, вытасненныхъ ими изъ болота, и зажгли ихъ. Только, что я хотѣла подойти къ огню, чтобы погрѣться, какъ чей-то нѣжный голосъ произнесъ съ сердечнымъ участіемъ мое имя. Я обратилась въ ту сторону, откуда онъ слышался. Вообразите же себѣ мою

радость, когда я, посреди группы грузинокъ, увидѣла мою милую княгиню Орбеліани, сидѣвшію на нѣсколькихъ буркахъ, сваленныхъ на землю. Я тотчасъ подбѣжала къ ней. Замѣтивъ мнѣ, что я была блѣдна и исхудала, она обняла меня и старалась обогрѣть.

— Ахъ, княгиня! Сколько я васъ вчера искала...

— Что случилось съ моимъ сыномъ? спросила она.

— Я видѣла Георгія предъ входомъ нашимъ въ лѣсъ, на рукахъ неустрашимой его няньки.

Извѣстіе это нѣсколько успокоило несчастную мать. Я рассказала ей потомъ о всѣхъ мученіяхъ, которыя перенесла. Къ намъ подошелъ Гаджи-Керимъ, чтобы взять меня.

— Это жена французскаго генерала, сказала ему княгиня. Я хочу, чтобы она осталась со мной.

Я никогда не была женой генерала, но княгиня хотѣла этимъ заставитьъ Гаджи-Керима уважать меня.

— А ты кто такая, что такъ говоришь? спросилъ онъ.

— Я княгиня Варвара Орбеліани.

— Большой ли выкупъ дадутъ за нее? продолжалъ Гаджи-Керимъ, указывая на меня; иначе я ее оставлю себѣ.

Послѣ этого онъ показалъ княгинѣ отнятыя у меня письма.

— Не бумажныя - ли это деньги, которыхъ такъ много въ Россіи? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это не деньги, отвѣчала княгиня.

— Чтожь это такое?

— Письма ея родныхъ.

— Женщина-ли она или дѣвица?

— Она дама.

— Есть ли у нея дѣти?

— Есть одно дитя.

— Русская-ли она или грузинка?

— Ни русская, ни грузинка. Она французекка. Отечество ея далеко, очень далеко отсюда.

На этомъ Гаджи-Керимъ окончилъ свои вопросы, но уходя отъ насъ бросилъ мои письма въ огонь. Надобно испытать всѣ наши мученія, чтобы постигнуть, какое высокое значеніе имѣло въ нашемъ положеніи письмо, полученное отъ милыхъ сердцу людей. Оттого поступокъ Гаджи-Керима, который въ одно мгновеніе уничтожилъ драгоцѣннѣйшее мое достояніе, чрезвычайно опечалилъ меня.

Человѣкъ этотъ вскорѣ опять пришелъ къ намъ. Скинувъ съ себя черкеску, онъ отдалъ ее княгинѣ Орбеліани починить. Мнѣ это такъ не понравилось, что я вырвала ее изъ рукъ княгини. Но

Гаджи-Керимъ нисколько этимъ не обидѣлся. Онъ хладнокровно вынулъ изъ кармана что-то въ родѣ футляра, въ которомъ были иголки и шелкъ, и передалъ ихъ княгинѣ. Она же несмотря на мою досаду, тотчасъ принялась за работу. Я пособляла ей, сколько могла. Между тѣмъ горцы стали пить чай, награбленный ими въ Цинондалахъ. Но никто изъ нихъ, хотя бы изъ состраданія, не предложилъ намъ ни одной чашки.

Спустя почти часъ, къ намъ подѣхала нянька дѣтей княгини Чавчавадзе, Александра. Увидѣвъ ее, мы всѣ испугались. Она была въ отчаянномъ положеніи. Голова ея была разрублена въ трехъ мѣстахъ шашкой; однѣ только густые ея волосы спасли ее отъ смерти. Вся спина ея была въ крови; лѣвая рука изуродована, а одинъ изъ пальцевъ, почти совершенно отрубленный, висѣлъ какъ на ниточкѣ. Мы не знали, какъ помочь этой бѣдной женщинѣ. Горцы же намъ ничего не давали. Къ счастью княгиня Орбеліани успѣла сбересть свое скромное вдовье платье. Она тотчасъ оторвала отъ него рукава и перевязала ими руку Александры. Но какъ было помочь ранамъ головы? Запекшаяся кровь и безпомощное наше положеніе не представляли къ тому никакой возможности. Поэтому княгиня при-

нуждена была ограничиться только тѣмъ, что обвязала голову Александры своей косынкой.

Въ это время Гаджи-Керимъ пришелъ къ намъ за черкеской. Онъ, казалось, остался довольнымъ нашей работой; но мы какъ будто этого не примѣтили; притомъ же все наше вниманіе было обращено на изувѣченную няньку.

Мы двинулись въ путь. Княгиня ѣхала впереди верхомъ на лошади; Александра же и я шли пѣшкомъ. Какое-то чудовище въ образѣ чловѣка не переставало колотить несчастную раненую, совершенно ослабѣвшую отъ потери крови и отъ боли ранъ. Она упрашивала меня не оставлять ее. Къ сожалѣнію я не могла ничѣмъ пособить ей; но для нея было уже и то утѣшеніемъ, что съ нею находилось существо, которое сожалѣло объ ней. Наконецъ, когда она до того обезсилѣла, что не могла идти далѣе, то начала изъ всѣхъ силъ звать княгиню Орбеліани, словами: матушка! матушка! Я также помогала ей въ этомъ. Княгиня, услышавъ нашъ крикъ, остановила свою лошадь, хотя проводникъ ея сильно противился этому. Мы кое-какъ достигли до ней и высказали ей всю жестокость нашего проводника. Княгиня передала объ этомъ окружающимъ ее горцамъ, но они не обратили на это никакого вниманія. Наконецъ она скла-

шила ихъ посадить раненую на ея лошадь, а сама рѣшилась идти пѣшкомъ.

Княгиня долго бы шла, если бы грязь не заставляла ее отставать отъ нашихъ проводниковъ. Когда горцы замѣтили это, то заставили ее сѣсть на лошадь вмѣстѣ съ нянькой. Но эта женщина будучи слишкомъ слаба, не могла сидѣть на лошади и принуждена была опираться на княгиню; кромѣ того, она была тучна: княгиня до того выбилась изъ силъ, поддерживая ее, что впала въ обморокъ. Тогда горцы рѣшили, чтобы кто нибудь изъ нихъ уступилъ ей свою лошадь. Княгиня пришедши въ чувство, сѣла на нее и поѣхала дальше.

Я находилась въ это время позади Ивана. Тамъ и сямъ встрѣчались намъ грузины-крестьяне, которые были такіе же плѣнники какъ и мы, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что они шли пѣшкомъ. Мы въѣхали въ глубину какого-то неизмѣримаго лѣса, спокойствіе котораго, казалось, никогда не было нарушаемо. Густой мохъ покрывалъ землю и лежавшіе на ней вѣковыя деревья; тамъ и сямъ порхали съ вѣтки на вѣтку птицы въ голубыхъ и красныхъ перьяхъ, бывшіе не болѣе снигиря; въ разныхъ направленіяхъ бѣгали ящерицы, которыхъ зеленый цвѣтъ не отличался отъ цвѣта мха. Лѣсъ этотъ по

справедливости можно назвать дѣвственнымъ въ-
немъ еще никто не проложилъ ни одной тропинки.

Мы встрѣтили на берегу ручья, къ которому толь-
ко что подѣхали, молодую дѣвушку, похищенную
изъ Цинондаль. Горцы приняли мать ея за мертвую
и потому не трогали ее. Съ этой дѣвицей
находилась ея престарѣлая бабушка и одинъ изъ
ея братьевъ, несшій на рукахъ такую же четырех-
мѣсячную дѣвушку, какъ и Лидія. Малютка эта ос-
талась безъ матери и безъ капли молока.

Когда мы должны были переправиться чрезъ рѣч-
ку, что было не легко, то никто не хотѣлъ взять
съ собою бѣдную Александру. Я съ своей стороны
просила объ этомъ Ивана, но онъ также отказался.
Тогда добрый нашъ ангелъ, княгиня Орбеліани, упро-
сила горцевъ посадить ее позади себя. Конечно,
она не воображала, чтобы отъ этого могли произой-
ти дурныя послѣдствія. Но среди рѣчки лошадь по-
чувствовавъ, что ею править слабая рука, остано-
вилась. Напрасно княгиня побуждала ее идти далѣе.
Наконецъ Иванъ и другой горець, слѣзши съ своихъ
лошадей, вывели ее изъ рѣчки. Но какъ только они
ступили на берегъ, то безжалостно стащили Але-
ксандру съ лошади.

Похальская башня.

Вскорѣ мы стали взбираться къ Похальской башнѣ по тропинкѣ, которая запутанностию своею не уступала ариадниной нити. Подъемъ продолжался не менѣе пяти часовъ. Изъ насъ только одна княгиня ѣхала. Правда, Иванъ предлагалъ и мнѣ сѣсть на лошадь, но путь нашъ проходилъ по такимъ опаснымъ мѣстамъ, что я предпочла идти пѣшкомъ.

Мы увидѣли Похальскую башню, когда поднялись уже на значительную высоту. Башня эта однакожь построена на утесѣ, который въ состояніи хотъ кому причинить головокруженіе. Намъ почти ежеминутно встрѣчались стада буйволовъ, быковъ и лошадей, обремененныхъ богатой добычей. Палатки Шамяля были разбиты у самой башни. Мы видѣли въ этихъ мѣстахъ пастуховъ, которые кричали и прыгали какъ козы, нисколько не уступая имъ въ легкости. Они смотрѣли на насъ съ ненасытнымъ любопытствомъ. Появленіе наше оживило пустыню.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ растительность становилась роскошнѣе. Туманъ постепенно сгу-

щался, и вершина горы была покрыта массивнымъ облакомъ, сквозь которое слабо блестѣли снѣжныя оконечности другихъ горъ. Дорога была до того трудна, что мы принуждены были часто останавливаться для отдыха. На послѣднемъ привалѣ я хотѣла чѣмъ нибудь отблагодарить Ивана за услуги, которыя онъ оказалъ мнѣ и княгинѣ. Я вспомнила, что у меня остались еще серьги. Онѣ были скрыты отъ жадныхъ взоровъ Гаджи-Керима тою самою тряпкой, которую онъ набросилъ мнѣ на голову. Я съ радостію отдала ихъ Ивану. Онъ былъ доволенъ этимъ подаркомъ и продолжалъ заботиться объ насъ, сколько могъ.

Приближаясь къ башнѣ, мы увидѣли болѣе десяти тысячъ человекъ. Они стояли въ два ряда, между которыми намъ слѣдовало проходить. Люди эти были почти наги. Мы сдѣлались для нихъ предметомъ особеннаго удивленія и любопытства. Не видѣвши никогда женщинъ внѣ своего дома безъ покрывала, они толпились вокругъ насъ, чтобы взглянуть на наши лица. Все, что представлялось намъ здѣсь, поражало насъ своею дикостью. Тамъ и сямъ жарили цѣлыхъ быковъ на длинныхъ шестахъ вмѣсто вертеловъ, или выдѣлывали только что-снятыя кожи. Когда дорога наша была заграждена любопытными, то ихъ, какъ собакъ, разгоняли плетью.

Мы шли попарно среди этой необузданной орды. Въ рядахъ ея находилось нѣсколько наибо-
 чавшихся отъ другихъ горцевъ медалями. Насъ ожи-
 далъ Хаджи, управляющій Шамиля, одинъ изъ пре-
 даннѣйшихъ ему мюридовъ. Я очень удивилась, за-
 мѣтивъ, что при видѣ насъ глаза его наполнились
 слезами.

Въ Похальскую башню вела сквозная лѣстница. Взойдя по ней, мы потомъ прошли нѣсколько под-
 земныхъ этажей и наконецъ очутились въ полумра-
 кѣ. Здѣсь мы стали узнавать другъ друга только
 по прошествіи нѣкотораго времени. Въ числѣ насъ
 находились также Георгій Орбеліани, Тамара, Са-
 ломѣ и Александръ Чавчавадзе. Черезъ нѣсколько
 часовъ пріѣхала княгиня Чавчавадзе. Но, Боже мой!
 въ какомъ разстройствѣ физическомъ и душевномъ!
 Ее въ особенности убивала неизвѣстная участь ея
 возлюбленной Лидіи. Къ счастью мы не знали до
 конца плѣна о смерти этой малютки, и это подава-
 ло княгинѣ хотя лучъ надежды, что ея дитя спасе-
 но. Между нами находилась и маленькая Ева, то
 самое несчастное дитя, котораго мать была приня-
 та горцами за мертвую и брошена. Княгиня Чавча-
 вадзе взялась кормить ее своею грудью и продол-
 жала это до тѣхъ поръ, пока имѣла возможность.

Мало по малу мы собрались въ одно мѣсто; это

было для насъ истинною отрадою. Изъ нашего тѣснаго кружка безпрестанно возносились молитвы къ Богу о поданіи намъ помощи. Вскорѣ вошелъ въ наше подземелье Гаджи - Керимъ и обратился къ княгинѣ Чавчавадзе.

— Хочешь-ли, чтобы я повелъ тебя къ Шамилю?

— Я не пойду къ нему. Онъ можетъ прійти сюда.

— Но онъ желаетъ поговорить съ тобой у себя.

— Не ходите княгиня; этотъ человекъ лжетъ, сказала я.

— Во всякомъ случаѣ, если вы и пойдете, прибавила княгиня Орбеліани, то возьмите съ собою вашихъ женщинъ.

Князь Илко Орбеліани.

Княгиня Чавчавадзе рѣшительно отказалась идти къ Шамилю. Во время этого разговора къ намъ пришли наибы, чтобы посмотреть на княгиню Орбеліани и ея сына. Фамилія эта была хорошо имъ известна по испытанному мужеству супруга княгини. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Илко Ор-

беліани находился въ плѣну у Шамиля. Когда привели его въ Веденно, то имамъ велѣлъ представить его себѣ.

— Напиши Императору Николаю письмо, чтобы онъ возвратилъ мнѣ моего сына, Джаммаль-Эддина, сказалъ Шамиль своему плѣннику. Если просьба твоя будетъ исполнена, то я тотчасъ освобожу тебя.

— Ни за что въ мірѣ я не соглашусь просить объ этомъ Императора, отвѣчалъ князь. Лучше откажись отъ этой надежды, мнѣ невозможно осуществить ее.

Шамиль ничего не отвѣчалъ на это. Прошло шесть мѣсяцевъ, но князь оставался непоколебимымъ. Его посадили въ яму. Ямы этого рода роются узко и осужденные сходятъ въ нихъ по лѣстницѣ; подавъ имъ кувшинъ воды и хлѣба, лѣстницу уносятъ; подача провизіи возобновляется чрезъ три или четыре дня. Воздухъ проникаетъ въ яму только чрезъ отверстіе, въ которое вошелъ осужденный. Это причиняетъ смерть медленную и мучительную.

Шамиль продолжалъ настаивать, чтобы князь исполнилъ его требованіе, — но напрасно. Наконецъ донесли имаму, что его плѣнникъ находится въ крайнемъ изнуреніи. Шамиль приказалъ освободить его изъ ямы. Князь вышедши на чистый воздухъ, едва могъ дышать. Имамъ поручилъ од-

ному изъ своихъ преданнѣйшихъ слугъ, употребить всѣ средства къ склоненію его. Но и онъ не успѣлъ достигнуть цѣли. Это до невѣроятности раздражило Шамиля. Онъ приказалъ привести князя къ себѣ на дворъ, а самъ спрятался въ одну изъ комнатъ сераля, изъ которой можно было слѣдить за нимъ. Затѣмъ къ князю подошелъ наибъ въ сопровожденіи вооруженныхъ людей.

— Илико Орбеліани! сказалъ онъ, ты долженъ скоро умереть; но Шамиль, уважая твое мужество, позволилъ тебѣ самому избрать родъ смерти. Отвѣчай, какую смерть ты предпочитаешь?

— Самую скорую, сказалъ князь.

Взвели курки ружьевъ; нѣкоторые уже прицѣлились стрѣлять въ князя и ожидали только приказанія. Въ это время является Шамиль.

— Илико Орбеліани! сказалъ онъ, протягивая ему руку, ты не устрасишь и за это я тебя не могу не уважать. Я присутствовалъ скрытно при твоемъ прощаньи съ жизнью. Ты не моргнулъ глазомъ, ты ни однимъ движеніемъ не обнаружилъ трусости. Съ этого дня ты будешь моимъ плѣнникомъ на слово.

Тогда начали вести переговоры объ обмѣнѣ князя на плѣнныхъ горцевъ, которыхъ Шамиль также цѣнилъ дорого. Плѣнъ князя Илико продолжался девять мѣсяцевъ, и его отъездъ искренно опечалилъ

всѣхъ наибовь. Шамиль раздѣлялъ ихъ чувства, чему лучшимъ доказательствомъ есть то, что онъ питалъ полное уваженіе къ княгинѣ Орбеліани и ея семейству.

Такимъ образомъ одно имя князя Илико служило намъ покровительствомъ. Насъ посѣтили главнѣйшіе начальники войска Шамиля. Они окружили княгиню Орбеліани.

— Княгиня! твой мужъ молодецъ! говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Княгиня, гдѣ твой сынъ, покажи намъ его, говорилъ другой.

И они съ пріятностію смотрѣли на хорошенькаго Георгія. Многіе горцы хотѣли увѣрить княгиню Орбеліани, что мужъ ея не умеръ, что турки взяли его въ плѣнь и что онъ со временемъ будетъ возвращень. Это посѣщеніе, какъ и всѣ подобныя имъ, были слишкомъ обременительны для княгинь. Находясь подъ гнетомъ самыхъ печальныхъ мыслей, онѣ должны были терпѣливо отвѣчать на безконечные вопросы о себѣ, о ихъ дѣтяхъ, обо мнѣ. Не смотря на это, княгиня Орбеліани была ко всѣмъ пріятлива, но безъ униженія. Она не разъ спрашивала, что желаетъ получить Шамиль за нее и за ея семейство; но болѣе всего она старалась узнать, на

какихъ условіяхъ онъ согласится освободить княгиню Чавчавадзе и ея дѣтей. Наконецъ къ намъ пришелъ повѣренный Шамиля и объявилъ слѣдующее: имамъ желаетъ, чтобы Императоръ Николай возвратилъ ему его сына и чтобы князь Чавчавадзе заплатилъ огромную сумму денегъ; тогда только мы получимъ свободу.

ХИ.

Отъѣздъ въ Ведепше.

Не было еще рѣшено, куда насъ отправить. Даниель-бекъ, на дочери котораго женатъ сынъ Шамиля, Гази-Магамадъ, былъ подданнымъ Россіи; но впоследствии бѣжалъ въ горы и соединился съ ея врагами. Онъ зналъ отца князя Давида Чавчавадзе, зналъ, какъ живутъ въ Тифлисѣ и, живя самъ среди русскихъ, познакомился съ ихъ потребностями, съ ихъ привычками. Человѣкъ этотъ предлагалъ Шамилю отправить насъ къ нему, обѣщая прилагать объ насъ всякое попеченіе. Но имамъ не согласился. Онъ велѣлъ предупредить насъ, что мы будемъ имѣть въ его домѣ только то, что онъ въ состоя-

ни намъ предоставить, и какъ онъ самъ ^{обдѣнъ,} то мы должны рассчитывать только на самое необходимое. Когда же князь Чавчавадзе доставитъ ему его сына, то мы немедленно получимъ свободу.

Наконецъ мы остались однѣ. Княгини написали два письма, въ которыхъ изложили условія Шамиля. Одно изъ этихъ писемъ адресовано было князю Чавчавадзе, а другое генералу Реаду, исправлявшему, за отсутствіемъ князя Воронцова, должность Намѣстника Кавказскаго. Письма эти отнесли къ Шамилю, который послѣ продолжительнаго пересмотра послалъ ихъ съ горцемъ въ Тифлисъ.

Княгиня Чавчавадзе приказала попросить платья у Шамиля. Нѣсколько горничныхъ ея отправились къ нему въ сопровожденіи горцевъ и принесли штаны, косынку и старое платье его нукера. Когда же княгинѣ прислали что-то похожее на мужское пальто, она предложила мнѣ старое платье. Я была ей весьма признательна за это: наступала сырая и холодная ночь, а я не имѣла чѣмъ прикрыться.

Утромъ намъ приказано было выйти изъ башни. Спустившись по той самой лѣстницѣ, по которой мы взошли въ нее, мы опять очутились среди дикаго народа, между которымъ проходили вчера. Шамиль приказалъ идти съ нами въ Ведено, по самой безопасной, или лучше сказать, по

самой трудной дорогѣ, во избѣжаніе нападенія русскихъ. Каждой изъ насъ была дана лошадь, которую проводникъ велъ за поводья. Надзоръ за нашимъ караваномъ былъ порученъ моллѣ.

Мы отправились изъ Похальской башни по дорогѣ, которая въ началѣ была сжата двумя остроконечными скалами. Вскорѣ начался спускъ съ ужасной крутизны. Проводникъ мой, который, казалось, былъ добръ, далъ мнѣ понять, чтобы я держалась за гриву лошади. Мы подвигались внизъ какъ поступенькамъ лѣстницы; съ права и съ лѣва ничего не было, кромѣ пустаго пространства. Дорога была покрыта льдомъ. Случилось разъ, что и ступенекъ не было и дорога прерывалась пропастью: надобно было прыгать на другую сторону. Проводникъ мой перескочилъ и далъ мнѣ знакъ послѣдовать ему. Но я до того испугалась, что считала себя погибшей. Увидѣвъ, что я поблѣднѣла, онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ я закрыла глаза и держалась обѣими руками за гриву лошади. Животное это, побуждаемое крикомъ проводника, перескочило пропасть. Тогда онъ началъ ободрять меня.

Кромѣ снѣга, мы ничего не видали. Лошади скользили почти на каждомъ шагу. Наши проводники и мы сами очень устали: необходимо было остановиться хоть на нѣсколько минутъ. Во время нашего отдыха

пріѣхала къ намъ княгиня Орбеліани, которую я не видала съ отъѣзда нашего изъ Похальской башни. Ее сопровождалъ князь Нико Чавчавадзе, родственникъ князя Давида. Молодой князь Нико былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Похальскую башню послѣ трехдневной осады, которую онъ выдержалъ съ 30 грузинами противъ 500 лезгинъ. Не имѣя болѣе провіанта, онъ долженъ былъ сдать свою маленькую крѣпость. Будучи столько же добродушенъ какъ и храбръ, онъ много облегчалъ наше слишкомъ трудное путешествіе.

Когда мы снова двинулись въ путь, проводникъ мой, видя, что я плохо ѣзжу, объяснилъ мнѣ знаками, чтобы я шла пѣшкомъ возлѣ него. Былъ глубокій снѣгъ, и хотя я часто падала, но не столько боялась, какъ въ то время, когда была на лошади. Проводникъ поддерживалъ меня до тѣхъ поръ, пока мы не прошли снѣжной полосы. Онъ радушно предложилъ мнѣ весь свой маленькій запасъ хлѣба и говядины; самъ же срывалъ листья какого-то растенія, въ родѣ щавля, и питался ими. Мнѣ не разъ случалось замѣчать необыкновенную умѣренность горцевъ. Въ продолженіи нашего пути, нѣкоторые проводники не имѣли никакой пищи. Если же мы хотѣли подѣлиться своей скудной провизіей съ которыми нибудь изъ нихъ, то онъ въ рѣд-

кихъ случаяхъ рѣшался принять, или же ^{дѣлать} это съ замѣчательною скромностію; потомъ онъ стягивалъ покрѣпче свой поясъ и тѣмъ заключалъ свой обѣдъ.

Снѣгъ началъ уступать мѣсто зелени. Но въ этой гористой странѣ, не успѣете вы сойти съ одной возвышенности, какъ надобно взбираться на другую; путь нашъ продолжался нѣсколько часовъ среди великолѣпной растительности; наконецъ мы очутились гораздо выше льдовъ и снѣговъ, по которымъ прежде проходили, хотя на этомъ мѣстѣ не было ни тѣхъ, ни другихъ. Было очень жарко. Мы почувствовали сильную жажду и съ нетерпѣніемъ высматривали источника. Многія женщины падали отъ усталости; ихъ опять побуждали побоями идти скорѣе. Онѣ дѣлали неимоверныя усилія, чтобы неотставать отъ другихъ.

Приближаясь къ вершинѣ горы, намъ послышался глухой шумъ воды, это заставило насъ предполагать, что мы скоро начнемъ спускаться въ долину. Но достигнувъ этой вершины, мы съ ужасомъ увидѣли, что дорога, по которой мы слѣдовали, шла чуть не по отвѣсной скалѣ. Мы имѣли много случаевъ удостовѣриться въ необыкновенной смѣлости лезгинъ; но въ этомъ мѣстѣ и они принуждены были сойти съ лошадей. Мы ползли до самой подошвы горы,

хватаясь за кусты, чтобы сколько нибудь удержаться. Въ долину протекала рѣчка и берегъ ея былъ до того узокъ, что мы съ большимъ трудомъ пробирались по немъ. Благодаря нашимъ проводникамъ, помогавшимъ намъ идти въ опасныхъ мѣстахъ, никто изъ насъ не упалъ въ рѣчку; но руки у насъ были ободраны острыми камнями и колючками. Наконецъ проводники посадили насъ на лошадей и мы переправились на другой берегъ. Мы не все шли вмѣстѣ; княгиня Орбеліани и дѣти не достигли еще этого опаснаго перехода.

Безпрестанныя препятствія, которыя мы встрѣчали на нашемъ пути, совершенно лишили меня силъ. Я ни какъ не могла побѣдить одолевавшей меня сонъ и глаза мои, не смотря на все усилія, смежались сами собой. Но вдругъ сильный говоръ, сопровождавшійся бранью, вывелъ меня изъ усыпленія. Мы находились въ небольшомъ аулѣ, жители котораго не хотѣли принять насъ на ночлегъ. Нашъ молла видя, что онъ ничего не можетъ сдѣлать съ упрямствомъ хозяевъ, повелъ насъ къ какой-то хижинѣ, которая, казалось, была брошена. Мы слѣзли съ лошадей и вошли во что-то похожее на конюшню.

XII.

Пастухи.

Ночь эта прошла въ самыхъ мучительныхъ пыткахъ. Намъ отведена была комнатка до того тѣсная, что и на грязи, замѣнявшей полъ, мы не имѣли мѣста, чтобы прилечь. Насъ отдѣляла деревянная перегородка отъ часовыхъ. Они зажгли костеръ, котораго дымъ, проникая въ нашу комнатку, причинялъ намъ головную боль. Мы просили выпустить насъ на свѣжій воздухъ, какъ только стало разсвѣтать.

Ауль, въ которомъ мы остановились, населенъ пастухами. Жители его, начиная отъ малаго до большаго, собрались посмотрѣть на насъ. Женщины были отвратительно грязны. Мы не видали ихъ лица, потому что они были закрыты кускомъ коленкора, въ которомъ противъ глазъ, были выдернуты нитки. Мѣсто это имѣло видъ основы. Женщины носили на головѣ родъ кожанаго чепца, украшеннаго металлическими пластинками и весьма простымъ стеклярусомъ. Любопытство этихъ женщинъ было устремлено на все, что только было на насъ. Мы не могли равнодушно переносить, какъ онѣ своими грязными руками водили по нашему платью. Тѣ, которые не могли видѣть

насъ за собравшеюся вокругъ насъ толпою, влѣзали какъ бѣлки на крыши.

Предъ отправленіемъ нашимъ въ путь намъ принесли довольно сноснаго овечьяго сыру и масла. Въ дорогѣ мы безпрестанно вспоминали о нашихъ дорогихъ спутницахъ, о положеніи которыхъ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній. Путь нашъ въ началѣ слѣдовалъ по берегу той самой рѣчки, чрезъ которую мы переправились вчера. Проводники вели нашихъ лошадей по скалѣ, выходящей изъ воды. Они шли медленно, потому что всякій неосторожный шагъ могъ погубить насъ. Но не смотря на это, мы очень боялись. Князь Нико, хотя былъ хорошій наѣздникъ, упалъ съ лошади.

Когда проводникъ мой оставилъ меня на нѣскольکو минутъ, то его мѣсто занялъ другой лезгинъ. Къ концу ружья этого человѣка была привязана рука, которая, судя по ея свѣжести, была недавно отрублена. Рука эта принадлежала женщинѣ; на одномъ изъ ея пальцевъ было обручальное кольцо. Лезгинъ, несшій этотъ трофей, возбуждалъ ужасъ и отвращеніе.

Замѣтивъ нашъ страхъ, проводники ссадили насъ съ лошадей. Мы часто встрѣчали грузинскихъ бичо (мальчиковъ), съ которыми горцы обходились очень жестоко. Ихъ присоединили къ намъ; отъ этого

партія наша безпрестанно увеличивалась. Они старались помогать намъ идти; мы постоянно нуждались въ этомъ, уставши до невѣроятности отъ труднаго и продолжительнаго пути. Люція, горничная княгини Чавчавадзе, падала нѣсколько разъ, но ни разу не была пощажена отъ побоевъ.

Въ этотъ день мы шли долго въ водѣ, доходившей до колѣнъ. Потомъ дорога наша проходила лѣсомъ, гдѣ ноги наши безпрестанно скользили по кучамъ листьевъ, нагроможденныхъ временемъ. Въ лѣсу этомъ преобладаетъ сосна; мы встрѣчали въ немъ также можжевельникъ, рододендры, камелии, азалеи съ красными цвѣтами. Лезгины рвали во множествѣ листья рододендра и ѣли.

При выходѣ изъ лѣса мы опять сошлись съ нашими спутницами, которыхъ безпокойство было не менѣе нашего. Княгиня Орбеліани, нянька, Александръ, Саломѣ, Тамара и Элло провели ночь на сыромъ мѣстѣ, гдѣ бѣдныя дѣти много страдали отъ холода и голода. Мы имъ дали изъ съѣстнаго все, что только могли сберечь; къ сожалѣнію запасъ нашъ былъ очень скуденъ; у насъ было довольно кукурузной муки, но ее трудно было ѣсть безъ соли. Кормилицы лишились молока отъ истощенія. Княгиня Чавчавадзе раздѣлила между своимъ сыномъ

и маленькою Евою нѣсколько капель своего молока, чудеснымъ образомъ сохраненныхъ природою.

Предъ вечеромъ, мы пріѣхали, въ этотъ разъ, все вмѣстѣ въ аулъ, расположенный въ глубокой доли-нѣ. Когда мы вошли въ хижину, довольно хорошо убранную, насъ пересчитали со всею точностію, это впрочемъ дѣлалось и въ предшествовавшіе дни; затѣмъ мы были оставлены одни. Александра, чрез-вычайно страдавшая ранами руки, отправилась вмѣ-стѣ съ нѣкоторыми изъ насъ искать какое-то ра-стеніе изъ рода мальвъ. Увидѣвъ женщинъ аула, сидѣвшихъ на террасѣ подъ тѣнью виноградныхъ лозъ, мы подошли къ нимъ. Въ числѣ ихъ находи-лись также старые пастухи, которые закидали насъ вопросами. Осмотрѣвши раненую руку Александры, одинъ изъ нихъ вынулъ свой кинжалъ и хотѣлъ от-рѣзать имъ висѣвшій на ней палець. Но Александра несогласилась на это: она удовольствовалась тѣмъ, что онъ положилъ на ея больную руку крупича-той муки и истертыхъ листьевъ подорожника. Раны спины и головы ея были перевязаны точно такъ же.

По возвращеніи въ нашъ пріютъ, намъ принесли нѣсколько связокъ сѣна, которыя мы постлали и легли отдыхать. Къ сожалѣнію мы ни на минуту не могли забыться сномъ: насѣкомыя не давали намъ

покою, а голодъ терзалъ наши внутренности; правда, намъ дали кукурузнаго хлѣба, но мы не могли его ѣсть; онъ былъ сваренъ въ водѣ безъ соли; необходимо было подождать, пока онъ остынетъ и нѣсколько отвердѣетъ. Мы однакожь аккуратно его спрятали, какъ что-нибудь лакомое, для завтрашняго дня.

День этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличился отъ другихъ дней, проведенныхъ нами въ плѣну. Мы также шли долго по самымъ труднымъ мѣстамъ, переправились чрезъ двѣ рѣчки и прибыли къ ночи въ небольшой аулъ, котораго закоптѣвшія хижины доказывали чрезмѣрную бѣдность. Жители представляли много причинъ, по которымъ они не могли принять нашу партію; они находили ее слишкомъ большою. Наконецъ насъ повели въ загороду, покрытую сухимъ кустарникомъ, и мы взойдя по лѣстницѣ, выдолбленной въ стволѣ полуизгнившаго отъ дождей дерева, вошли въ другую загороду, совершенно открытую. Загорода эта расположена была на террасѣ, на которой стояли улья. Мы видѣли также и въ другихъ лезгинскихъ деревняхъ пчельники, помѣщавшіеся на подобныхъ террасахъ. Намъ принесли сѣна, кукурузнаго хлѣба и немного овечьяго сыру. Нукеры, сторожившіе насъ, заняли сосѣдній овинъ.

Молла, которому поручено было вести насъ, имѣлъ приказаніе дать намъ въ этомъ аулѣ отдыхъ на нѣсколько дней. Но этотъ отдыхъ не заслуживалъ своего названія: ночью насъ кусали самыя нечистыя насѣкомыя, а днемъ жалили пчелы. Впрочемъ мы рѣдко ходили на террасу. Видъ съ нея не имѣлъ ничего привлекательнаго: тамъ и сямъ бродили по аулу тощія и оборванныя женщины, возбуждавшія своею бѣдностію жалость, а нечистотою — отвращеніе. Въ пятницу намъ представилось совершенно другаго рода зрѣлище. На площади собрались мужчины. Раздѣвшись до нага, они плясали или, лучше сказать, бѣсновались предъ деревомъ, не покрытымъ листьями. Крики, испускаемые ими во славу Аллаха, уподоблялись болѣе вою дикихъ животныхъ, нежели голосу людей.... Зрѣлище это возбуждало отвращеніе. Мы не могли долго смотрѣть на него.

На другой день мы поѣхали дальше. Дорога прерывалась глубокими рытвинами и лошадьми могли управлять только сильныя руки. По этому проводникъ мой сѣлъ на мое мѣсто, а мнѣ сказалъ держаться за хвостъ лошади, чтобы легче было идти. Этотъ способъ путешествія не былъ лишенъ опасности: лошадь, ступивши не твердо на камень, могла поскользнуться и задушить меня собою при своемъ паденіи. Но все таки я не столько измучилась,

какъ многія изъ моихъ спутницъ, которыя не имѣли никакой помощи.

Мы провели нѣсколько дней въ слѣдующемъ аулѣ. Пребываніе наше въ немъ было обременительно для бѣдныхъ пастуховъ, которые обязаны были, по приказанію моллы, доставлять намъ съѣстные припасы. Тогда горцы заговорили объ отдѣленіи насъ отъ княгинь, объявивъ имъ въ тоже время, что онѣ не могутъ имѣть при себѣ такой большой свиты. Это чрезвычайно меня опечалило: находясь вдали отъ моихъ родныхъ, отъ моего отечества, не понимая языка, на которомъ говорили вокругъ меня, я не знаю, что случилось бы со мною, если бы я была разлучена съ княгинями? Эта ужасная переменна моего положенія не давала мнѣ покою ни на одну минуту. Всѣ служанки княгини пришли также въ отчаяніе.

XIII.

С т а р ы й м о л л а .

Наступилъ день отъѣзда. Возложивъ все упованіе на Бога, я сдѣлалась спокойнѣе. Мнѣ не было надобности просить княгиню Чавчавадзе, чтобы она

постаралась оставить меня при себѣ. Зная ея сердце, я была увѣрена, что она рада была сдѣлать для меня все, что только было возможно. Когда были подведены лошади, то вызвали сперва княгиню, ея дѣтей и няньку, потомъ княгиню Орбеліани, ея сына, кормилицу и старую няньку Катерину; женщина эта до того была предана своей госпожѣ, что готова была остаться, лишь бы только Георгій и его кормилица слѣдовали за княгинею. Катериной долженъ былъ, казалось, кончиться вызовъ лицъ, назначенныхъ сопровождать княгиню, но вслѣдъ за нею княгиня Чавчавадзе потребовала позвать меня. Ее спросили, къ чему ей гувернантка? Надобно сказать, что горцы вообще мало были расположены взять меня съ собой. Но княгиня стала увѣрять, что и за меня дадутъ выкупъ. Къ счастью моему, ее поддержалъ какой-то тифлисскій купецъ-армянинъ, и мнѣ позволено было отправиться съ княгинями. Но онѣ, опасаясь, чтобы горцы не измѣнили своего слова и не задержали меня, когда будутъ садиться на лошадей, сказали мнѣ взять на руки одну изъ моихъ ученицъ, что я немедленно сдѣлала.

Исключая княгиню и ихъ дѣтей, мы всѣ шли пѣшкомъ. Я провела этотъ день съ доброй маленькой грузинкой Пелаго. Она была дочь священника, убитаго въ окрестностяхъ Цинондаль. Мы помогали

идти одна другой, оттого дорога показалась не столь трудной, хотя она нисколько не отличалась отъ той, по которой мы проходили прежде. Мы должны были переправиться чрезъ довольно глубокую рѣчку. У меня не было ни лошади, ни проводника. Я хотѣла нѣсколько отстать отъ другихъ, но кинжалъ одного изъ шедшихъ съ нами горцевъ далъ мнѣ понять, чему я за это подвергнусь. Я однакожь благополучно перешла на другой берегъ рѣчки.

Мы провели ночь въ аулѣ, куда я прибыла совершенно измоченная: постоянный дождь не давалъ мнѣ высушиться. Въ продолженіи слѣдующаго дня мы шли по дорогѣ, которая была ничуть не легче вчерашней. Продолжался дождь и намъ надлежало переходить чрезъ большія лужи. Вскорѣ мы прибыли къ весьма быстрой рѣчкѣ, чрезъ которую переброшено было нѣсколько бревенъ, служившихъ мостомъ. Когда я стала переходить по немъ, то видъ бушевавшей внизу воды причинилъ мнѣ головокруженіе. Ноги мои застряли между бревенъ и я упала.... Лезгинъ удержалъ меня въ ту самую минуту, когда теченіе воды готово было унести меня. Онъ вынесъ меня на противоположный берегъ. Далѣе дорога наша шла до самой ночи по грязи, въ которой безпрестанно вязли наши ноги. Наконецъ мы начали взбираться

по ступенькамъ, похожимъ на тѣ, которыя встрѣчаются въ Константинополь, и вошли въ аулъ. ^{Здѣсь} мы имѣли продолжительный отдыхъ.

Намъ была отведена квартира въ домъ моллы, который велъ нашъ караванъ. Женщинамъ же была дана особая комната. Разостлали рогожи и мы усьлись.

Мы провели въ этомъ аулѣ десять дней. Молла сказалъ намъ, что Шамиль скоро прїѣдетъ и что его надобно подождать. Это доставило намъ матеріалъ для безконечнаго разговора. Но мысли наши вертѣлись собственно около двухъ точекъ: раздѣлитъ ли онъ насъ или продастъ. Княгиня Чавчавадзе не предвидѣла ничего хорошаго отъ его посѣщенія. Я же, судя по тому, что слышала прежде о Шамилѣ, не воображала, чтобы онъ былъ такъ же жестокъ, какъ его наибы.

Молла принималъ насъ очень радушно. Онъ приказалъ зарѣзать для насъ нѣсколько барановъ и мы, современи нашего плѣна, въ первый разъ ѣли мясо. Онъ никогда не входилъ въ нашу комнату. Проведши десять лѣтъ въ плѣну у русскихъ, молла выучился ихъ языку. Но онъ говорилъ съ нами только въ присутствіи другаго горца, который также зналъ русскій языкъ. Подобно большей части лезгинъ, онъ очень любилъ дѣтей. Подошедши однажды къ кня-

гинѣ Чавчавадзе, у которой на колѣняхъ сидѣлъ Александръ, молла положилъ ей въ руку 20 копѣекъ. Княгиня чрезвычайно покраснѣла. Но онъ сказалъ ей почти умоляющимъ голосомъ:

— Это для того, чтобы вы приказали купить курицу и сварить ему супъ.

Говоря это, добрый молла потупилъ въ землю глаза. Въ его опасеніи было что-то трогательное. Но любовь матери восторжествовала надъ княжескою гордостію, и Александръ имѣлъ въ теченіе одного или двухъ дней легкую и питательную пищу.

XLV.

Новая дорога.

Однообразіе пребыванія нашего въ домъ моллы прервано было однимъ или двумя происшествіями. Однажды мы слышали шумъ въ нашей маленькой улицѣ. Множество мушинъ, окруживъ какую-то несчастную женщину, осыпали ее проклятіями. Женщина эта въ отмщеніе за смерть мужа убила камнемъ одного изъ жителей аула. Ее осудили за это посадить въ яму и уморить голодомъ. Мы присутствовали при исполненіи этого ужаснаго приговора.

Въ другое время лезгины хотѣли похитить насъ и продать. Молла, узнавъ объ этомъ, отдалъ нашимъ тѣлохранителямъ приказаніе сторожить насъ, какъ можно лучше. Наконецъ въ восьмой день утромъ онъ пришелъ сказать намъ, что въ прошлую ночь Шамиль забжалъ къ нему и тогда же отправился далѣе. Онъ велѣлъ чтобы мы въ слѣдующій день продолжали нашъ путь въ Веденно.

Добрый молла приказалъ убить быка и часть его взять для насъ въ дорогу. Онъ былъ весь день занятъ приготовленіями къ нашему отъѣзду. Княгиня упросила дать и мнѣ лошадь. Партія наша двинулась въ дорогу во главѣ моллы и нѣсколькихъ набовъ, которымъ мы были отрекомендованы.

Я не могла долго сидѣть на лошади и получила позволеніе слѣзть. Но вскорѣ я сожалѣла объ этомъ: пошелъ дождь и надѣлалъ большой грязи. На пути нашемъ мы видѣли множество водяныхъ мельницъ. Замѣтивъ у одной изъ нихъ женщину, доившую коровъ, я подошла къ ней и попросила ее дать мнѣ напиться воды. Видъ нашъ растрогалъ ее, она съ сожалѣніемъ покачала головой и вмѣсто воды подала мнѣ и Пелаго чашку молока. Я никогда не забуду той чистосердечной доброты, съ которою эта женщина оказала намъ благодѣяніе.

Слѣдующая ночь была проведена нами въ овинѣ,

въ которомъ мыши и крысы не давали намъ уснуть. Утромъ постигли насъ тамошнія женщины. Онѣ ничего не хотѣли намъ дать безъ обмѣна на наши вещи. Ихъ соблазняло все, что только было на насъ, даже перломутровыя пуговички, которыя сохранились еще на нашихъ рукавахъ. Я имъ отдала свои пуговички за нѣсколько луковиць и грушъ. Мнѣ никогда ни случалось видѣть подобной алчности. Какая нибудь тряпка сводила ихъ съ ума. Онѣ въ особенности приставали къ княжнѣ Нишѣ, которая успѣла сберечь свой наперстокъ, игольникъ, ножикъ, часы.... Пуговицы ея костюма сдѣлались предметомъ самаго вождѣльнаго ихъ желанія.

Намъ было объявлено, что мы въ этотъ день поѣдемъ по дорогѣ, которую недавно проложилъ Шамиль. Это насъ весьма обрадовало, потому что до сихъ поръ путешествіе наше было сопряжено съ невѣроятными трудностями. Но эта прославленная дорога была ничто иное какъ тропинка, которая вилась вдоль грязнаго ручья, протекавшаго по обширной скалистой равнинѣ; въ разсѣлинахъ ея росли большія группы каперсовъ. Когда мы остановились для отдыха, къ намъ подошло нѣсколько женщинъ изъ тамошняго аула. Изъ числа ихъ одна старуха сказала княгинѣ Орбеліани:

— Какъ прекрасенъ этотъ день мщенія! Я имѣ-

ла сына, единственное утѣшеніе въ моей жизни, и русскіе убили его. Аллахъ великъ! Аллахъ справедливъ! Онъ отомстилъ за меня!

Княгиня отвѣчала ей коротко и совершенно спокойно :

— Смертью нельзя возвратить жизнь. Турки, ваши союзники, убили мужа моего сердца ; мой сынъ, моя сестра, мои племянницы, я сама находимся въ плѣну. Скажи послѣ этого, кто изъ насъ, я или ты, имѣетъ болѣе причинъ жаловаться на людей? Ступай же съ Богомъ, перестань досадовать и забудь твою ненависть. Аллаху матерей извѣстно одно состраданіе и прощеніе.

Выслушавъ молчаливо эти слова, старуха утерла слезы, струившіяся изъ покраснѣвшихъ ея глазъ, и побрела далѣе.

XV.

Молодой молла.

Молодой молла, заключавшій собою нашъ поѣздъ, не разъ выражалъ свое расположеніе ко мнѣ. Княгиня Орбеліани замѣтила мнѣ съ улыбкой :

— Любезность французенокъ послужила еще разъ доказательствомъ, что онѣ пользуются заслуженною репутаціей. Вы совершили, мадамъ, истинное завоеваніе среди этихъ дикарей.

Я едва поняла, къ чему это было сказано. Мнѣ ли и въ моемъ ли смѣшномъ костюмѣ было думать о подобныхъ завоеваніяхъ? Катерина нѣсколько разъ повторяла мнѣ, чтобы я закрыла лицо; но это мнѣ еще менѣе было понятно. И должна ли я была чего либо опасаться, когда молодыя и красивыя дамы, какъ напр. княгиня, едва были замѣчаемы. Мнѣ только впоследствии объяснили эту загадку, и я говорю объ ней здѣсь потому, чтобы показать ту степень чувства, которое я внушила. Молодой молла спросилъ: согласятся ли меня продать? Ему отвѣчали, что я жена французскаго генерала и что за освобожденіе мое дадутъ большой выкупъ. Тогда онъ сказалъ, что онъ готовъ заплатить за меня большую сумму. Вспомнивъ же, что невольница должна приносить пользу своему господину, онъ спросилъ:

— Умѣетъ-ли она шить рубахи?

— Она можетъ шить бѣлье, печь хлѣбъ.... и учить дѣтей, сказала ему одна изъ русскихъ женщинъ, не думая, конечно, что это могло послужить мнѣ ко вреду.

Тогда молодой молла рѣшился предложить за меня три рубля серебромъ, или 12 франковъ. Къ чести моей я должна сказать, что молла этотъ цѣнилъ меня очень высоко: лезгинку можно купить за 10 копѣекъ, что составляетъ менѣе 50 сантимовъ.

Мы были очень рады, что путь нашъ изъ Похальской башни въ Веденно продолжался только нѣсколько дней. Молодой молла, предложившій за меня столь значительную сумму, долженъ былъ ограничиться однимъ вниманіемъ ко мнѣ, и за это бѣдная павиница хранить объ немъ доброе воспоминаніе.

Вуали.

Все это происходило въ то время, когда мы поднимались на гору, испещренную цвѣтами. Тутъ были маргаритки розовыя, бѣлыя, блѣдно-розовыя, веселыя глазки, фіалки желтыя душистыя и голубоватыя. Видъ ихъ увеселялъ насъ и заставилъ забыть всѣ наши бѣдствія. Лезгины удивлялись, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ срывали нѣкоторые изъ этихъ цвѣтовъ. Я не могла налюбоваться ихъ блестящими

вѣнчиками, надышаться ихъ нѣжнымъ запахомъ. Я охотно осталась бы среди этихъ милыхъ созданій природы, не для того однакожь, чтобы жить, но чтобы умереть....

Когда мы отдыхали въ этомъ отрадномъ мѣстѣ, насъ посѣтило неожиданное счастье. Къ старому молѣ пріѣхали горцы и вручили ему письмо двоюроднаго брата княгини Орбеліани. Оно первое достигло насъ современи нашего плѣна. Генераль князь Орбеліани совѣтывалъ намъ, не отчаяваться, увѣряя насъ, что все, что только возможно, будетъ сдѣлано для нашего освобожденія. У Шамиля, прибавилъ онъ, благородное сердце. Мы поблагодарили Бога, Который не забылъ насъ въ нашемъ несчастіи, и съ полной надеждой опять пустились въ путь.

Вечеромъ мы прибыли въ какой-то мрачный и бѣдный аулъ, расположенный на берегу рѣчки. Здѣсь, какъ и въ другихъ аулахъ, насъ посѣтили многія женщины, которыя старались вступать съ нами въ разговоръ. Между ними были и грузинки. Находясь по двадцати и болѣе лѣтъ въ плѣну и вышедши за мужъ за лезгинъ, онѣ забыли все свое родное, даже языкъ. Ихъ прекрасное небо, богатство природа, ихъ склонность къ праздности, беззаботность въ жизни представлялись имъ какъ во снѣ. Онѣ окружили княжну Баратову: видъ грузинскаго костюма на

молодой дѣвушкѣ, казалось, обрадовалъ и вмѣстѣ опечалилъ ихъ.

Большая часть этихъ женщинъ пряли сырцовый шелкъ. Одну изъ нихъ, которая пользовалась бѣльшимъ значеніемъ въ деревнѣ, нежели другія, молла подвелъ къ намъ.

— Мнѣ поручилъ молла, сказала она, объявить вамъ, чтобы вы закрыли ваши лица, потому что завтра вы прїѣдете къ Шамилю. Законъ Магомета воспрещаетъ всякой женщинѣ быть въ присутствіи мужчины съ открытымъ лицомъ. Одинъ только мужъ пользуется этимъ правомъ и то тогда, когда съ нимъ нѣтъ никого посторонняго. — Для этого молла принесъ намъ грубой кисеи, смѣрялъ ее нѣсколько разъ и потомъ уже порѣзалъ на куски. Намъ дали шелковыхъ нитокъ, — льняныя, конопляныя и бумажныя нитки составляютъ здѣсь рѣдкость и продаются очень дорого, — и мы провели вечеръ за работой нашихъ вуалей.

ЖИИИ.

А у л ъ Ш а м и л я .

На другой день мы встали очень рано, торопясь увидѣть повелителя, которому повинуются съ любовью

и уваженіемъ отъ одного конца Кавказа до другаго. Человѣкъ этотъ, по приказанію котораго насъ оторвали отъ домашняго очага, сохранилъ въ глазахъ нашихъ, несмотря на перенесенное нами по его винѣ мученіе, нѣкоторую степень величія и уваженія. Еще вчера отдано было приказаніе, чтобы каждой плѣнницѣ, какого бы званія она ни была, дали лошадь и проводника. Путь нашъ проходилъ по ложбинѣ, въ которой росла мята, богородичная трава, папоротникъ. На каждомъ шагу намъ встрѣчались лужайки, покрытыя желтыми и бѣлыми нимфами. Иногда огромныя скалы дотого наклонялись надъ дорогой, что мы должны были, для свободнаго проѣзда, ложиться на лошадей. По временамъ намъ попадались буйволы, запряженные въ арбы, которыя гораздо меньше грузинскихъ. Вскорѣ мы вѣхали вѣлъсь, гдѣ липы, орѣховыя деревья и дубы сплетались между собою толстыми волокнами плюща. Нерѣдко лошади наши брели по грудь въ водѣ. Одинъ изъ проводниковъ получилъ выговоръ за то, что переправился чрезъ глубокую лужу на лошади плѣнницы, Шамиль приказалъ, чтобы объ насъ всячески заботились. Къ сожалѣнію объ этомъ подумали очень поздно, но все таки лучше, чѣмъ никогда.

Едва мы расположились отдыхать, какъ поднялась сильная буря. Мы переправились чрезъ рѣчку и

прибыли въ ауль. Здѣсь съ нами встрѣтились люди, которыхъ мы не надѣялись больше увидѣть. Люди эти были тѣ самые, которые похитили насъ изъ Цинондалъ. Мнѣ пріятно было увидѣть Ивана, но я чрезвычайно боялась попасть опять въ руки Гаджи-Керима. Я закрылась вуалемъ, чтобы онъ меня не видалъ. Иванъ, имѣя двухъ лошадей, предложилъ мнѣ сѣсть на одну изъ нихъ. Такъ какъ дорога сдѣлалась скользкой отъ дождя и проводникъ мой былъ старъ и повидимому очень утомился, то я объяснила Ивану знаками, чтобы онъ предложилъ ему эту лошадь. Онъ исполнилъ это съ охотой. Дождь продолжалъ усиливаться, и потому горцы сняли съ себя бурки и укрыли ими дѣтей и плѣнницъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Къ сожалѣнію, у моего проводника не было бурки и я промокла до костей.

Многіе всадники выѣхали встрѣтить насъ. «Шамиль, сказали они, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ плѣнницъ. Онъ желаетъ, чтобы ѣхали поскорѣе». Я искала взорами жилище имама. Но кромѣ безконечнаго лѣса и вѣчныхъ снѣговъ, мнѣ ничего не представлялось. Вдругъ на горизонтѣ нашемъ открылось строеніе, имѣвшее не болѣе одной сажени высоты. Оно было окружено палисадомъ и походило издали на овчарню. Возлѣ него стояли, сколько я могла

различать, люди, глядѣвшіе въ нашу сторону. Но сквозь вуаль и дождь, колотившій меня по лицу, все это являлось въ какомъ-то смѣшанномъ, безцвѣтномъ видѣ.

Иванъ остановилъ мою лошадь, когда мы подъѣхали къ толпѣ народа, собравшагося посмотрѣть плѣнныхъ. Насъ отдѣляла отъ него деревянная перегородка. Княгини были уже въ сераль; Саломѣ и Марія оставались со мной. Вскорѣ два моллы повели насъ также туда. Пройдя трое воротъ и столько же дворовъ, мы подошли наконецъ къ небольшой комнатѣ, въ которой находились княгини. Но какъ только я намѣрилась переступить порогъ, мнѣ сказали скинуть обувь. Исполнить это было не легко, обувь моя до того размокла и пристала къ ногамъ, что казалось, составляла съ ними нераздѣльное цѣлое.

Въ комнатѣ этой, имѣвшей сходство съ кельею, я застала пылавшій огонь. Стѣны ея были выштукатурены глиною бураго цвѣта. Полъ былъ покрытъ дырявымъ ковромъ, сквозь который видѣлись большія щели. Длина комнатки не превосходила 18, а ширина 12 футовъ; высота же ея была такова, что человекъ, имѣвшій 6 вершковъ росту, долженъ былъ стоять въ наклонномъ положеніи. Свѣтъ проникалъ въ нее сквозь одно отверстіе, величиною въ карманный платокъ. Кругомъ по стѣнамъ шли че

раздѣльно лавки. Мы положили на нихъ свои узелки и грязныя ковры, которые были намъ даны вмѣсто постели.

При входѣ въ новое наше пристанище, я увидѣла нѣсколько женщинъ, сидѣвшихъ на коврѣ. Счѣ были въ рубахахъ татарскаго покроя, которыя доходили до самыхъ лодыжекъ, оставляя незакрытыми только узенькія полоски шальваръ. Женщины эти, подобно грузинкамъ, были одѣты въ бѣлыя чадры (*). Небольшой фуляровый платокъ стягивалъ ихъ волоса и закрывалъ лобъ почти до бровей. Сверхъ его былъ надѣтъ другой такой же платокъ, который въ свою очередь былъ прикрытъ чадрой.

Принесли меду, хлѣба, воды и плову. Блюдо это было приготовлено изъ рису, баранины и изюму. Но княгини имѣли спосную пищу только въ этотъ день. Впрочемъ надо сказать и то, что вся страна, подвластная Шамилю, очень бѣдна: произведеній ея едва достаточно для ея жителей. Княгини пригласили меня обѣдать съ ними; но я ѣла мало. Все мое вниманіе было обращено на сидѣвшихъ противъ меня женщинъ.

(*) Грузинская чадра шьется изъ коленкора и имѣетъ видъ простыни. Замѣная платокъ, она опускается съ головы до пятокъ и потомъ подбирается нѣсколько подъ выщками. Женщина въ чадрѣ похожа на мушю.

Жены Шамиля.

Старшая жена Шамиля, которая пользуется бóльшимъ значеніемъ въ сералѣ, нежели другія его жены, далеко не соотвѣтствуетъ этому своею наружностію. На лицѣ ея видны слѣды оспы. Она говоритъ медленно, но пріятно. Во всѣхъ движеніяхъ ея замѣтна непринужденность и нѣкотораго рода власть. Сидя возлѣ княгинь, она попеременно посматривала то на одну, то на другую. Въ рукахъ ея было что-то въ родѣ четокъ, которыхъ жемчужины она пропускала межъ пальцевъ, какъ на молитвѣ.

Вторая жена Шамиля была близка къ родамъ, и потому мы не могли судить о ея красотѣ. Цвѣтъ лица ея былъ подернутъ желтизною, какъ это бываетъ со многими беременными женщинами. Но нельзя было не удивляться живому выраженію ея глазъ, очертанію и свѣжести рукъ. Голосъ ея былъ чистъ, какъ звукъ серебра. Черты лица ея хотя не доказывали, чтобы она была знатнаго рода, но онѣ исполнены были доброты и откровенности.

Шуанета, такъ называлась вторая жена Шамиля, но происхожденію была русская и нисколько не забыла своего роднаго языка, не смотря на очень рѣдкое употребленіе его. Но въ этотъ день, повинувась, безъ сомнѣнія, приказанію Шамиля, она не говорила съ нами по-русски. Къ счастію, княгини были не менѣе осторожны. Онѣ говорили между собою по-французски, прибѣгая къ грузинскому языку только въ разговорѣ съ своими женщинами, которыхъ имъ прислали.

Насъ посетила также третья жена Шамиля, очень молодая и миловидная. Она почти не вмѣшивалась въ разговоръ и все стояла, опершись на столбъ, поддерживавшій перекладины нашей комнаты.

Всѣ три жены Шамиля были одѣты чисто, но безъ вкуса, и мы вовсе не нашли въ нихъ того, что надѣялись встрѣтить въ женахъ пророка. Съ ними пришли и дѣти; но они были такъ грязны, что къ нимъ невозможно было прикоснуться.

Послѣ взаимнаго осмотра, продолжавшагося около получаса, старшая жена встала съ достоинствомъ и вышла; за нею послѣдовала Шуанета. Третья же осталась и присѣла возлѣ насъ. Она поцѣловала дѣтей, взяла Георгія на руки и удалилась отъ насъ не прежде, какъ осмотрѣвши насъ со всею

подробностию. Мы остались одни, т. е. княгини, дѣти и я, и занялись сушкой своего платья. Княгини просили, чтобы имъ прислали ихъ служанокъ. Сперва привели къ намъ одну Катерину, а на слѣдующій день и другихъ.

Расположившись на старыхъ коврахъ, мы уснули очень крѣпко, чего съ нами не случалось уже давно. Тогда было 8 число августа, слѣдовательно прошелъ мѣсяцъ съ четырьмя днями съ тѣхъ поръ, какъ насъ увели изъ Цинондаля. Мы совершили около 1000 верстъ, посреди непрерывныхъ опасностей, съ восемью дѣтьми, включая въ это число несчастную Лидію, Еву и Элло. Последнія двое были, можно сказать, усыновлены княгинею Чавчавадзе. Мать Элло, Мелано, хотя находилась также въ плѣну, но будучи беременна и больна, не могла заботиться о ней, какъ слѣдовало.

Крикъ моллы разбудилъ насъ рано. Вчерашнія посетительницы наши пришли къ намъ, какъ только услышали у насъ говоръ. По просьбѣ княгини Чавчавадзе къ намъ привели всѣхъ ея женщинъ и помѣстили съ нами. Въ комнаткѣ нашей, заключающей 23 души, сдѣлалось такъ тѣсно, что негдѣ было повернуться. Съ тѣхъ поръ началось для насъ новое мученіе, кончившееся только съ нашимъ плѣномъ. Въ особенности ночью не было никакой возможности переносить наши страданія.

XIX.

Французское письмо.

Въ полдень, 9 августа, объявили намъ, что Шамиль желаетъ поговорить съ княгинями. Ихъ не отступно просили, чтобы онъ, какъ можно лучше, закрыли свои лица. Около двухъ часовъ пополудни, возлѣ дверей нашей комнаты снаружи поставили для Шамиля стулъ, сдѣланный изъ дерева и камыша. Стулъ этотъ похожъ на тѣ стулья, которые русскіе офицеры берутъ съ собою въ походъ. Вскорѣ прибылъ имамъ, сѣлъ и вступилъ съ княгинями въ разговоръ. Переводчиками служили два горца, изъ которыхъ одинъ переводилъ съ русскаго, а другой съ грузинскаго языковъ. Они помѣстились на нашемъ порогѣ, не переступая его. Съ ними сѣлъ также Хаджи, довѣренное лицо Шамиля, управлявшій внутренними дѣлами его аула. Спросивши княгинь, кто онъ, имамъ обратился потомъ къ одной княгинѣ Орбеліани.

— Варвара! говорятъ, что ты жена Илико. Онъ былъ моимъ плѣнникомъ. Я его очень уважаю за его храбрость и честность. Никогда онъ не позволялъ себѣ лгать предо мною. Да будетъ вамъ извѣстно, что я терпѣть не могу лжи, не старай-

тесъ же никогда обмануть меня, иначе вамъ будетъ плохо.... Русскій Султанъ взялъ у меня сына Джаммаль-Эддина, когда этотъ былъ еще ребенкомъ. Я просилъ нѣсколько разъ возвратить мнѣ его взаменъ знатныхъ плѣнниковъ, но Онъ не согласился на это.... Мнѣ сказали, что вы, Анна и Варвара, внуки грузинскаго султана. Напишите-же Русскому Султану, чтобы онъ отдалъ мнѣ моего Джаммаль-Эддина. Когда онъ согласится на это, я велю отправитъ васъ, куда вы захотите.... Надобно также дать денегъ моему народу; но объ этомъ я вступлю въ переговоры съ вашими родственниками.

Когда переводчики передали намъ эти слова, Шамиль прибавилъ:

У меня есть письма къ вамъ. Но одно изъ нихъ написано ни по-русски, ни по-грузински, ни по-татарски. Я не могу передать вамъ его. Пусть не пишутъ къ вамъ болѣе ни одного слова на этомъ неизвѣстномъ языкѣ. Я не позволю вамъ читать ничего, что не могутъ перевести для меня. Аллахъ велитъ человѣку быть осторожнымъ.... Что это за языкъ и зачѣмъ пишутъ къ вамъ на немъ?

— Шамиль, отвѣчала княгиня Орбеліани, тебя никто не хочетъ обмануть. Въ числѣ насъ находится одна дама, которой чужда какъ Россія, такъ и Грузія. Можетъ быть, это письмо написано къ ней.

Хаджи посмотрѣлъ въ нашу комнату и княгиня, указавъ на меня, прибавила :

— Она французенка.

— Это правда, отвѣчала я на нѣмой вопросъ Хаджи.

— Вы сей часъ получите отъ меня письма, написанныя по-русски. Но повторяю вамъ еще разъ, что всякая ложь противна Аллаху и его рабу Шамилю. Я имѣю право отрубить вамъ головы, и это я непременно исполню, какъ только замѣчу, что вы хотите обмануть меня.

Вотъ въ чемъ заключался разговоръ Шамиля съ нами; во время его онъ не только не старался насъ увидѣть, но даже не показывался намъ. Письмо, о которомъ онъ говорилъ съ нами, причинило мнѣ не мало мученія. Я все воображала, что оно адресовано было на мое имя изъ Франціи и отправлено къ намъ съ прочими письмами княземъ Чавчавадзе. Но предположеніе мое оказалось ошибочнымъ, какъ я узнала впоследствии. Письмо это было написано къ княгинямъ умною и прелестною княгинею Голицыною; она должна была пріѣхать къ намъ въ Цинондалы въ то самое время, когда мы были взяты въ плѣнъ. Шамиль, по своей подозрительности, запретилъ мнѣ писать къ кому-либо; отъ этого мои родные не знали, въ какомъ

я находилась положеніи. Только однажды мнѣ было позволено подписать свою фамилію подъ нѣсколькими русскими словами, написанными княгинею Орбеліани.

Письма, переданныя намъ, получены были отъ князя Чавчавадзе и генерала Орбеліани. Шамиль позволилъ отвѣчать на нихъ; но княгини зная, что онъ прикажетъ переписать себѣ ихъ письма, не рѣшились упоминать въ нихъ о нашихъ страданіяхъ. Онъ просилъ только, чтобы имъ прислали платье какъ для насъ, такъ и для дѣтей. — Князя Чавчавадзе и Орбеліани желали въ особенности, чтобы Шамиль вступилъ съ ними въ переговоры чрезъ посредство татарина Магомеда, честность и аккуратность котораго были хорошо имъ извѣстны. Шамиль согласился на это, и Магомедъ исполнилъ добросовѣстно всѣ порученія, какія были сдѣланы ему обоими князьями.

Ш а м и л ь в м а и ь .

Шамилю было 56 лѣтъ, когда мы находились у него въ плѣну; но я, имѣвши возможность видѣть

его почти всякій день, до сихъ поръ не могу убѣдиться въ этомъ: мнѣ все кажется, что онъ гораздо ^{СТАРИШЕ} ~~МОЛОДШЕ~~ же. Онъ высокаго росту; черты лица его, спокойныя и внушающія уваженіе, не лишены пріятности и энергіи. Шамиль похожъ на льва, находящагося въ спокойномъ положеніи. Русая и длинная борода его много придаетъ величественности его осанкѣ. Глаза его сѣры и продолговаты, но онъ держитъ ихъ полуоткрытыми, на восточный манеръ. Губы у него алы, зубы очень красивы, руки малы и бѣлы, походка тверда, но немедленна; все въ немъ обнаруживаетъ человека, облеченнаго высокою властію.

Ему не исполнилось еще двадцати лѣтъ, когда онъ успѣлъ соединить всѣ лезгинскія и чеченскія поколѣнія подъ свою власть. Съ тѣхъ поръ началъ онъ, при помощи неприступныхъ горъ, превосходящихъ всякія укрѣпленія, защищать независимость своей страны. Шамиль получилъ воспитаніе отъ очень знатнаго горца Джаммаль-Эддина, который впоследствии выдалъ за него свою дочь Зайдету.

Джаммаль-Эдинъ глубоко напечатлѣлъ въ сердцѣ своего знаменитаго воспитанника неизмѣнныя правила честности и справедливости. Одаренный отъ природы высокимъ умомъ, Шамиль можетъ быть названъ не только великимъ полководцемъ, но и великимъ законодателемъ. Онъ проводитъ большую

часть дня за работой въ своемъ кабинетѣ, заваленномъ книгами и пергаменами.

Имамъ часто разъѣзжаетъ по ауламъ, проповѣдуя своимъ народамъ Коранъ и одушевляя ихъ любовью къ независимости. Въ это время жены его посѣщаютъ кладбище, что составляетъ единственную ихъ прогулку внѣ сераля. Онѣ отправляются туда закутавшись въ чадры, въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ служанокъ, при свѣтѣ фонарей. Лезгинны питаютъ большое уваженіе къ умершимъ, и кладбища ихъ не служатъ, подобно константинопольскимъ, убѣжищемъ бродячихъ собакъ. На каждой могилѣ положенъ камень, часто не только съ надписью, но и съ чалмою, если умершій былъ воинъ, законодатель или молла.

Когда Шамиль въѣзжаетъ въ Веденно, весь народъ выходитъ къ нему на встрѣчу при пѣніи стиховъ изъ Корана, и сопровождаетъ его до втораго двора сераля; никто не имѣетъ права слѣдовать за нимъ дальше этого, исключая нѣкоторыхъ невольниковъ. Въ третьемъ дворѣ онъ живетъ самъ и его жены.

Шамилю хорошо извѣстно, что если горцы такъ долго сопротивляются могуществу Россіи, то этимъ они обязаны не столько собственнымъ своимъ силамъ, сколько непреодолимымъ преградамъ, поставленнымъ самой природой. По этой причинѣ большое число плѣн-

никогѣ занято по его приказанію, не исправленіемъ, но уничтоженіемъ тѣхъ дорогъ, по которымъ русскіе могли бы проникнуть въ его владѣнія. Число войска Шамиля, которое собирается только въ случаѣ надобности, никогда не превосходитъ тридцати тысячъ. Оно дѣлится на части по деревнямъ; каждая часть подчиняется начальнику, который отвѣчаетъ за нее. Начальники эти находятся въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, защищаютъ предъ нимъ свои мѣстные интересы и судятъ о дѣлахъ мира и войны. Полагаютъ, что народонаселеніе, признающее надъ собою власть имама, простирается до 300 т. душъ. Но большая часть жителей находится въ крайней бѣдности. Это было причиной, почему во всѣхъ аулахъ, чрезъ которые мы проходили, съ трудомъ можно было найти одинъ домъ, который былъ бы въ состояніи накормить насъ за деньги. Оттого часто случалось, что едва успѣвали мы прибыть въ какой нибудь аулъ, какъ насъ тотчасъ старались проводить далѣе. Впрочемъ это нисколько не удивительно: лезгины владѣютъ очень не многими полями, годными къ обработыванію; всѣ почти удобныя и ровныя мѣста заняты русскими. Зато скотоводство находится у нихъ въ цвѣтущемъ состояніи, чему способствуютъ горы, представляющія обильныя пастбища; овцы хорошаго качества и даютъ мягкую шерсть. Глазная промыш-

ленность жителей заключается въ выдѣлываніи вой-
локовъ для чулковъ и бурокъ.

Люди, посвятившіе себя войнѣ, отличаются умною и выразительною физиономіей, чего нельзя сказать о пастухахъ. Что же касается женщинъ, выходящихъ за мужъ какъ только имъ исполнится двѣнадцать лѣтъ, то онѣ до того изнурены работой и множествомъ дѣтей, что имъ, по истеченіи самаго непродолжительнаго времени, нельзя дать менѣе тридцати лѣтъ. Всѣ хлопоты по хозяйству, всѣ полевая работы лежатъ на нихъ. Шамиль, изъ видовъ политики, не желаетъ, чтобы мужчина занимался обработываніемъ земли и привыкалъ къ домашней жизни. Послѣ большихъ трудовъ, онъ могъ бы крѣпко уснуть и не явиться по зову въ часъ опасности. Лезгинъ заботится только о своей лошади и о своемъ оружіи, которое по истинѣ составляетъ его гордость. Лезгинки, подобно грузинкамъ, воспитываютъ много шелковичныхъ червей; онѣ сами разматываютъ и красятъ шелкъ. Многія изъ нихъ со вкусомъ выдѣлываютъ изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ позументныя вещи, которыми украшается платье. Онѣ шьютъ сафьяновые башмаки и выдѣлываютъ войлочные чулки, хорошо защищающіе отъ холода.

Кромѣ упомянутыхъ качествъ, Шамиль отличается еще замѣчательною скромностію. Даніель-бекъ сказалъ

ЭЛМЭБЭЭЛЭ
ЭНЭ МЭНЭЭЛЭ

ему однажды, что княгини молоды, красивы и очень любезны. Но не смотря на это, хотя онъ жили у него, онъ никогда не искалъ случая увидѣть ихъ. Напротивъ того, если ему необходимо было пройти по нашей галлерей, онъ всегда предупреждалъ насъ объ этомъ. Дворъ, на которомъ мы жили, былъ часто заносимъ снѣгомъ, тогда жившіе въ сералѣ ходили мимо нашихъ дверей; но Шамиль рѣшался на это только ночью и то спросивши караульныхъ, заперты ли наши двери. Онъ, казалось, опасался опечалить княгинь своимъ видомъ.

Когда ему рассказали о томъ, какъ жестоко обходились съ нами во время пути, онъ велѣлъ узнать отъ насъ имена тѣхъ людей, на которыхъ мы жаловались, чтобы подвергнуть ихъ наказанію. Меня убѣждали, чтобы я открыла моего мучителя Гаджи-Керима; но я не предвидѣла отъ этого никакой пользы и почла за лучшее предоставить его на судъ Бога. Кто не повѣритъ, что этотъ непогрѣшимый Судья всѣхъ человѣческихъ дѣлъ помогъ мнѣ въ награду за мое молчаніе перенести ужасный и продолжительный плѣнъ!

XXII.

Зайдета.—Шуавета.—Амицета.

Зайдета, дочь Джаммаль-Эддина, имѣла въ наше время двадцать семь лѣтъ. Она носитъ званіе первой жены Шамиля и пользуется поэтому большими преимуществами: всѣ дѣти, вся прислуга имама обязаны повиноваться ей. Она завѣдуетъ ключами отъ провизіи, товаровъ и платья. Прочія жены Шамиля оказываютъ ей нѣкотораго рода уваженіе; онѣ всегда обращаются къ ней, если имъ понадобится что либо, выходящее изъ круга обыкновенныхъ ихъ потребностей. Но онѣ очень недовольны ею за ея чрезмѣрную скупость.

Шамиль имѣетъ отъ Зайдеты дочь, которой черты лица показываютъ, что она будетъ необыкновенная красавица; къ сожалѣнію, ноги ея чрезчуръ искривлены. Она называется Нажаватой; ей не болѣе семи лѣтъ; но не смотря на это, умъ ея очень развитъ, и она читаетъ уже Коранъ, пишетъ и считаетъ. Шамиль чрезвычайно любитъ своихъ дѣтей; но маленькая Нажавата, по причинѣ ея слабости и несчастнаго образованія ногъ, составляетъ для него предметъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ неусыпныхъ по-

печеній. Онъ часто носитъ ее на рукахъ по двору и съ особенной осторожностію опускаетъ ее на скамейку. Но Нажавата въ отношеніи разнообразія игоръ настоящій мальчикъ. Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на нее, когда она почти такъ же скоро бѣгаетъ, какъ и другія дѣти и съ такою же легкостію влѣзаетъ на террасу. Ее всегда можно застать въ пекарнѣ, въ которой она старается схватить кусокъ горящаго дерева, и потомъ бѣгаетъ съ нимъ по балкону: это ея любимая забава. Зайдета слегка побраниваетъ ее, но Шамиль никогда не говоритъ ей противнаго слова.

Имамъ имѣетъ еще дѣтей отъ другой жены, которую онъ очень любилъ. Она умерла съ печали о своемъ старшемъ сынѣ Джаммаль-Эддинѣ, котораго русскіе захватили въ плѣнъ, когда ему было только девять лѣтъ. Ее называли Потиматой. Кромѣ Джаммаль-Эддина, отъ нея остались еще два сына: Гази-Магамадъ, тотъ самый, который предводительствовалъ партіей, похитившей насъ изъ Цинондалъ, и Магамадъ-Шаби, мальчикъ пятнадцати лѣтъ, и двѣ дочери: Написета четырнадцати и Потимата двѣнадцати лѣтъ. Первая изъ нихъ замѣчательна своей красотою. Шамиль имѣлъ отъ своей второй жены Шуанеты много дѣтей, но всѣ они умерли; только Зайдета, родившаяся спустя нѣсколько не-

дѣль послѣ прибытія нашего въ Веденно, ^{находится}
въ живыхъ.

Шуанета, любимѣйшая жена Шамиля, имѣетъ тридцать два года. Она средняго росту. Трудно встрѣтить женщину, у которой губы были бы красивѣе, нежели у нея, волосы нѣжнѣе, кожа бѣлѣе. Жаль, что большія ея руки и ноги обнаруживаютъ ея низкое происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, она дочь моздокскаго купца-армянина, который былъ весьма богатъ. Но 16 лѣтъ тому назадъ, Шамиль, сдѣлавъ нападеніе на Моздокъ, увелъ его со всѣмъ его семействомъ въ Дарго. Переговоры объ освобожденіи тянулись очень долго. Купецъ этотъ предлагалъ большой выкупъ за себя и свое семейство, но напрасно. Шамиль влюбился въ молоденькую дочь его Анну, названную впоследствии Шуанетой, и ни за что не хотѣлъ отпустить ее. Онъ обѣщалъ ей дать свободу всѣмъ ея роднымъ, если только она согласится быть его женой. Шуанета очень этому обрадовалась, почитая за особенное счастье пожертвовать собою для спасенія своихъ родителей. Но когда наступила минута разлуки, тогда она вполне почувствовала, какъ трудно было ей принести эту жертву.... Оставшись у Шамиля, она въ теченіи двухъ лѣтъ выучилась читать Коранъ и познакомилась съ основаніями исламизма. Послѣ же того, отказавшись отъ своей родной религіи и при-

нявъ мусульманскую, она сдѣлалась женой Шамиля, и вскорѣ взаимно полюбила его. Имамъ назвалъ ее Шуанетой и подъ этимъ именемъ она известна всѣмъ, живущимъ въ сераль. Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Веденно, она просила княгиню Орбеліани оказать ей услугу:

— Отца моего и матери нѣтъ болѣе на свѣтѣ, сказала она; попроси же моихъ братьевъ, чтобы они прислали мнѣ мою часть наслѣдства: я хочу отдать ее Шамилю.

Братья ея нѣсколько разъ пріѣзжали въ Веденно и всегда получали позволеніе видѣться съ нею. Ее неоднократно хотѣли выкупить; но она, ни за что не соглашается на это: пользуясь взаимною любовью имама, Шуанета не хочетъ слышать о свободѣ, которая лишила бы ее любимаго предмета. Но принимая всегда живое участіе въ интересахъ Шамиля, она не пропускала ни одного случая быть полезной бѣднымъ плѣнницамъ; въ отношеніи же насъ, она всегда была добра, откровенна и предана. Я имѣла счастье понравиться ей и, благодаря этому, я ни на минуту не была разлучена съ княгинями.

Третья жена Шамиля, очаровательная Аминета, имѣетъ только 18 лѣтъ; у нея нѣтъ дѣтей, потому что она поступила въ сераль Шамиля только за четыре мѣсяца предъ нашимъ прибытіемъ въ Веденно.

Трудно встрѣтить женщину, которая имѣла бы такой совершенный овалъ лица, какъ Аминета, и была такъ рѣзва и бойка, какъ она. Ротъ у нея большой, но онъ надѣленъ прекраснѣйшими зубами. Ничто однакожь не передаетъ ей столько привлекательности, какъ ямки на щекахъ и на подбородкѣ; даже носикъ ея, который не много вздернутъ, оканчивается ямкой. Аминета по происхожденію кистинка. Она была взята въ плѣнъ, когда ей было пять лѣтъ; мать ея не находя возможности выкупить ее, пожелала раздѣлить съ нею плѣнъ.

Во время нашего пребыванія, привели въ Веденно двухъ плѣнницъ, похищенныхъ изъ той самой деревни, откуда была Аминета. Плѣнницы эти сдѣлались для нея предметомъ самаго дружескаго участія. Когда же онъ были въ состояніи уплатить за себя по 200 руб. выкупу, то Аминета не могла на радоваться ихъ освобожденію. Она сама приготовила имъ для дороги провизію и обернула ихъ ноги бараньею шерстью и тряпками для защиты отъ морозу и снѣга, потому что онѣ получили свободу въ праздникъ Рождества Христова.

Не смотря на все стараніе Шамиля удержать равенство между своими женами, Аминета менѣе ихъ счастлива. Она въ особенности много терпитъ въ отсутствіе его. Зайдета обращается съ

нею очень жестоко и упрекаетъ ее за все, даже за чрезвычайно грубую пищу. Аминета помогаетъ на общей кухнѣ стряпать кушанье и печь хлѣбъ, тогда какъ этого не дѣлаютъ ни Зайдета, ни Шуанета. Къ счастью, ее много облегчаетъ мать ея Пананъ, которая завѣдываетъ кухнею и работницами.

Кромѣ всѣхъ названныхъ нами лицъ, въ сералѣ еще живетъ старая Бакко, мать Потиматы и бабушка Джаммаль-Эддина, его братьевъ и сестеръ. Шамиль питаетъ къ ней большое уваженіе и посѣщаетъ ее всякій день. Но Бакко живетъ посреди серала совершенно отдѣльно. У нея своя кухня, свой хлѣбъ, и тогда какъ всѣ женщины имѣютъ пищу изъ общей кухни, старая Бакко хозяйничаетъ сама въ своемъ маленькомъ уголкѣ.

XXXIII.

Подробности домашняго быта.

Когда Шамиль возвратится изъ экспедиціи или съ вѣроученія, то не успѣетъ онъ сойти съ лошади, какъ дѣти его находятся уже въ его объятіяхъ. Жены выхо-

дять къ нему на встрѣчу: Зайдета съ важностію, которой она рѣдко измѣняетъ, Шуанета съ улыбкой и поспѣшностію, а Аминета съ медленностію кокетки. Шамиль по пріѣздѣ домой, первымъ долгомъ поставляетъ себѣ посѣтить Бакко. Онъ рассказываетъ ей о своихъ путевыхъ приключеніяхъ, объ успѣхахъ или неудачахъ; потомъ онъ идетъ къ себѣ. Въ это время жены его наперерывъ стараются удовлетворить его аппетиту.

Но въ какой степени возвращеніе его приноситъ радость, въ такой же степени его отсутствіе причиняетъ печаль. Когда онъ отправляется въ дорогу, Зайдета и Шуанета приготавливаютъ для него съѣстные припасы и все то, въ чемъ онъ можетъ встрѣтить нужду. Онѣ осматриваютъ, исправно-ли его сѣдло, нѣтъ-ли какого нибудь недостатка въ буркахъ, крѣпки-ли чехлы пистолетовъ и хорошо-ли они пригнаны и пр.

Шамиль никуда не уѣзжаетъ, не попрощавшись съ Бакко. Онъ садится на лошадь съ необыкновенною изящностію. Дворецъ его обнесенъ тремя оградами, изъ которыхъ каждая имѣетъ одни ворота. Но ворота эти такъ низки, что чрезъ нихъ нельзя проѣхать верхомъ на лошади, не нагнувшись. Шамиль выѣзжая изъ дворца, пускаетъ свою лошадь рысью и предъ каждымъ воротами вдругъ ложится на нее,

чтобы не ушибиться; проѣхавши же ихъ, онъ тогда часть выпрямляется, и является за дворцомъ въ нѣсколько секундъ. По отъѣздѣ его, жены и дѣти его возвращаются во дворецъ молча. Аминета всходитъ тогда на террасу и смотритъ до тѣхъ поръ на удаляющихся всадниковъ, которыхъ она завидуетъ свободѣ, пока они не исчезнутъ въ дали.

Шуанета уходитъ къ себѣ опечаленной; Зайдета же начинаетъ суетиться въ кладовыхъ; вскорѣ затѣмъ она является въ шелковой рубашкѣ и шальварахъ, которые она носила еще до замужества; нарядъ этотъ очень красивъ. Если ее спрашиваютъ, почему она одѣвается хорошо только тогда, когда Шамя нѣтъ дома, она отвѣчаетъ: «Шамя запрещаетъ своимъ женамъ всякую изысканность въ платьѣ». Ему очень нравится, когда онъ въ хорошую погоду, бывають одѣты въ бѣлое. Зайдета много выигрывала бы въ глазахъ Шамя, если бы онъ позволилъ ей являться предъ собою въ ея изящномъ костюмѣ: въ немъ вполне обрисовывается ея тонкая и красивая талія.

Шамя запрещаетъ своимъ женамъ отличатся чѣмъ либо отъ женъ наибовъ; онъ знаетъ, что этими людьми, отъ которыхъ зависѣло его избраніе, труднѣе будетъ управлять, когда у нихъ будетъ много потребностей. Но Шамя стараясь о сохраненіи простоты, самъ служить для нея первымъ примѣ-

ромъ. Онъ всегда бываетъ такъ просто одѣтъ, что если бы не его повелительный видъ, то незнающіе принимали бы его за кого нибудь изъ его наивовъ. Только въ пятницу, когда онъ торжественно отправляется въ мечеть, на немъ бываетъ длинная зеленая мантия и бѣлая чалма, красиво обвитая вокругъ татарской фески. За нимъ слѣдуютъ мюриды, неся Коранъ въ красивомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Всѣ мушны аула заключаютъ шествіе. Они поютъ *іа Аллахъ! іа Аллахъ!* Когда Шамиль находится въ мечети, то въ сералѣ по приказанію его женъ, вытряхаются ковры, бѣлятся стѣны и проч., чтобы къ его возвращенію было вездѣ чисто и опрятно.

Только жены имама имѣютъ право входить къ нему безъ доклада. Когда же онъ молится или совѣщается съ мюридами, каждая запираетъ свою дверь и кладетъ ключъ въ пазуху: имъ воспрещено имѣть карманы. Къ Шамилю всякій день пріѣзжаютъ наибы, встрѣчающіе надобность говорить съ нимъ о дѣлахъ. Всѣхъ Гостей имамъ принимаетъ просто, какъ позволяютъ ему средства, и оставляетъ ихъ у себя на нѣсколько дней, но они не должны входить въ женскій дворъ. Шамиль ни въ какомъ случаѣ не ѣстъ съ гостями, но всегда одинъ у себя; жены же только прислуживаютъ ему. Воздержность его достойна примѣчанія; пищу его составляютъ: бѣлый

хлѣбъ, спеченный на молокъ, медъ, рисъ, плоды, чай. Отъ этого онъ пользуется отличнѣйшимъ здоровьемъ.

Народъ обожаетъ Шамиля : имя его отъ одного конца Кавказа до другаго служитъ чѣмъ-то въ родѣ талисмана. Онъ отличается необыкновенною нравственною чистотою и строго преслѣдуетъ пороки. Рассказываютъ, что какой-то лезгинъ, не могшій по бѣдности жениться, завелъ преступную связь съ бездѣтной вдовой. По истеченіи нѣкотораго времени связь эта обнаружилась. Шамиль приказалъ отрубить имъ обоимъ головы. Примѣръ этотъ, не смотря на давность до сихъ поръ хранится въ свѣжей памяти народа. Не возбраняется имѣть столько женъ, сколько позволяетъ состояніе, но нельзя быть въ сношеніяхъ даже съ однимъ лицомъ, безъ исполненія слѣдующаго обряда : мужчина, войдя въ мечеть и обратясь къ Аллаху, долженъ произнести троекратно :

— Аллахъ! я беру себѣ эту женщину въ жены.

Трое владѣевъ. — Шамиль в Амьнета.

Шамиль обращаетъ одинаковое вниманіе на своихъ женъ и одинаково объ нихъ заботится. Однажды

князя прислали для его женъ подарки: янтарныя и коралловые четки и трое красивыхъ платьевъ: зеленое, голубое и фиолетовое. Платья эти не отличались одно отъ другаго ни величиною, ни добротою. Зайдета и Шуанета осмотрѣли ихъ до мельчайшихъ подробностей, смѣряли нѣсколько разъ и чуть не взвѣсили. Прелестная же Аминета не только не прикасалась къ нимъ, но даже не видала ихъ. Шамиль находился въ это время въ экспедиціи, и потому всѣ были въ недоумѣніи, какъ онъ поступить съ этими богатыми подарками. Нѣкоторые же впрочемъ были совершенно увѣрены, что онъ, сильно презирая и преслѣдуя роскошь, не позволитъ своимъ женамъ принять ихъ. Наконецъ Шамиль возвратился. Онъ былъ не въ духѣ: русскіе подъ начальствомъ барона Врангеля, причинили его войску большой уронъ. Зайдета уполномочила Шуанету ходатайствовать предъ Шамилемъ по этому важному вопросу о платьяхъ. Она уговорила ее сказать ему, что такъ какъ Аминета состоитъ въ качествѣ третьей его жены и не имѣетъ дѣтей, то она не можетъ быть сравнена съ ними, и одно платье должно сберечь для которой нибудь изъ его дочерей. Не лишне замѣтить здѣсь, что Шуанету всегда посылаютъ къ Шамилю по дѣламъ подобной важности. Причина этому та, что она добра, красива и любима имъ, а это сильно ручается за успѣхъ.

Когда она высказала этот роковой вопрос, Шамиль отвѣчалъ ей:

— Кто для меня Зайдета, Шуанета и Аминета?

— Онъ твои жены и рабы, отвѣчала Шуанета.

— Хорошо, возразилъ Шамиль; такъ какъ вы всѣ трое носите одно званіе, то и должны пользоваться одинаковыми правами. Если же Аминета не можетъ имѣть платья, то ихъ не должны имѣть также Зайдета и Шуанета.

Аминета какъ стрѣла влетѣла къ намъ, чтобы рассказать намъ о своемъ торжествѣ и о томъ, какъ справедливъ Шамиль.

Имамъ горячо любимъ своими женами; но онъ всѣ любятъ его различно. Зайдета необыкновенно ревнива: она желала бы одна владѣть его сердцемъ. Но въ Веденно, какъ и въ Европѣ, это бываетъ трудно и рѣдко возможно, особенно, если соперница добра, красива и любовь ея къ мужу съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Но надо послушать Шуанету, когда она говоритъ о Шамилѣ; надо слѣдить въ это время за измѣненіемъ ея физіономіи, отражающей ея задушевныя мысли; надо слышать, съ какимъ наслажденіемъ она произноситъ это любимое ею имя!

— Вотъ ужъ минуло пятнадцать лѣтъ, какъ я сдѣлалась его женою, сказала она однажды намъ; но я проливаю слезы только тогда, когда онъ бываетъ

въ походѣ и не присылаетъ за мной. Если я ^{въ чемъ} ^{нибудь} провинюсь, онъ никогда не показываетъ недовольнаго вида, а напротивъ, обращается со мною ласково, какъ съ ребенкомъ, и дѣлаетъ мнѣ выговоръ такъ снисходительно, такъ кротко, что мнѣ дѣлается стыдно отъ его чрезмѣрной доброты.

Чтожь касается Аминеты, то она питаетъ къ Шамилю такую же любовь, какую питаютъ къ отцу. Только жизнь въ заключеніи сильно возмущаетъ ее и она часто вспоминаетъ о прежней своей свободѣ. Такъ какъ у ней нѣтъ дѣтей, то Зайдета иногда говоритъ ей, конечно по внушенію ревности, что имамъ хочетъ развестись съ нею. Тогда плутовка Аминета приходитъ къ намъ и объявляетъ намъ съ совершенно веселымъ видомъ о своемъ отъѣздѣ. Она распускаетъ объ этомъ слухъ такъ ловко, что онъ непременно доходитъ до Шамиля; тогда имамъ призываетъ ее къ себѣ и старается разувѣрить ее въ немъ.

Имамъ посѣщаетъ своихъ трехъ женъ по очереди и вотъ какъ: онъ говоритъ на примѣръ, утромъ Зайдеть: я буду у тебя сегодня. Послѣ этого, слѣдующія сутки онъ проводитъ въ молитвѣ. Въ другое время онъ даетъ знать Шуанетѣ: я приду сегодня къ тебѣ, и онъ опять молится день и ночь. За тѣмъ наступаетъ очередь Аминеты и такъ далѣе.

Впрочемъ этотъ порядокъ установленъ самымъ Ко-
раномъ, который представляетъ однѣмъ законнымъ
женамъ право на сердце своего мужа. Но въ сера-
ляхъ, гдѣ бываетъ множество невольницъ, все за-
виситъ отъ произвола мужа, а не отъ религіи.

День, предшествующій вечеру, который Ша-
миль долженъ провести у Зайдеты, дѣлается для
нея истиннымъ праздникомъ. Тогда она бываетъ
веселѣе и любезнѣе. Ключи отъ провизіи кажутся
ей бременемъ; она дѣлается менѣе скупа и выказы-
ваетъ даже нѣкотораго рода щедрость. Въ это вре-
мя она присылала намъ орѣховъ и яблокъ, часто
впрочемъ гнилыхъ, также рису, сухихъ абрикосовъ
и сливъ. Шуанета же отъ посѣщенія Шамиля при-
ходитъ въ тихую, умѣренную радость. Никто
лучше ея не понимаетъ, въ какой степени любитъ
ее Шамиль; она же обожаетъ его. Во время про-
должительнаго похода Шамиль посылаетъ за одною
изъ своихъ женъ. Зайдета, будучи слабаго здоровья,
не можетъ переносить трудностей дороги; Аминета
же предпочитаетъ оставаться съ своею матерью, и
потому очередь всегда остается за прекрасной Шу-
анетой. Она отправляется къ нему верхомъ на лошади
въ сопровожденіи большаго конвоя и закутавшись въ
чадру отъ взоровъ всѣхъ. По приѣздѣ же въ лагерь,

она тотчасъ разыскиваетъ своего мужа и ^{и остается} въ палаткѣ, приготовленной по его приказанію.

Аминета выказываетъ въ свой день много хитрости и плутовства. Убравъ заботливо свою комнату и приготовивъ двѣ чайныя чашки, она потомъ бѣгаетъ весь день то по балкону, то на кухню къ своей матери, то къ намъ, то къ старухѣ Бакко, у которой живутъ Написета и Потимата. Ее ищутъ, зовутъ, говорятъ, что Шамиль заходилъ къ ней, но не заставъ ее, взялъ съ собою ключъ отъ ея комнаты.

— Ступай, возьми ключъ, говоритъ ей мать.

— Нѣтъ, я не пойду; онъ самъ взялъ его, пусть же онъ у него и остается, или же пусть онъ самъ пришлетъ его.... Я пойду спать къ Написетѣ.

Наконецъ Шамиль возвращаетъ ей ключъ; онъ любитъ ее съ ея милыми капризами.

Гази - Магамадъ.

Аминета, воспитанная съ дѣтьми Шамиля, питаетъ къ нимъ большую дружбу, особенно же къ Гази-Мага-

маду, который два года тому назадъ женился на дочери Даниель-бека, восхитительной Кариматъ. Достаточно только взглянуть на эту женщину, чтобы убѣдиться въ ея благородномъ происхожденіи; изысканные же ея манеры доказываютъ, что она получила нѣкоторое образованіе. Это одна по истинѣ красивая женщина, какую я видѣла между лезгинками. Она внушаетъ собою идею о гуріяхъ. Костюмъ ея богатъ и изященъ. Однако Каримата, подобно Зайдетъ и Шуанетъ, вскорѣ, кажется, принуждена будетъ отказаться отъ своихъ нарядовъ; тесть ея всякій разъ, когда она бываетъ у него, бросаетъ въ огонь что нибудь изъ ея предметовъ роскоши и не перестаетъ напоминать ей, чтобы она одѣвалась проще.

Гази-Магамадъ любитъ до безумія свою жену и не хочетъ жениться на другихъ. Аминета имѣетъ объ немъ, какъ о товарищѣ своего дѣтства, самое нѣжное попеченіе. Она вышиваетъ чехлы для его пистолетовъ, заботится о его вещахъ и старается, чтобы онъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка.

Когда Гази-Магамадъ пріѣзжаетъ къ отцу, то живетъ и спитъ съ нимъ и во все время пребыванія его, имамъ не посѣщаетъ ни одной изъ своихъ женъ. Если же съ нимъ бываетъ Каримата, то она

проводить однѣ сутки у одной жены Шамиля, другія у другой и т. д.

Гази-Магамадъ необыкновенный наѣздникъ. Когда онъ прѣзжаетъ къ отцу на нѣскольо дней, то для оказанія ему почести, собираютъ всѣхъ всадниковъ на ближайшую равнину. Тутъ происходитъ конская скачка, о которой въ Европѣ имѣютъ самое слабое понятіе: быстрота, съ которою мчатся эти наѣзники, ловкость ихъ и изящные приемы превосходятъ всякое сравненіе. Въ это время Аминета, надѣвши на себя чадру, выходитъ на балконъ Шамиля и смотритъ на скачку сквозь щели досокъ, закрывающихъ ее отъ постороннихъ взоровъ. Она любитъ также смотрѣть на турниры, на которыхъ истребляется большое количество пороху изъ ружей и пистолетовъ.

Новыя страданія.—Написета и Текля.

Теперь обратимся опять къ нашему положенію. Послѣ разговора съ Шамилемъ, мы рѣшились сказать, что помѣщеніе наше очень тѣсно для двадцати трехъ душъ. Поэтому намъ отвели еще смежную съ

нимъ комнатку, которая была темна и сыра. Въ ней караульные складывали приносимые для насъ дрова. Въ продолженіи августа и сентября нѣкоторыя грузинки спали въ этой комнаткѣ. Въ послѣдствіи хотѣли въ ней построить каминъ и сдѣлать ее удобной для жилья, но это оказалось невозможнымъ по причинѣ дыма. И потому, съ наступленіемъ холодовъ, бѣдныя женщины принуждены были поселиться съ нами, чѣмъ увеличили наше мученіе. Кромѣ тѣсноты мы ни имѣли покою отъ жары. Намъ рѣдко давали свѣчи, оттого въ каминѣ днемъ и ночью горѣлъ огонь, чтобы кормилицы и няньки могли присматривать за дѣтьми. Днемъ дверь была отворена настежь, и это давало возможность переносить жару; но на ночь дверь и окно запирались и духота дѣлалась не выносимой; мы принуждены были выходить тогда на галлерею; часто однакожь случалось, что и это было не возможно: полъ бывалъ такъ занятъ спавшими, что не гдѣ было ступить.

Вмѣстѣ съ этимъ мученіемъ мы не разъ терпѣли голодъ. Намъ приносили мало пищи и притомъ самой грубой. Она состояла изъ хлѣба, испеченнаго съ жиромъ, который придавалъ ему вкусъ свѣчнаго сала. Хлѣбъ этотъ мы не могли ѣсть иначе, какъ совершивъ надъ нимъ слѣдующій процессъ: сперва его вымачивали въ теплой водѣ и просушивали въ горячей золь,

потомъ снимали съ него верхнюю и нижнюю корки; оставшійся мякишъ жарили и посыпали солью. Лѣтомъ намъ давали часто кукурузный хлѣбъ; но его можно было ѣсть, пока онъ былъ горячъ; когда же наступили холода, то желудокъ вовсе не переваривалъ его. Мы принуждены были наконецъ совершенно отказаться отъ этого хлѣба, такъ какъ отъ него стали у насъ пухнуть десны. Иногда вмѣстѣ кукурузнаго хлѣба и муки, намъ приносили кукурузныя початки, которые мы жарили, также полусгнившія сливы и абрикосы, заплесневѣлый овечій сыръ, который дралъ намъ горло, солонину, въ которой развелись черви и которая однимъ своимъ видомъ возбуждала омерзѣніе; только лукъ, самое плохое подспорье въ пици, былъ годенъ къ употребленію. Но самое невыносимое изъ всѣхъ лишеній, которыя мы терпѣли, заключилось въ недостатокъ чистоты. Мы не имѣли необходимѣйшихъ вещей и съ необыкновенною трудностію доставали мыло, даже для дѣтскаго бѣлья.

По пріѣздѣ нашемъ въ Веденно, у Саломѣ и Маріи развилась во рту цынготная болѣзнь, которая, казалось, была заразительна. Болѣзнь эта сперва открылась у Маріи; у Саломѣ же, хотя она открылась послѣ, но за то въ самомъ ужасномъ видѣ: ей подверглись десны, языкъ и даже зубы; не было никакой возможности переносить запаху, выходивша-

го изъ ея рта. Жены Шамяля прислали къ намъ какого-то человека подъ именемъ лекаря. Когда по требованію его дѣти были выведены изъ комнаты, то онъ началъ зажигать бумагу и окуривать ихъ рты; потомъ онъ вынулъ изъ своего узелка какое-то тѣсто, цвѣтомъ похожее на хину, взялъ часть его на сдѣланную имъ тутъ же лопаточку и приложилъ его къ деснамъ дѣтей. Тогда они начали плевать зеленой матеріей, смѣшанной съ кровью. Эта операція была повторена четыре раза, и дѣти выздоровѣли. Онъ также пользовалъ Александру, у которой висѣвшій палецъ совершенно отпалъ. Раны ея были залечены какою-то травою.

Александръ Чавчавадзе былъ также болѣнъ почти во все продолженіе нашего плѣна. Здоровье его матери находилось попрежнему въ плохомъ состояніи: княгиня никакъ не могла преодолѣть отвращенія къ нашей пищѣ. Намъ много трудовъ стоило убѣдить ее съѣсть чтонибудь изъ того, что по нашему мнѣнію было ей полезно. Въ тѣ дни, въ которые намъ казалось, что Зайдста была въ хорошемъ расположеніи духа, мы ходили къ ней просить молока, меду или рису, который грузинки приправляли орѣхами. Княгиня Орбеліани и я для поддержанія силъ бѣли все, что только намъ приносили.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ нашемъ въ

Веденно, одна изъ женщинъ княгини Чавчавадзе, Катерина, родила хорошенькаго мальчика, названнаго Нико. Она имѣла 18 лѣтъ и это было первое ея дитя. Принужденная совершить въ ея затруднительномъ положеніи столь продолжительный переходъ и лишенная потомъ всякаго движенія, она вслѣдствіе этой рѣзкой перемѣны разрѣшилась отъ бремени самымъ мучительнымъ образомъ. Зайдета прислала ей заблаговременно какую-то женщину, которая носила званіе повивальной бабки. Страданія Катерины были продолжительны. Подобно всѣмъ грузинкамъ, постигнутымъ физическою или нравственною болѣзнію, она безъ умолку пѣла самымъ печальнымъ голосомъ свое прощанье съ жизнію. Княгиня Орбеліани не покидала ее ни на одну минуту. Шуанета и Аминета принимали также участіе въ ея страданіяхъ. Каждая изъ нихъ наперерывъ предлагала ей какое нибудь средство. Одна, на примѣръ, убѣждала ее напиться воды изъ своего башмака; другая же прокалывала, какъ можно скорѣе, какую-то монету и вѣшала ее на ея руку. Магамадъ-Шаби не оставлялъ и своихъ средствъ, почитаемыхъ полезными въ этомъ дѣлѣ; онъ набралъ пороху и прохаживаясь по террасѣ надъ нашими головами, стрѣлялъ чрезъ каждыя пять минутъ, въ той увѣренности, что это поможетъ страждущей. Но я наиболѣе удивилась маленькимъ и большимъ дочерямъ Шамиля, которыя

находясь также при этихъ ужасныхъ родахъ, не обнаруживали ни страха, ни удивленія. По понятію этихъ дѣтей природы, все что не дѣлается, должно быть такъ, а не иначе. Мы напрасно старались удалить ихъ изъ комнаты. Онѣ смотрѣли на все, какъ на забаву, а не какъ на что нибудь невиданное.

Съ нами въ плѣну находилась малолѣтняя Текля, дочь бѣдной Дариджаны, изрубленной лезгинами. Она была очень избалована своею матерью. Княгини прилагали большое попеченіе объ этомъ дитяти и смотрѣли на него, какъ на усыновленную свою дочь. Но къ сожалѣнію, онѣ никакъ не могли справиться съ ея капризами: она рыдала отъ всякой бездѣлицы. Шамиль, не могши равнодушно слышать плачу, всякій разъ посылалъ къ намъ одну изъ своихъ дочерей, чтобы узнать, за чѣмъ плачетъ Текля, и приказывалъ для утѣшенія ея отнести ей что нибудь. Оттого дѣвочка эта стала вскорѣ предпочитать лезгинокъ своимъ покровительницамъ. Однажды Написета, которой она очень понравилась, взяла ее къ себѣ, велѣла Хаджи обречь ее и надѣла на нее рубашку Нажаваты. Потомъ она начала упрашивать своего отца отдать ей эту дѣвочку, обѣщая имѣть объ ней всякое попеченіе. Шамиль согласился на ея просьбу, и она помѣстила Теклю у Бакко. Старуха эта вскорѣ такъ полюбила нашу малютку, что

ни за что не согласилась возвратить ее намъ, когда мы потребовали ее по полученіи нами свободы. И потому Текля одна изъ числа нашего осталась у Шамиля.

У Написеты впрочемъ доброе сердце. Если ей случалось достать лоскутковъ или какое нибудь лакомство, она тотчасъ отдавала ихъ дѣтямъ. Написета своими чертами напоминаетъ ея отца. Она преданная и милая подруга. Однажды увидѣвъ, что я обрѣзываю себѣ ногти, дѣвушка эта просила меня не обрѣзывать ихъ болѣе. Когда же я хотѣла узнать причину этого, она будучи не въ состояніи объяснить мнѣ ее, побѣжала къ своей бабушкѣ и принесла отъ нея ящикъ, въ которомъ хранилось множество обрѣзковъ ногтей. Взявъ ножницы, она начала обрѣзывать ими свои ногти, но съ такою осторожностію, что ни одна частичка ихъ не упала на землю. Меня это очень заинтересовало: я воображала, что тутъ кроется какой нибудь религіозный обычай. Но Аминета, у которой я спросила объ этомъ, пресерьезно отвѣчала мнѣ: если кто желаетъ, чтобы ее очень любили, то долженъ поступать съ ногтями, какъ показала мнѣ Написета.

Наши постоянныя сношенія съ женами Шамиля поселили между нами и ими нѣкоторую дружбу, могущую со временемъ укрѣпиться. Шуанета очень полюбила меня; княгини, желая, чтобы я была избавлена

отъ участія въ ихъ несчастіи, сказали ей, что я не принадлежу къ народу, который находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Шамилемъ, и что на меня слѣдуетъ смотрѣть не какъ на военноплѣнницу, а какъ на нейтральное лицо. Поэтому Шуанета просила Шамиля, чтобы онъ отпустилъ меня на свободу.

— Если ея деревня не далеко отъ Тифлиса, сказалъ онъ, то я прикажу отвезти ее туда.

Но моя деревня есть тотъ большой и красивый городъ, который называется Парижемъ. Когда же Шуанета рассказала Шамилю, какъ объяснили ей княгини, что для прибытія въ этотъ городъ надо переплыть нѣсколько морей или же проѣхать нѣсколько государствъ, то попытка къ моему освобожденію осталась безъ успѣха.

Варвара. — Княгиня Орбеліани.

Я упомянула уже, что Шамиль находился въ экспедиціи, когда получены были подарки отъ князей Орбеліани и Чавчавадзе. Вмѣстѣ съ этими подарками были

присланы письма, которыя были задержаны до возвращенія имама. Въ нихъ князь Чавчавадзе писалъ только о выкупѣ, который онъ могъ уплатить, и не упомянулъ ни слова о Джаммаль-Эдинѣ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права вступать объ немъ въ переговоры. При чтеніи этихъ писемъ, Шамиль, раздосадованный не удачею своей экспедиціи, разразился гнѣвомъ.

— Какъ, вскрикнулъ онъ, я требовалъ своего сына и денегъ для народа, а мнѣ ни слова не говорятъ о сынѣ! Что они шутятъ со мною?

Онъ тотчасъ прислалъ къ намъ переводчиковъ, которые, выразивъ предъ нами все неудовольствіе его, объявили намъ, что онъ, утомленный медленностію отвѣтовъ, рѣшился казнить насъ, дабы наша смерть послужила примѣромъ въ будущемъ. Меня просили вывести Саломѣ и Марію, чтобы онъ не находился при объявленіи этого роковаго извѣстія, и я пошла съ ними на средину двора. Но услышавъ крики моихъ испуганныхъ подругъ, я оставила дѣтей съ Зайдетой, а сама побѣжала въ нашу комнатку. Княгиня Орбеліани хотя была спокойна, но очень блѣдна; княгиня же Чавчавадзе не могла слышать безъ отвращенія, что слова ея мужа считаютъ ложью. Отъ этого извѣстія молодая дѣвушка Варвара впала въ продолжительный обморокъ; но освободившись отъ него, она подверглась бреду, продолжав-

шемуся два дня. Мы чрезвычайно опасались за ея жизнь.

Наконецъ согласились на мѣры менѣе жестокія: положили, въ ожиданіи выкупа княгинь, продать всѣхъ женщинъ, которыя находились съ ними. Это конечно была самая мрачная перспектива для несчастныхъ жертвъ. Варвара, которая не могла подняться съ мѣста, на которомъ она лежала, слышала весь разговоръ объ этомъ и просьбы княгинь, умолявшихъ, чтобы оставили съ ними ихъ женщинъ. Но чѣмъ болѣе сердечной доброты выражалось въ словахъ княгинь, тѣмъ болѣе бѣдная Варвара трепетала при мысли о разлукѣ. Не смотря на это, въ ауль были взяты девять женщинъ, и въ концѣ ноября насъ осталось только четырнадцать душъ, включая въ это число дѣтей, ихъ кормилицъ и Катерину, горничную княгини Орбеліани. Женщина эта старалась удовлетворить всѣмъ потребностямъ своей госпожи и ея сына, и если она не могла здѣсь прилагать такого же попеченія о Георгіи, какъ въ Тифлисѣ, то окружала его не меньшею любовью.

Катерина живя съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ отцовскомъ домѣ княгини, въ Москвѣ, служила у ней горничною. Она отправилась съ своею молодою госпожею въ Тифлисъ; во время же выхода ея за мужъ за князя Орбеліани, дѣвушка эта просила, какъ милости,

оставить ее у себя. Катерина столь же предана княгинѣ Орбеліани, сколько можетъ быть преданъ ей членъ ея семейства. Впрочемъ это нисколько не удивительно. Княгиня Варвара принадлежитъ къ разряду тѣхъ существъ, которыя иногда посылаются Богомъ на землю для поддержанія въ другихъ силы и вѣры; мнѣ не случилось видѣть челоуѣка, который лучше ея исполнялъ бы всѣ христіанскія обязанности.... Я вполне проникнута тѣмъ, чѣмъ она была для всѣхъ насъ во время нашего ужаснаго положенія, но къ сожалѣнію, я не могу выразить этого словами.

Одна изъ грузинокъ родила дитя и не имѣла чѣмъ прикрыть его; кромѣ того, болѣзнь и недостатокъ нищи истощили у ней молоко. Княгиня Орбеліани, узнавъ объ этомъ горестномъ положеніи несчастной матери отъ лезгинки, служившей въ сералѣ, пожелала взять младенца на свое попеченіе. Она кормила своего сына въ теченіи шести недѣль; но съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, поэтому она начала спрашивать горянокъ, нельзя-ли возвратить ей молоко; къ сожалѣнію, ни одна изъ нихъ не могла ничего посоветовать. Тогда княгиня видя, что она сама не можетъ быть полезной родильницѣ, побѣжала къ Шуанетѣ и начала упрашивать ее найти кормилицу и тѣмъ спасти мать и дитя. Шуанета имѣла также доброе

сердце, она тотчасъ приказала привести мать съ ребенкомъ къ намъ. Не возможно было безъ сожалѣнія смотрѣть на это дитя, высохшее отъ недостатка пищи; все тѣло его было покрыто однимъ сплошнымъ струпомъ, котораго видъ производилъ очень непріятное ощущеніе. Шуанета взглянувъ на него, тотчасъ отворотилась, но княгиня Орбеліани начала мазать ребенка масломъ, укутала его самыми мягкими вещами, какія только она могла найти между платьемъ своего сына, и потомъ стала вливать ему въ ротъ буйлиное молоко. Когда намъ принесли не много солины, то мы съ общаго согласія уступили ее матери. Княгиня укрыла ребенка своей единственной пелеринкой; потомъ привѣсивъ къ потолку съ помощью веревокъ войлокъ, защищавшій ее отъ сырости, она приготовила такимъ образомъ для несчастнаго ребенка люльку и принялась сама качать его. Княгиня ничего не забыла для того, чтобы вполнѣ пріютить несчастное дитя: она не поѣсила его люльки возлѣ своей постели, находившейся противъ двери, гдѣ было чувствительно холодно и гдѣ оно могло простудиться, но возлѣ камина, надъ княжною Ниною Баратовою, близъ которой я избрала для себя мѣсто. Тогда княгиня обратилась ко мнѣ съ убѣдительноѣйшей просьбой, какъ будтобы я могла въ чемъ либо отказать ей:

— Вы очень чутко спите, любезная мадамъ, и мнѣ право совѣстно, что я такъ близко къ вамъ помѣстила мою крошку.

— За чѣмъ же, княгиня?

— Эта маленькая дѣвочка очень больна и она часто будетъ просыпаться. Я очень опасаюсь, чтобы она не лишала васъ сна, въ которомъ вы очень нуждаетесь....

— Не болѣе васъ, милая княгиня, вы проводите цѣлыя ночи въ молитвѣ.

— Такъ! Но молитва укрѣпляетъ, тогда какъ горестъ отнимаетъ силы.... Прошу васъ напередъ, простите меня....

— Отъ искренняго сердца отвѣчала я; мнѣ весьма желательно быть чѣмъ нибудь вамъ полезной.

— Вы можете оказать мнѣ большую пользу, сказала она. Если я, при всей моей заботливости о ребенкѣ, усну на нѣсколько часовъ, то разбудите меня, какъ только онъ начнетъ кричать: я не желаю, чтобы моя сестра или мои племянницы были побезпокоены.

Малютка провела слѣдующую ночь тихо. Она была тепло укрыта; оставалось отыскать еще для нея кормилицу и заботы княгини были бы кончены. Но не смотря на неусыпное попеченіе, ребенку дѣлалось хуже, слабый его желудокъ не могъ переваривать буйлинаго молока. Княгиня въ отчаяніи

отправилась къ Шуанетѣ и начала умолять ее, что бы она приказала отыскать для него кормилицу.

— Все, что будетъ слѣдовать ей, прибавила она, я заплачу, лишь бы былъ спасенъ ребенокъ.

Шуанета съ своей стороны начала просить объ этомъ Шамиля. Онъ потребовалъ дитя къ себѣ и приказалъ привести для него кормилицу. Но магометанки не соглашались кормить ребенка, рожденнаго отъ христіанки, и потому необходимо было искать кормилицу между русскими женщинами, находившимися въ плѣну. Прошла еще ночь, бывшая очень неблагопріятной для маленькой дѣвочки, а также для Александра Чавчавадзе, который сильно заболѣлъ. Нянька увѣряла, что болѣзнь къ нему перешла отъ чужой дѣвочки. Княгиня опять пошла къ Шуанетѣ и по прежнему настаивала, чтобы нашли кормилицу. Наконецъ ребенка унесли, но уже поздно: спустя нѣсколько дней онъ былъ избавленъ смертью отъ всѣхъ мученій. ✕

XXVII.

Знахарки.—Дурной глазъ.—Целаго.

Болѣзнь Александра все еще продолжалась: когда мы выразили свое опасеніе объ немъ предъ же-

нами Шамиля, то къ намъ привели знахарку, которая должна была объяснить намъ причину болѣзни и дать отъ нея лекарство. Женщина эта, растопивъ олово, вылила его въ сосудъ съ водою и сказала держать его надъ головою дитяти. Она повторила эту операцію нѣсколько разъ; наконецъ, въ пятый разъ, когда олово приняло форму гусеницы, она сказала, что у Александра глисты.

Когда Георгій заболѣлъ зубами, то привели ту же знахарку, которая повторила надъ нимъ прежнюю операцію. Замѣтивъ же, что олово приняло форму птичьяго носа, она сказала:

— Не надобно больше умывать дитя; оно красиво и потому не удивительно, что кто нибудь сглазилъ его; дурные глаза будутъ всегда вредить ему, если вы будете умывать его и выказывать его здоровье и красоту.

— Такъ, вотъ отчего, подумала я, дѣти лезгинъ дотого выщаканы, что къ нимъ нельзя прикоснуться. Но что дѣлать съ невѣжествомъ и суевѣріемъ?

Когда Шуанета родила, спустя нѣсколько недѣль послѣ нашего прїѣзда, дочь Зайдету, она была, какъ намъ сказали, очень больна. Идя къ фонтану, мы не могли не пройти мимо ея дверей. Отъ этого намъ стали приписывать ея болѣзнь и чрезъ то запретили намъ выходить изъ комнаты, кромѣ са-

ныхъ необходимыхъ случаевъ. У тѣхъ, ^{которые} ходили къ фонтану, одинъ уголь платья былъ отрѣзанъ; отрѣзанные куски, почитавшіеся нечистыми, сожигали, чтобы уничтожить силу дурнаго глаза. Не смотря на это, Шуанета была долго больна, и пока болѣзнь ея продолжалась, мы находились въ запертыи.

Плохое здоровье княгини Чавчавадзе причиняло намъ сильное безпокойство. Шамиль, по настоянію своихъ женъ, послалъ нарочнаго за лекарствомъ въ Хасафъ-Юртъ. Но пока этотъ человекъ возвратился, къ нами приводили изъ ауловъ разныхъ знахарокъ. Онѣ чрезвычайно безпокоили княгиню множествомъ вопросовъ, отъ которыхъ она не знала, какъ отдѣлаться. Ее положили на землю, потомъ принесли лопату, которою сажаютъ въ печь хлѣбъ. Оставшуюся на этой лопатѣ муку стряхивали съ большою осторожностію на ноги княгини; послѣ того, одна изъ женщинъ, надѣлавъ спичекъ изъ смолистаго дерева, связала ихъ въ пучекъ и воткнула его въ кусокъ желтаго воска, походившаго на пѣшку шахматной игры и имѣвшаго внутри пустоту. Кусокъ этотъ, опущенный въ сосудъ съ водою, плавалъ по ея поверхности. Затѣмъ женщина зажгла пучекъ спичекъ и когда онъ хорошо разгорѣлся, то сосудъ положили на грудь княгини. Въ ту же

минуту пучекъ былъ закрытъ другимъ сосудомъ и вода начала подниматься въ него, по очень простой, физической причинѣ. Лезгинки однакожь заключали изъ этого жестокость болѣзни княгини, хотя настоящая причина ея находилась въ изнуреніи. Суевѣрныя женщины не могли никакъ взять себѣ этого въ толкъ.

Онѣ положили оба сосуда, какъ они были, съ особенною осторожностію на лавку и строго предупредили насъ не прикасаться къ нимъ, пока вода сама собой не опустится; въ противномъ же случаѣ, сказали онѣ, княгиня можетъ заболѣть хуже и даже умереть. Но знахарки не ограничились этимъ. Онѣ замѣсили тѣсто съ медомъ, масломъ и травою и сказали княгинѣ, чтобы она проглотила его. По уходѣ ихъ, княгиня велѣла выбросить вонъ это лекарство. Молодость ея успѣла скорѣе восторжествовать надъ болѣзнію, нежели всѣ продѣлки этихъ женщинъ. Между тѣмъ, нарочный, отправленный въ Хасафъ-Юртъ за лекарствомъ, возвратился на третій день и привезъ все, что княгиня поручила купить ему для себя и для Зайдеты. Здѣсь надо замѣтить, что жены Шамя просили княгиню всякій разъ, когда она посылала кого нибудь за покупками, купить и для нихъ что нибудь, только онѣ возвращали ей, на примѣръ, 1 рубль за то, что стоило 4. Отъ

этого княгиня принуждена была отказываться от такой платы и невольно обращала покупку въ подарокъ. Шуанета не отличалась въ этомъ случаѣ отъ Зайдеты, но она была такъ добра въ отношеніи насъ, что я должна приписать поступокъ ея скорѣе неопытности, нежели чему нибудь другому.

Въ это время мы узнали, что крестная мать Пелаго предложила за нее Шамилю 200 рублей выкупу. Насъ это очень обрадовало, въ особенности потому, что мы принимали въ судьбѣ ея большое участіе. Пелаго жила у Конаго, служившей у женъ Шамиля. Женщина эта, пользуясь правомъ входить въ сераль во всякое время, была одною изъ самыхъ обязательныхъ нашихъ посѣтительницъ. Отъ нея мы узнавали все, что происходило внѣ серала. Впрочемъ Конаго была откровенной съ нами только тогда, когда находилась въ хорошемъ расположеніи духа: въ противномъ же случаѣ, она пройдетъ бывало мимо нашихъ дверей и не скажетъ ни слова. Ей первой мы обязаны были свѣдѣніемъ о пріѣздѣ сына Шамиля во Владикавказъ. Конаго не мало удивлялась тому, что дѣти наши охотно занимались чтеніемъ; она сказала намъ, что когда мужъ ея начиналъ читать Коранъ, то тотчасъ предавался сну. У нея было нѣсколько дѣтей, которыхъ она очень любила и имѣла за ними хорошій присмотръ;

только она никогда не умывала ихъ, опасаясь, чтобы ктонибудь не сглазилъ ихъ. Руки Конаго были покрыты пятнами, происшедшими отъ сильной обжоги. Когда мы спросили ее, не упала-ли она въ огонь, то она отвѣчала, что она сама себя жгла раскаленнымъ желѣзомъ для прославленія Аллаха.

Послѣ продолжительныхъ споровъ, предложеніе крестной матери Пелаго было принято. Дѣвушка эта получила тогда позволеніе прійти къ княгинямъ, чтобы проститься съ ними и поблагодарить ихъ за всѣ милости, которыя онѣ оказали ей. Но въ слѣдующую ночь выпалъ большой снѣгъ и потому отъѣздъ ея былъ отсроченъ. Когда же мы на третій день спросили, отправилась-ли Пелаго, то Конаго отвѣчала :

— Хаджи потребовалъ отъ нея сверхъ 200 рублей, еще три сахарныя головы.

Тогда Пелаго съ отчаянія повѣсилась; къ счастью Конаго подоспѣла къ ней во время и спасла ее. Шамиль, узнавъ объ этомъ и убѣдившись, что бѣдная дѣвушка не могла ничего прибавить къ предложенному выкупу, велѣлъ отпустить ее съ ея бабушкой. Но братъ и маленькая сестра ея Ева остались въ Веденно.

XXV. III.

Свадьба въ Веденно.

Имамъ подарилъ Шуанетъ изъ цинондальской добычи перстень, украшенный превосходнѣйшимъ алмазомъ. Перстень этотъ одинъ, можно сказать, отличалъ ее отъ служанокъ серала. Она носила его не на палецъ, а на платкъ, повязанномъ вокругъ головы. Драгоценности горянокъ заключаются въ серьгахъ, браслетахъ и перстняхъ, сдѣланныхъ съ нѣкоторымъ вкусомъ изъ серебра. Серьги имѣютъ форму полулунія, и чѣмъ онѣ тяжелѣе, тѣмъ цѣнятся дороже. Оттого не рѣдко встрѣчаются дѣти, у которыхъ уши прорваны этими тяжеловѣсными украшениями. Браслеты дѣлаются на подобіе желѣзной витой цѣпи, которою украшаютъ лошадей. Ихъ надеваютъ по три штуки, но такъ, что запонки ихъ ставятся на одной линіи. Перстни не уступаютъ въ массивности серьгамъ и имѣютъ видъ большихъ печатей. Жены Шамяля носятъ въ рукахъ коралловая и янтарная четки; у простыхъ женщинъ онѣ сдѣланы изъ гороху и бобовъ.

Во время пребыванія нашего въ Веденно происходила свадьба молодой дѣвушки, горничной Шуане-

ты. Всѣ женщины, служащія въ сералѣ Шамиля, получаютъ въ подобномъ случаѣ, платье, а также дорогія вещи, о которыхъ я сей часъ упоминала. Когда на новобрачную надѣли рубаху, шальвары и новый вуаль и обули ее въ красные сафьяновые полусапожки и сандалии съ высокими подборами, мы вошли въ комнату Шуанеты. Она давала по случаю этой свадьбы обѣдъ на свой счетъ. Новобрачная не сидѣла однакожь, по обыкновенію, на почетномъ мѣстѣ, а за ковромъ, который совершенно закрывалъ ее. Намъ сказали, что она въ это время не должна ѣсть; мужъ же ея обязанъ держать постъ въ теченіи трехъ дней. Обѣдъ былъ поставленъ на землѣ и состоялъ изъ пшеничнаго хлѣба, меду, шашлыка (маленькіе куски баранины, изжаренные на вертелѣ) и плову съ изюмомъ; его довершали: груши, виноградъ, чистая и подслащенная медомъ вода. Къ обѣду были приглашены женщины, которыхъ мы видѣли всякій день въ сералѣ. Чтожь касается этикета и опрятности, то все было не лучше и не хуже обыкновеннаго. У всѣхъ женщинъ руки были покрыты ониксомъ, которымъ онѣ красятъ ногти. Пловъ ѣли небольшими палочками, похожими на тѣ, которыя употребляются китайцами. Шуанета попросила насъ присѣсть, что мы исполнили не очень охотно. Мы не ѣли тѣхъ кушаньевъ, къ которымъ онѣ при-

касались руками. Изъ этого можно судить, насколько велико было наше отвращеніе, когда мы при весьма скудной нашей пищѣ, въ состояніи были сопротивляться требованію нашихъ желудковъ. Мы ѣли только виноградъ и груши.

Наконецъ женщины встали, было покрайней мѣрѣ десять часовъ, обѣдъ же начался въ шесть часовъ. Послѣ этого всѣ должны были проводить новобрачную къ ея жениху. Подруги ея взяли кувшинъ и тунгу для воды, что-то въ родѣ тюфяка, набитаго овечьей шерстью, коверъ, большую деревянную чашку для мытья бѣлья и небольшой красный сундучекъ, въ которомъ хранились дорогія вещи новобрачной. Онѣ состоятъ обыкновенно изъ покрывала, шелковаго платка, разнаго шелку для шитья, зеркала и одной или двухъ чашекъ. Новобрачная вышедши изъ комнаты, сѣла на лошадь, которую Хаджи держалъ за узду. Но вдругъ непредвидѣнный случай заставилъ отложить эту церемонію на нѣкоторое время. Женихъ прислалъ не 25 рублей, которые составляютъ приданное дѣвушки, а только 20. Кстати замѣтимъ здѣсь, что приданное вдовы состоитъ изъ 12 рублей; вдова же, выходящая во второй разъ за мужъ, получаетъ только 6 рублей. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, принесли остальные 5 рублей. Когда новобрачной вручили сполна ея приданное, состав-

ляющее ея неотъемлемую собственность, гости двинулись въ путь. Дорога освѣщалась фонарями, которые женщины несли въ рукахъ. Новобрачная была встрѣчена возлѣ дома родителями ея жениха и отведена къ нему.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, она пришла съ визитомъ къ женамъ Шамиля, и Зайдета, какъ старшая изъ нихъ, должна была первая принять ее. Скажемъ здѣсь, что женщины у мусульманъ не собираются вмѣстѣ съ мужчинами, а составляютъ свой отдѣльный кругъ; точно также поступаютъ и мужчины. Не смотря на это, Шамиль часто молится вмѣстѣ съ своими женами. Для этого, предъ началомъ молитвы растилаютъ коверъ на балконѣ, опоясывающемъ его сераль. Имамъ становится на немъ на колѣни съ открытою головою и ногами. Зайдета и Шуанета, совершивъ омовеніе, положенное предъ молитвою, слѣдуютъ его примѣру. Но ни Аминета и никакая другая женщина не имѣютъ права молиться съ Шамилемъ. Аминета не можетъ пользоваться этимъ правомъ, пока не будетъ имѣть дитяти. Однажды Зайдета показала намъ молитвенникъ Шамиля и въ то же время пропѣла что-то въ родѣ псалма, голосомъ тонкимъ и однообразнымъ. Во время пѣнія она качалась всѣмъ тѣломъ, какъ бы кланяясь тому, къ которому была обращена молитва. Начиная съ ново-

луны до ущерба луны, всѣ женщины и дѣти собираются молиться въ одномъ мѣстѣ, и тогда громко раздаются въ воздухѣ ихъ пѣсни. Крикъ ихъ увеличивается вмѣстѣ съ энтузіазмомъ. Женщины сначала сидятъ, но потомъ становятся на колѣни и начинаютъ бить себя въ грудь. Изступленіе ихъ доходитъ до чрезмѣрныхъ предѣловъ. Крики и стenanія продолжаютъ по цѣлымъ ночамъ.

Обѣдъ муштинъ состоитъ обыкновенно изъ отваренной баранины, бульона, который подается въ деревянныхъ чашкахъ, пироговъ съ рубленой говядиной и лукомъ, плову и тѣста, испеченнаго съ медомъ или жиромъ, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ отвращенія. У Шамиля почти всегда собираются гости, и когда они ужинали, мы пользуясь темнотою ночи, безъ опасенія поднимали наши вуали и дышали чистымъ воздухомъ у нашихъ дверей. Часто случалось, что сторожа серая, идя мимо насъ, передавали намъ на ходу оставшіеся послѣ гостей куски говядины или плоды. Хотя мы имѣемъ причину жаловаться на жестокое обращеніе людей, взявшихъ насъ въ плѣнъ, но они побуждали насъ побоями ускорять наши шаги не столько по жестокости своей, сколько изъ опасенія, чтобы русскіе не настигли ихъ и не отбили насъ. Мы можемъ сказать, что лезгинъ скорѣе должно назвать дикими, нежели жестокими.

Мнѣ кажется, что чеченцы, живущіе въ горахъ, свирѣпѣе ихъ.

Всѣ караульные сераля имѣли къ намъ состраданіе и очень ласкали нашихъ дѣтей. Александръ и Георгій такъ привыкли къ ихъ смуглымъ и косматымъ физіономіямъ и къ ихъ бритымъ головамъ, что они нисколько не пугались пойти къ нимъ на руки. Люди эти должны были часто водить маленькихъ князей къ Шамилю, которому пріятно было видѣть ихъ. Онъ всегда дарилъ имъ или фрукты, или деньги, которыя были тотчасъ издерживаемы. Мы до того нуждались, что считали за особенное счастье, когда могли купить курицу или нѣсколько яицъ, чтобы замѣнить для нихъ нашу слишкомъ грубую пищу.

Но не смотря на вниманіе, которое оказывали намъ караульные, они сторожили насъ очень строго. Тѣ изъ нихъ, которые стоятъ на часахъ внутри сераля, не имѣютъ при себѣ ружей, а только кинжалъ и пистолеты. Едва мы показывались у воротъ средняго двора, то люди эти обращали къ намъ свои черствыя и энергическія лица и смотрѣли на насъ непріязненно. Они тотчасъ брали на руки ружья и цѣлились въ насъ, показывая тѣмъ, какая участь постигнетъ насъ, если мы рѣшимся переступить порогъ.

Скука.

Жены Шамиля имѣютъ въ сералѣ небольшое помещеніе, въ которомъ складываются матеріи и вообще всѣ предметы, относящіеся къ убранству, получаемые мужемъ ихъ въ добычу. Все, что выручается отъ продажи этихъ предметовъ, принадлежитъ имъ. Если женщины ближайшихъ мѣстъ встрѣчаютъ необходимость въ какомъ нибудь товарѣ, то онѣ обращаются за нимъ къ женамъ Шамиля или же къ Хаджи, который занимаетъ должность казначея и съ утра до вечера считаетъ деньги и товары. Стукъ, производимый чеканщиками абазовъ и шумъ пороховаго завода, постоянно слышны въ сералѣ. Изъ этого нельзя не заключить, что Шамиль всегда принимаетъ мѣры къ защитѣ своей страны отъ страшнаго своего непріятеля.

Развлеченія наши не были многочислены. Иногда служанка Паризата, которая помогаетъ матери Аминеты, принеся намъ ужинъ, садилась возлѣ камина и начинала пѣть. Она была не дурна собой, когда поступила въ сералъ, но работа слишкомъ изнурила ее. У нея сохранился тонкій и гармоническій голосъ, не-

обыкновенно правильный. Мы слушали ее съ особенной пріятностію, когда она пѣла намъ арабскія пѣсни. Я просила повторять ихъ, чтобы удержать въ памяти эти сладкія, но печальныя мелодіи, напомнившія мнѣ «Пустыню» Фелисьяна Давида. Казалось, намъ слышался веселый караванъ, который углубляясь въ безпредѣльную степь, предавалъ себя въ руки Провидѣнія. Пѣсни Паризаты нравились намъ тѣмъ болѣе, что онѣ не походили на пѣсни другихъ женщинъ, выражавшихъ свои чувства нестройными криками. Когда она уходила отъ насъ, мы повторяли, какъ могли, слышанные отъ нея напѣвы. Послѣ этого, помолившись усердно за себя и за нашихъ, мы старались забыться на нѣсколько часовъ сномъ. Но мы помѣщались такъ тѣсно, что я, напримѣръ, немогла протянуть своихъ ногъ, не тронувъ ногъ княгини Чавчавадзе.

Кромѣ печали, насъ убивала еще скука. Однообразная жизнь наша, не представляя пищи ни для ума, ни для сердца, повергала насъ въ какое-то безсознательное состояніе. Мы принуждены были развлекать себя, смотря то на облако, гонимое вѣтромъ, то на ползавшую букашку, то на летѣвшую птицу. Время мы узнавали, когда раздавался крикъ моллы, или приводили доить буйлицъ. Мы часто вспоминали

о нашей прошедшей жизни, но не говорили о ней ни слова.

Баронъ Николай прислалъ намъ, вмѣстѣ съ самымъ необходимымъ платьемъ, книгу подъ заглавіемъ: *Подражаніе Христу*. Книга эта къ моему счастью, была на французскомъ языкѣ и я могла по ней учить Саломѣ и Марію чтенію. Но кромѣ этой пользы, она была драгоценной для насъ всѣхъ въ другомъ отношеніи. Мы всякій день прочитывали изъ нея по нѣскольکو главъ и научались тому терпѣнію, съ которымъ истинный христіанинъ долженъ нести свой крестъ. Княгиня Орбеліани постоянно подавала намъ къ этому примѣръ; но княгиня Чавчавадзе и я переносили наши страданія не безъ ропота.

Правда, я ни передъ кѣмъ не выражала своихъ жалобъ, но не могла иногда удержаться отъ слезъ. Я искала часто уединенія, но не могла найти его. Когда дѣти спали, я выходила на балконъ, обвязавъ сперва свою голову, чтобы предостеречь себя отъ боли, которую я испытывала въ правой ея сторонѣ. Здѣсь просиживала я часть ночи, смотря на звѣзды и прося Бога сохранить милыя моему сердцу существа, оставленныя мною въ любезной Франціи. Много я такимъ образомъ пережила вечеровъ и не разъ переносилась въ воображеніи то къ неизвѣстному будущему, то къ горестному настоящему, то къ

веселымъ днямъ моего счастливаго дѣтства, къ сожалѣнію слишкомъ скоро минувшаго.

Иногда во время моей задумчивости, княгиня Орбеліани, сочувствующая всякому несчастію, подходила ко мнѣ и начинала говорить со мной о моемъ любезномъ отечествѣ и о моей деревнѣ, какъ выразился Шамиль. Ахъ! какъ прекрасна, какъ великолѣпна моя деревня, Парижъ! Для однихъ, — это средоточіе наукъ, литературы, искусствъ; другіе предаются въ ней упоительнымъ удовольствіямъ; для меня же Парижъ — моя прошедшая жизнь, мирная и неизвѣстная, протекшая безъ блеска, посреди сладкихъ семейныхъ радостей. Я пользовалась случаями, которыми дарила иногда меня моя добрая и нѣжная подруга, и рассказывала ей все, что знала о Парижѣ и что помнила любопытнаго о Франціи. Я иногда до того возбуждала въ ней интересъ, что она не разъ выражала свое желаніе посѣтить мое милое отечество. Часто бывало я совершала съ нею мысленно путь туда чрезъ тысячу препятствій. Я вызывалась быть ея чичероне, почитая за счастье водить ее по тѣмъ мѣстамъ, которыя почему либо для меня дороги. Волшебная сила воображенія заставляла насъ забывать наше ужасное положеніе: плѣнъ, бѣдность, безнадѣжность, все уступало прелести воспоминаній.

Но какъ ни велико было наше несчастіе, въ на-

шей жизни, покрайней мѣрѣ въ моей, встрѣчалась минуты, въ которыя я считала за счастье страдать съ такими благородными подругами, каковы княгини. Разставшись съ ними, можетъ быть, на долгое время, я чувствую неограниченное удовольствіе, пытаюсь изобразить ихъ присутствіе духа и добродѣтели. Достояныя дочери вашей благочестивой матери, царицы Грузинской! Вы поставлены на первой ступени по вашему рожденію, по заслугамъ, по несчастью: да поможетъ вамъ Богъ, который подвергъ васъ столь страшному испытанію и спасъ такъ чудесно, воспитывать отростковъ вашего благороднаго рода въ тѣхъ высокихъ чувствахъ, которыми вы сами преисполнены!

Часы, о которыхъ я сейчасъ упомянула, не занимали собою всего нашего времени, и мы вслѣдъ за ними нисходили съ высоты иллюзіи въ скучный аулъ Шамиля....

Но жизнь въ сералѣ, которая была для насъ ничтожной, тѣсной, бессмысленной, не была скучна для женъ Шамиля. Онѣ, казалось, удивлялись и нашей печали и нашимъ слезамъ. Впрочемъ это очень естественно: чувства этихъ женщинъ не имѣютъ сходства съ нашими. Любовь матери, на примѣръ, проявляется у нихъ во всей своей силѣ, когда дитя еще мало; но по мѣрѣ того, какъ оно растетъ,

любовь эта постепенно уменьшается. Что же касается до сыновней любви, то онъ не имѣютъ объ ней понятія. Одна изъ нихъ, замѣтивъ, что я плачу за матерью, была чрезвычайно изумлена.

— Какъ! ты плачешь за матерью, сказала она; но вѣдь ты не имѣешь болѣе въ ней нужды....

Женщины эти не понимаютъ, что чѣмъ болѣе человекъ живетъ, тѣмъ болѣе имѣетъ случаевъ лучше оцѣнить нѣжность матери, этого олицетворенія любви и самоотверженія, которое начинается съ самой колыбели и оканчивается только у могилы. Онъ также часто насъ спрашивали, чего намъ недостаетъ и зачѣмъ мы такъ печалимся. Всѣ ихъ вопросы, на которые мы могли отвѣчать имъ только вполонину, доказывали, что онъ нисколько не понимаютъ того различія, которое положило образованіе между нами и ими. Мы показались имъ прихотливыми, и это также не удивительно: онъ привыкли пользоваться столь малымъ. Не смотря на это, жены Шамяля питали къ намъ нѣкотораго рода любовь. Онъ постоянно были заняты нами, въ чемъ можно было убѣдиться изъ того, что онъ начиная съ утра до вечера, ежеминутно то приходили къ намъ, то уходили отъ насъ, ничѣмъ не стѣсняясь и отворяя нашу дверь безъ всякой предосторожности; но къ этому наиболѣе побуждало ихъ неудержимое любопытство.

Онѣ сѣдѣли возлѣ нашего камина. Мы не разѣ чувствовали отвращеніе, когда женщины эти хватались за свои голыя ноги или, что еще хуже, чесали ихъ. Когда я давала урокъ Саломе и Маріи, онѣ приходили принимать также въ немъ участіе. У нихъ было большое желаніе выучиться французскому языку, и мои маленькія питомицы помогали имъ въ этомъ очень охотно.

Ш у б а.

Съ наступленіемъ зимы, княгиня Чавчавадзе написала къ своему мужу, чтобы онѣ прислалъ намъ барашковыя шубы. Въ теченіи нашего плѣна князь прислалъ намъ много платья, но жадная Зайдета брала всегда изъ него свою часть, и мы ничего никогда не получали. Первые холода были очень чувствительны. Однажды Шуанета застала меня блѣдной и печальной болѣе обыкновеннаго.

— Что съ тобою и отчего ты такъ печальна? сказала она мнѣ.

— Мнѣ холодно, любезная Шуанета, отвѣчала я ей. Я прошу тебя сказать Шамилю, чтобы онѣ

далъ мнѣ чѣмъ нибудь накрыться. Онъ добръ и вѣро-
роятно, не захочетъ отказать мнѣ въ этомъ.

— Что же тебѣ надобно? спросила она.

— Ты видишь сама, что мнѣ надобно. Но мнѣ не нужно матеріи.

Между тѣмъ получены были шубы; князь прислалъ ихъ въ достаточномъ количествѣ; но когда намъ ихъ передали, то мы не досчитались двухъ. Бѣдныя женщины княгини, отдѣленные отъ нея и принужденныя выходить на работу, нуждались въ нихъ болѣе насъ, такъ какъ мы весь день могли находится у камина. Княжна Нина и я рѣшились поэтому подождать, пока намъ еще не пришлютъ шубъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней Шуанета спросила меня, почему у меня нѣтъ шубы? Когда я рассказала ей причину этого, то вскорѣ послѣ того къ намъ пришелъ Хаджи и принесъ двѣ шубы, которыя были такъ крѣпки, что казалось, ихъ можно было пронести сто лѣтъ. Онъ подарилъ одну изъ нихъ княжнѣ Нинѣ, а другую *Хаджи-Ребилъ*. Имя это принадлежало наставницѣ дѣтей Шамиля и имъ же иногда называли меня. Такимъ образомъ, и я имѣла шубу, благодаря щедрости Шамиля. Шуба эта была самой неопредѣленной формы и цвѣта. Но она драгоценна для меня какъ подарокъ самого Шамиля, такъ и потому, что съ ней связано воспоминаніе о всемъ плѣнѣ.

Княжна Ница Баратова и Гаджи-Ребилъ.

Въ концѣ ноября чувствуемо было землетрясеніе, сопровождавшееся сильнымъ ударомъ. Я находилась въ это время въ комнатѣ противъ дверей и не помню, какъ вдругъ очутилась по другую ихъ сторону. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, у насъ загорѣлась сажа въ трубѣ. Это случилось въ половинѣ ночи и вблизи нашей комнаты были одни караульные. Мы начали звать, чтобы намъ подали помощь. Но Катерина предупредила всѣхъ. Она тотчасъ влѣзла на террасу, замѣнявшую крышу комнаты, и начала топоромъ разбивать трубу. Княгиня Орбеліани, которую навѣрно можно встрѣтить тамъ, гдѣ только случится какое либо несчастіе, носила сама воду въ тяжелыхъ мѣдныхъ кувшинахъ. Наконецъ успѣли кое-какъ потушить огонь. Но на мѣстѣ трубы оставалось нѣсколько дней одно большое отверстіе, чрезъ которое дулъ свободно въ нашу комнату вѣтеръ. Мы не знали, куда дѣться отъ холоду, и бѣгали то въ пекарню, то въ кухню; но въ ней мы не могли находиться, когда готовилось кушанье для Шамиля.

Въ то время, когда починали нашъ каминъ, мы ходили также грѣться въ комнату Аминеты. Едва мы сѣли на полъ по азіатски, она вынимала изъ шкафа запиравшагося большимъ висячимъ замкомъ, нѣсколько яблокъ или не много меду; потомъ отправлялась на кухню, которой распорядилась ея мать, выбирала хлѣбъ, налитанный какъ можно меньше жиромъ и возвратившись къ себѣ, принимала насъ съ особеннымъ радушіемъ. Комната ея всегда отличалась чистотою. Аминета чувствовала необыкновенную привязанность къ Нинѣ Баратовой. Но однажды ихъ дружескія отношенія были сильно потрясены. Княжна Нина жаловалась Аминетѣ на медленность, съ которою происходили переговоры о нашемъ выкупѣ.

— Что тебѣ за необходимость беспокоиться объ этомъ, сказала ей Аминета? Чего тебѣ недостаетъ здѣсь. Пусть другія отправляются домой; но ты молода и красива, на тебѣ женится сынъ Шамя, Джаммаль-Эдинъ.

— На мнѣ? вскрикнула съ негодованіемъ княжна Нина... Нѣтъ! этого не будетъ! чтобы я вышла за мужъ за сына какого нибудь Шамя... человека, по милости котораго мы терпимъ страшныя мученія!... Смерть для меня не будетъ столь ужасна, какъ подобный союзъ!... Если такая участь готовится мнѣ,

то я очень благодарна тебѣ за то, что предупредила объ этомъ....

Княжна Нина удалилась изъ комнаты Аминеты, чрезвычайно печаленой. Она тотчасъ передала намъ весь разговоръ, который она имѣла съ Аминетой. Княгиня Орбеліани дала ей слово, что она будетъ защищать ее до послѣднихъ силъ и что она готова навсегда остаться въ Веденно, лишь бы только не оставить ее на произволь судьбы.

Между тѣмъ, какъ княгиня Орбеліани всячески старалась успокоить свою племянницу, въ сераль поднималась буря. Гаджи-Ребиль была главною зачинщицей возмущенія. Аминета рассказала со всею подробностію Написетъ о томъ, какъ отзывалась княжна Нина объ имамъ, а эта не замедлила сообщить обо всемъ своей наставницѣ. Гаджи-Ребиль, которой привязанность къ Шамилю простирается до фанатизма, бѣгала по сералю и рассказывала всѣмъ, какъ княжна оскорбила пророка. Женщины, на которыхъ она имѣетъ большое вліяніе, слѣдовали за ней толпою. Гаджи - Ребиль кричала во весь сераль и съ сжатыми кулаками искала повсюду княжну Нину, которая пріютилась возлѣ своей тетки, не подозрѣвала, что она была причиной этого шума. Наконецъ женщины ворвались въ нашу комнату и заговорили всѣ вмѣстѣ, такъ что не было никакой возможности

понять что нибудь изъ ихъ словъ. Но Гаджи-Ребилъ приказала, чтобы онъ замолчали, и тогда она одна повела рѣчь, въ которой сильно упрекала княжну за ея неблагодарность и за непочтеніе къ имаму.

— Знаешь ли ты, Нина, сказала она, обратившись къ ней, что онъ избранъ самымъ Аллахомъ, что онъ отецъ и подпора всего своего народа? Знаешь ли ты, что онъ послѣ Магомета первый рабъ Аллаха? Знаешь ли ты, наконецъ, что ты его плѣнница, его раба, и что онъ, вмѣсто того, чтобы продать тебя, на что онъ имѣеть полное право, приютилъ тебя въ домѣ своихъ женъ, откуда ты выйдешь чистой, какъ *цвѣтокъ водъ*. . . Ты говоришь, что Шамиль законопреступникъ и потому презираешь быть женою его сына. . . Повѣрь, этой чести тебя не удостоятъ. . . Первая красавица Черкесской земли почтетъ за великое счастье для себя сдѣлаться дочерью имама, и нашъ народъ вовсе не нуждается выбирать между грузинками жену для Джаммаль-Эддина. . .

Гаджи-Ребилъ, выставляя достоинства Шамя, держала одну изъ своихъ рукъ поднятой вверхъ, а другою, стиснутою въ кулакъ, грозила княжнѣ Нинѣ. Шуанета не участвовала въ этой вспышкѣ, хотя казалось, очень была недовольна. Она ограничилась только словами: мнѣ весьма непріятно было слышать

объ этомъ. Я не воображала, чтобы ты, **Нина**, была такъ неблагодарна къ имаму.

— **Нина** не подумала о важности сказанныхъ ею словъ, отвѣчала княгиня **Орбеліани**. Притомъ, она очень боялась, чтобы ее не принудили перемѣнить религію: для нея въ такомъ случаѣ, лучше смерть.

— Это не можетъ служить поводомъ отзывать о **Шамилѣ** съ презрѣніемъ. Вамъ вполнѣ извѣстно величіе и благородство его души.

Гаджи-Ребилъ снова заговорила, но **Шуанета** успѣла вывести ее со всею ея свитой. **Аминета** и княжна **Нина** долго не говорили между собою. Ихъ впрочемъ помирили взаимная потребность развлеченій и любовь.

Гаджи-Ребилъ, не смотря на ея ужасный гнѣвъ, вскорѣ пришла въ себя. Надо сказать, что она въ сущности была добраго характера, и я была съ нею всегда въ хорошихъ отношеніяхъ; при встрѣчѣ она всякій разъ привѣтствовала меня словомъ *карш* (хорошо, груз. слово). Часто мы собирали своихъ ученицъ въ одно мѣсто. Однажды я сидѣла на балконѣ съ **Саломе** и **Маріей**; съ нами была также **Нажавата**, которая учила всѣхъ насъ **Арабской азбукѣ**. Углубившись въ чтеніе, я невольно откинула свой вуаль, какъ вдругъ, поднявъ глаза, я увидѣла, что **Шамилъ** смотритъ на меня съ удивленіемъ. Это меня чрезвычайно испугало. Я встала и

безсознательно поклонилась ему, но тотъ же въ часъ убѣжала. Шамиль однакожь вознаградилъ меня за мой страхъ. Онъ велѣлъ Шуанетъ, которая хохотала до упаду, сказать мнѣ, чтобы я нисколько не тревожилась: ему извѣстно, что я добрая женщина, и потому онъ увѣренъ, что поступокъ мой сдѣланъ былъ безъ намѣренія обидѣть его.

Гаджи-Ребилъ распоряжается всѣми слугами сераля. Комната ея просторнѣе и удобнѣе комнатъ, занимаемыхъ женами Шамиля. Она всегда хорошо одѣта и пользуется большимъ вліяніемъ въ сералѣ. Гаджи-Ребилъ учитъ чтенію Корана и письму; она же руководитъ молитвами. Ее скорѣе можно сравнить съ крѣпкимъ мужчиной, нежели съ женщиной. Она имѣетъ высокую талію и широкія плечи. Лицо ея, очень красное, отличается выразительными чертами; ротъ и зубы у нея превосходны. Нѣкоторымъ изъ дочерей наибовь дозволено пользоваться ея уроками, наравнѣ съ дѣтьми Шамиля. Когда онѣ получаютъ достаточное образованіе, то по татарскому обычаю, ихъ связываютъ попарно рука къ рукѣ и въ такомъ видѣ отводятъ въ ихъ дома. Родители, предупрежденные о томъ, что дѣти ихъ совершили курсъ ученія, благодарятъ наставницу подарками.

XXXXXXXXXX.

Предположеніе о продажѣ плѣнницъ.

Шуанета увѣрила насъ именемъ Шамиля, что какъ только Джаммаль-Эддинъ пріѣдетъ въ Хасавъ-Юрѣ, то насъ тотчасъ отпустятъ на свободу. Вскорѣ однакожь мы узнали, что лезгины требуютъ за наше освобожденіе милліонъ рублей; отъ этого дѣло наше приняло совершенно другой оборотъ. Нами овладѣло болѣе, чѣмъ когда либо, страшное отчаяніе. Прошло уже шесть мѣсяцевъ, и положеніе наше не только не улучшалось, но становилось хуже. Шамиль прислалъ переводчиковъ сказать намъ, что мы чрезъ три дня будемъ проданы набамъ и отправлены въ горы. Насъ предупредили, что въ мѣстахъ, по которымъ мы будемъ проходить, нельзя ничего достать, поэтому мы хорошо сдѣлаемъ, если попросимъ у имама дать намъ необходимое платье. Это извѣстіе повергло насъ въ страшное уныніе: между нами раздались вопли и рыданія, которые были услышаны Шамилемъ. Шуанета, подтвердивъ намъ требованіе народа, старалась вывѣдать отъ насъ, нельзя ли увеличить сумму, предложенную за наше освобожденіе. Но княгинямъ извѣстно было, что

князь Чавчавадзе не могъ ничего прибавить къ этой суммѣ. Находясь въ такомъ отчаянномъ положеніи, мы искали одного утѣшенія въ молитвахъ. Добрая Шуанета убѣждала княгиню Орбеліани отпустить свою сестру съ ея дѣтьми вмѣсто Джамаль-Эдина, а самой съ своимъ сыномъ оставаться въ аманатствѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ собрана требуемая сумма.

— Я безъ сожалѣнія готова согласиться на это, отвѣчала княгиня Орбеліани, лишь-бы моя сестра и ея дѣти получили свободу. Пусть только пришлютъ мнѣ молитвенникъ и работу. Я рѣшаюсь ожидать воли Божіей.

Но не было никакой возможности привести въ исполненіе это великодушное самопожертвованіе. Княгиня Чавчавадзе не хотѣла ни за что согласиться на это; да и благородство ея мужа не позволило бы ему воспользоваться такимъ предложеніемъ.

Мы провели уже одинъ день въ этой ужасной тревогѣ, и до срока, назначеннаго Шамилемъ, оставалось ждать еще два дня. Шуанета, видя наше отчаяніе, старалась насъ утѣшить. Княгиня Орбеліани начала просить ее обо мнѣ.

Когда мы будемъ проданы, то я прошу тебя, оставь ее въ сералѣ. Не зная здѣшняго языка, что

она будетъ дѣлать въ другомъ мѣстѣ. Вамъ же она можетъ быть полезна, она будетъ учить дѣтей.

Шуанета обѣщала употребить все стараніе, чтобы Шамиль далъ намъ отсрочку на нѣсколько дней. Вся наша надежда опиралась на нее; отъ Зайдеты же мы не могли ожидать ничего добраго, судя по слѣдующимъ словамъ, которыя были сказаны ею княгинямъ:

— Пусть князь Чавчавадзе пойдетъ по всѣмъ грузинскимъ домамъ и просить милостыни, можетъ быть ему удастся тогда собрать сумму, которую просить народъ.

Княгиня Чавчавадзе едва не вспыхнула отъ гнѣва, услышавъ эти слова: она готова была насказать ей тысячу непріятностей за оскорбленіе своего мужа. Но просьбы наши удержали ее отъ этого, хотя ей стоило большаго усилія побѣдить себя. Когда Зайдета ушла, съ княгиней случился жестокой первической припадокъ. Мы опасались, чтобы она не умерла. Что было бы тогда съ ея четырьмя дѣтьми? Смерть матери обратила бы ихъ въ собственность Шамиля; въ Коранѣ же сказано: «если мать умретъ въ плѣну, то дитя ея принадлежитъ Магомету». Намъ страшно было даже подумать объ этомъ.

Прошелъ и второй день мучительнаго ожиданія:

Оставалось еще нѣсколько часовъ и насъ должна была постигнуть ужасная судьба. Катерина не могла удержаться отъ рыданія, когда ей приходило на мысль, что она должна разстаться съ Георгіемъ. Княгиня Орбеліани хотя была печальна, но готова на все. Она не переставала повторять мнѣ, чтобы я всячески постаралась остаться у Шамиля. Мнѣ также было очень грустно, но не могу сказать, чтобы я потеряла всякую надежду. Я рассчитывала на Шуанету; кромѣ того, сынъ Шамиля былъ въ Хасавъ-Юртѣ и отецъ его не могъ не смягчиться. Едва я предалась молитвѣ, какъ вдругъ послышался необыкновенный шумъ. Находясь подъ вліяніемъ угрожавшей намъ опасности, мы не рѣшились отворить дверь, опасаясь, чтобы не пришли взять насъ. Но княжна Илна, потерявъ терпѣніе оставаться долѣе въ этой мучительной неизвѣстности, отворила дверь и подозвала насъ.

Шумъ этотъ происходилъ у дверей Шуанеты, которая вышедши изъ своей комнаты, отзывалась о комъ-то съ презрѣніемъ. Она была очень блѣдна и безпрестанно указывала на нашу комнату. Изъ этого нельзя было не заключить, что дѣло касалось насъ. Виновницами этой ссоры были Гаджи-Ребилъ и Зайдета; онѣ пришедши къ Шуанетѣ, начали упрекать ее въ дружбѣ, которую она питала къ намъ.

— Ты вошла съ ними въ связь, чтобы вредить Шамилю, сказала одна изъ нихъ.

— Ты никогда не будешь хорошей мусульманкой, сказала другая; ты всегда будешь поддерживать христіанъ, потому что сама была христіанка. Ты оскорбляешь Магомета и твоего господина Шамиля! Тебѣ нельзя довѣряться.

Правда, что Шуанета хранитъ въ душѣ, какъ драгоценнѣйшій залогъ, воспоминаніе о своей прежней религіи, хотя она объ этомъ никогда ничего не говоритъ. Но у Шуанеты есть на землѣ существо, которое никогда не сходитъ у нея съ устъ: существо это Шамиль. Трудно выразить, до какой степени она его любитъ, и потому малѣйшее подозрѣніе ея въ чемъ либо въ отношеніи его убиваетъ ее. Считая себя чрезчуръ обиженной Зайдетой и Гаджи-Ребиллю, она побѣжала жаловаться на нихъ имаму, и тѣмъ причинила намъ сильное безпокойство.

Послѣднія условія Шамиля.

На другой день, какъ только разсвѣло, въ нашу дверь начали стучаться Зайдета, Шуанета, Гаджи-

Ребиль и грузинка Тамара, служившая переводчицей Зайдетъ. Онъ завели съ нами совершенно бесполезный разговоръ.

— Твой мужъ не любитъ тебя, сказала Зайдета княгиня Чавчавадзе, иначе онъ нашель бы денегъ, чтобы выкупить тебя; твой двоюродный братъ забылъ тебя и твоего сына, продолжала она, обратившись къ княгиня Орбелиани. Послѣ этого, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шамиль будетъ вынужденъ продать васъ, чтобы удовлетворить наивовъ, которые взяли васъ въ плѣнъ.

— Не отвѣчай имъ ничего, сказала потихонько Шуанета княгиня Чавчавадзе, съ которой она говорила по русски.

Шуанета по своей добротѣ всячески старалась успокоить насъ. Лицо ея было блѣдно: она плакала всю ночь. Наконецъ женщины эти удалились. Между нами раздался такой громкій плачь, что Шамиль послалъ къ намъ Хаджи, который пересталъ посѣщать насъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не находилъ ничего утѣшительнаго сообщить намъ. Хаджи простой и добрый человекъ. Онъ не разъ оплакивалъ наше несчастіе. Шамиль ему поручилъ объявить намъ, что сынъ его Гази-Магамадъ прійдетъ поговорить съ нами по какому-то дѣлу. Спустя нѣсколько

минуть, насъ просили выйти изъ комнаты, чтобы выслушать то, что имамъ приказалъ передать намъ.

Гази-Магамадъ, предводительствовавшій трехтысячной партіей, разграбившей Цинондалы, еще очень молодъ, но не смотря на это, обладаетъ вполне воинственнымъ видомъ.

— Скажите княгинямъ, началъ онъ, чтобы онѣ перестали рыдать. Плачь не приличенъ благороднымъ женщинамъ.

— Что ты говоришь о благородствѣ, отвѣчала ему княгиня Чавчавадзе? Развѣ сколько нибудь сообразно съ его правилами похитить слабыхъ женщинъ и дѣтей, держать ихъ въ плѣну въ продолженіи семи мѣсяцевъ, не смотря на обѣщаніе возвратить имъ свободу, какъ только пріѣдетъ сынъ имама... и потомъ требовать отъ моего мужа огромный выкупъ, тогда какъ онъ не въ состояніи прибавить одного рубля къ той суммѣ, которую онъ предложилъ....

Все это было сказано княгинею спокойно и твердо. Гази-Магамадъ покраснѣлъ.

— Я ухожу, но прошу васъ не отчаяваться.... Я буду просить объ васъ моего отца.

По истеченіи нѣсколькихъ часовъ онъ возвратился и сказалъ намъ:

— Шамиль посылаетъ послѣднее письмо къ кня-

зю Давиду; онъ ничего не предприметь въ отно-
шеніи васъ до полученія отъ него отвѣта.

Ночью Шуанета посѣтила княгиню Орбеліани и просила ее постараться склонить Зайдету въ нашу пользу.

— Тогда посредствомъ ея, сказала она, легко будетъ уговорить благороднаго Джаммаль-Эддина, котораго совѣты уважаетъ Шамиль, чтобы онъ принялъ участіе въ нашемъ дѣлѣ.

Послѣ этого, на другой день, княгиня отправилась со мной къ Зайдетѣ. Мы застали у нея много женщинъ, которыхъ разговоръ касался насъ. Зайдета попросила княгиню сѣсть возлѣ нея; Тамара служила переводчицей; я же только сидѣла и слушала.

— Зайдета, сказала княгиня Орбеліани, я пришла просить тебя, чтобы ты оказала намъ благодѣяніе, за которое мы будемъ тебѣ вѣчно благодарны. Мнѣ извѣстно, что отецъ твой пользуется большимъ расположеніемъ Шамиля. Прошу тебя, убѣди его склонить имама, чтобы онъ не держалъ насъ долѣе. Князь Чавчавадзе не можетъ дать выкупа больше того, который онъ предложилъ. Онъ любитъ свою жену и своихъ дѣтей больше всего и потому не должно сомнѣваться въ томъ, что онъ сдѣлалъ все д. я нихъ, что только могъ. Здоровье моей бѣдной сестры становится съ

каждымъ днемъ хуже; если Шамиль будетъ настаивать въ своемъ намѣреніи, у него останутся скоро одни трупы. Твой отецъ, котораго онъ уважаетъ несравненно больше всѣхъ своихъ совѣтниковъ, одинъ можетъ спасти насъ.... Представь себя, Зайдета, на нашемъ мѣстѣ; ты мать, подумай о твоей маленькой Нажаватѣ, которую ты такъ нѣжно любишь.... ты жена.... когда придетъ къ тебѣ смерть, не захочешь-ли ты, чтобы тотъ, котораго ты любишь, находился въ то время при тебѣ и закрылъ тебѣ своею рукою глаза?... Будь великодушна, окажи милость угнетеннымъ, и Богъ не забудетъ тебя.

Казалось, Зайдета была тронута просьбою княгини; но слово *рубль* безпрестанно вертѣлось у нея на губахъ. Она настаивала, чтобы одна изъ княгинь, которой здоровье наиболѣе разстроено, оставила сераль и пошла просить *милостыню* (это ея слово); когда же она успеетъ собрать достаточную сумму денегъ, то пусть пришлетъ ее къ Шамилю, и тогда мы получимъ свободу.

Не смотря однакожъ на это, она общала княгинѣ Орбеліани поговорить объ насъ съ ея отцомъ.

Джаммаль - Эддинъ, сынъ Шамиля.

Въ то время, какъ это происходило, князь Чавчавадзе жилъ у барона Николаи, въ Хасафъ-Юртъ. Здѣсь онъ находился со времени нашего плѣна. Блаженной памяти Императоръ Николай I соизволилъ отпустить, по просьбѣ ея свѣтлости, княгини Грузинской, сына Шамиля, и Джаммаль-Эддинъ съ благородствомъ, заслуживающимъ лучшей участи, принялъ предложеніе Его Величества. Онъ немедленно отправился въ Хасафъ-Юртъ, чтобы положить скорѣе конецъ плѣну несчастныхъ княгинь. Императоръ долго бесѣдовалъ наединѣ съ Джаммаль-Эддиномъ и до того растрогалъ его, что онъ безпрекословно рѣшился на такое важное самопожертвованіе.

Джаммаль-Эддинъ отправился на Кавказъ съ генераломъ отъ инфантеріи Муравьевымъ, который въ то время былъ назначенъ Намѣстникомъ Кавказскимъ. Въ Москвѣ онъ посѣтилъ сестру княгинь, ея превосходительство Надежду Писареву, вручившую ему нѣсколько строкъ къ нимъ. Этотъ молодой человекъ сказалъ ей, что Императоръ Николай принялъ его очень милостиво и сдѣлалъ ему нѣсколько до-

рогихъ подарковъ и что Его Величество принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ плѣнницъ.

Генераль - отъ - инфантеріи Муравьевъ ѣхалъ по этому случаю, какъ можно поспѣшнѣе. Но дурныя дороги и снѣжные завалы замедлили его прибытіе. Шамиль имѣлъ повсюду лазутчиковъ, которые сообщали ему обо всемъ. Князь Чавчавадзе отправился во Владикавказъ, гдѣ генераль Муравьевъ сдалъ ему на руки сына Шамиля. Онъ понялъ съ перваго взгляда благородство души Джаммаль-Эддина, который по этому былъ столь же свободенъ въ Хасафъ-Юртѣ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ. Молодой человекъ жилъ въ одной комнатѣ съ княземъ, проводя значительную часть времени въ библіотекѣ и свободно посѣщая крѣпость. Они вмѣстѣ обѣдали у барона Николаи. Когда былъ данъ балъ въ Хасафъ-Юртѣ, Джаммаль-Эдинъ также участвовалъ въ немъ и очаровалъ всѣхъ присутствовавшихъ своими изящными манерами, блестящимъ образованіемъ, изысканностію выраженій, глубокою наблюдательностію ума... Изъ этого можно судить, какъ трудно было ему разстаться съ цивилизованною жизнью.

Джаммаль Эдинъ написалъ изъ Владикавказа письмо къ своему отцу, которое привело всѣхъ въ необыкновенную радость; но молодому человеку было очень прискорбно, когда Шамиль, вмѣсто отвѣта на

его письмо, потребовалъ миллионъ рублей, тогда какъ князь Чавчавадзе ждалъ отъ него окончательнаго рѣшенія о размѣнѣ плѣнныхъ. Хотя Шамиль обладаетъ многими превосходными качествами, но я должна сказать здѣсь, что такое нарушеніе даннаго слова, вовсе несоотвѣтствуетъ его сану и доказываетъ, что онъ въ этомъ отношеніи стоитъ нисколько не выше другихъ азіятцевъ. Шамиль однакожь не воспользовался ни одной копѣйкой изъ сорока тысячъ, которыя были отпущены по повелѣнію Императора Александра для нашего выкупа. Изъ числа этой суммы восемь тысячъ должны были перейти къ тестю Шамиля, Джаммаль-Эддину; но когда народъ и наибы потребовали, чтобы насъ не отпускали за столь малую сумму, то онъ пожертвовалъ свою часть. Шамиль, на долю котораго приходилась также значительная сумма, послѣдовалъ безкорыстному примѣру своего тестя: онъ объявилъ, что сынъ для него составляетъ самое дорогое пріобрѣтеніе и что поэтому онъ не желаетъ воспользоваться своею частью денегъ.

Портретъ.—Мелано.

Но эти радостныя извѣстія не достигали насъ такъ скоро, какъ я рассказываю, и мы провели еще много печальныхъ дней. Такъ нѣкоторый армянинъ, очень преданный Шамилю и говорившій хорошо по русски, пришелъ къ княгинѣ Орбеліани и сказалъ ей, что у него находятся всѣ бумаги, захваченныя въ Цицондалахъ, и что ему извѣстно состояніе княгини. Онъ зналъ, что ея единственный сынъ Георгій, находясь въ званіи пажа, получитъ со временемъ 1000 рублей пенсіона, котораго недоимки будутъ сочтены, когда ему исполнится 18 лѣтъ. Человѣкъ этотъ грозилъ княгинѣ, что она будетъ задержана съ своимъ сыномъ до тѣхъ поръ, пока не выдастъ ему этой суммы. На такое требованіе княгиня отвѣчала рѣшительно, что не зная, за какую сумму двоюродный братъ ея, опекунъ дитяти, долженъ будетъ по требованію обстоятельствъ, заложить ея имѣніе и не будучи свободной, она не имѣетъ никакого права сдѣлать какое либо распоряженіе.

Въ положеніи нашемъ, самое простое дѣло казалось

необыкновеннымъ и малѣйшій случай могъ имѣть весьма дурныя послѣдствія. Однажды князь Чавчавадзе послалъ своей супругѣ ящичекъ, въ которомъ заключался его портретъ. Ящичекъ этотъ, какъ и все, что только къ намъ отправляли, былъ открытъ. Князь былъ нарисованъ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ съ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Это послужило поводомъ къ самымъ нелѣпымъ толкамъ. Распустили слухъ, что будто бы князь былъ одѣтъ въ царское платье и что, безъ всякаго сомнѣнія, Императоръ Николай сдѣлалъ его царемъ Грузіи, слѣдовательно ему не трудно уплатить за освобожденіе своего семейства милліонъ рублей.

Въ другое время одна изъ соучастницъ нашего несчастія, причинила намъ большое безпокойство. Женщина эта называлась Мелано. Она была мать маленькаго Элло и находилась въ числѣ тѣхъ женщинъ, которыя были отдѣлены отъ насъ. Отправившись къ Шуанетъ, она просила ее узнать, какую сумму денегъ желаетъ получить за нее Шамиль. Имамъ ведя переговоры о выкупѣ съ однимъ только княземъ Чавчавадзе, былъ этимъ очень удивленъ, и потребовалъ за Мелано значительную сумму. Женщина эта, не умѣя считать, подумала, что ей стоитъ только попросить всѣхъ родственниковъ своей госпожи, чтобы они собрали для нея эту сумму, и она вскорѣ получить

свободу. Мелано прежде всего обратилась къ князю Чавчавадзе. Но князь отвѣчалъ ей, что пока ему положительно не будетъ извѣстно, сколько Шамиль потребуетъ денегъ за его семейство, онъ не въ состояніи дать одного рубля за кого бы то ни было. Съ тѣхъ поръ Мелано потеряла преданность къ своей госпожѣ. Состояніе князя Чавчавадзе было уничтожено грабежемъ и пожаромъ; мы имѣли основаніе надѣяться, что Императоръ по своему великодушію, окажетъ намъ содѣйствіе: но намъ еще ничего положительнаго объ этомъ не было извѣстно и мы должны были дѣйствовать съ особенной осторожностію. Мелано, подстрекаемая русскими женщинами, раздраженными несчастіемъ, отправилась къ Хаджи, который для пользы Шамя старался всѣми мѣрами вывѣдать, какъ велико состояніе князя. Она по своей глупости, сказала ему, что владѣтельница княгиня Мингреліи сестра князя и что поэтому отъ него можно требовать большую сумму денегъ. Нетерпѣніе этой женщины едва не погубило насъ всѣхъ.

Джаммаль-Эдипъ, отецъ Зайдеты. — Дервишъ. —

Освобожденіе.

На другой день, послѣ посѣщенія нашего, Зайдета пришла сама предупредить насъ, что ея отецъ желаетъ поговорить съ княгинями. Для этого онѣ вышли на балконъ.

— Я имѣю большую надежду, сказалъ добрый старикъ, что мой сынъ Шамиль, образецъ сыновей и людей, послушаетъ совѣтовъ своего отца и не продастъ плѣнницъ. Но народъ нуждается въ деньгахъ. Война, которая не всегда благопріятна, причинила ему большіе убытки. Оттого онъ настаиваетъ, чтобы Шамиль требовалъ большой выкупъ, который тѣмъ легче по его мнѣнію получить, что плѣнницы царскаго происхожденія. Шамиль, ведя переговоры о своемъ сынѣ, упоминалъ только о немъ; но польза его народа, который очень преданъ ему, столь же важна для него, какъ и собственная.... Однако я повторяю вамъ, что я буду хлопотать объ васъ. Перестаньте же плакать, нѣжные цвѣты! Ваши отростки нуждаются не въ той

рость, которую вы проливаете. Вскорѣ лучъ ^{свобо-}ды освѣтитъ васъ; это желаніе старика, а Богъ не оставляетъ старческихъ желаній... Шамиль великъ, Шамиль могучъ, Шамиль справедливъ....

Потомъ обратясь къ одной изъ кормилицъ, которая заливалась слезами, онъ сказалъ:

— Женщина! Развѣ ты не торгуешься, когда покупаешь что нибудь въ каравансараѣ? Купецъ объявляетъ тебѣ цѣну; она тебѣ кажется большею и ты уходишь; тогда онъ сбавляетъ ее не много; ты, въ свою очередь, прибавляешь что нибудь, вы продолжаете торговаться, пока не сойдетесь въ цѣнѣ. Не предавайтесь же отчаянію... не плачьте больше. Джаммаль-Эддинъ проситъ васъ, чтобы вы больше не плакали... Молите лучше Аллаха, чтобы сынъ мой былъ снисходителемъ въ своихъ приговорахъ.

У Шамяка каждый четвергъ собирается совѣтъ, а въ пятницу, послѣ возвращенія его изъ мечети, онъ торжественно произноситъ приговоры. Въ слѣдующій четвергъ, послѣ нашего разговора съ Джаммаль-Эддиномъ, мы догадывались по всеобщему движенію, по необыкновенному количеству испеченнаго хлѣба, что въ Веденно соберется много народа. Въ самомъ дѣлѣ, прибыли сюда наобы, чтобы вынудить у Шамяка рѣшительный отвѣтъ въ отношеніи насъ. Большая часть ихъ не была располо-

жена въ нашу пользу : одни требовали, чтобы ^{мы} были проданы ; другіе увѣряли, что тотъ, котораго прислали русскіе, не сынъ Шамиля ; нѣкоторые утверждали, что Джаммаль - Эддинъ отправленъ чрезъ Тифлисъ, въ которомъ свирѣпствуетъ холера, для того, чтобы онъ сдѣлался ея жертвою ; были и такіе, которые утверждали, что его сынъ проживетъ не много времени, потому что русскіе отравили его, иначе онъ не былъ бы возвращенъ. Весь этотъ вздоръ затруднялъ наше освобожденіе.

Добрая Шуанета, съ того времени, какъ хотѣли посредствомъ клеветы сдѣлать ея преданность Шамилю подозрительною, едва осмѣливалась прійти къ намъ. Поэтому она, хотя явно вступалась за насъ, но мы говорили съ нею безъ постороннихъ свидѣтелей, чтобы прекратить невыгодные для насъ слухи, которые ходили по аулу. Слухи эти были очень неприяты Шамилю, почему онъ рѣшился разомъ уничтожить ихъ и склонить общее мнѣніе въ нашу пользу. Послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія онъ привелъ съ собою дервиша, который былъ извѣстенъ своею необыкновенною набожностію. Благочестивый пустынный молился день и ночь ; мы слышали его голосъ, потому что одна дверь отдѣляла насъ отъ него. Его молитвы, изступленіе, въ которое онъ приходилъ, его пѣсни, предсказанія приводили всѣхъ веден-

скихъ женщинъ въ необыкновенно восторженное состояніе. Онѣ собирались по вечерамъ слушать его проповѣди; мало по малу ими овладѣвалъ энтузіазмъ; тогда онѣ ударялись о землю и рыдали. Шуанета плакала, перебирая свои длинныя коралловыя четки; она по цѣлымъ часамъ слушала дервиша. Крикъ этихъ женщинъ, походившій на вой собакъ, не давалъ намъ спать.

Изступленный дервишъ проповѣдывалъ, какъ намъ сказали, въ нашу пользу. Онѣ безпрестанно молилъ Аллаха просвѣтитъ лезгинъ въ ихъ непреклонномъ заблужденіи. Отшельникъ этотъ увѣщевалъ ихъ, чтобы они сжалились надъ несчастными плѣнницами и не требовали невозможнаго выкупа. Онѣ говорилъ:

— Не подражайте гяурамъ, преданнымъ роскоши; женщины ихъ, наряжаясь въ богатые платья для соблазна мужчинъ, оскорбляютъ Аллаха.

— Отказывайте себѣ во всемъ, что привозится изъ Россіи, отъ чаю, сахару и отъ всякихъ другихъ вещей. Не позволяйте своимъ женамъ ходить въ шелку и золотѣ. Изгоняйте отъ себя все, что привозится оттуда, гдѣ ваши враги!...

Онѣ кончилъ свою проповѣдь слѣдующимъ:

— Въ особенности, не требуйте милліона рублей за освобожденіе плѣнницъ и отправьте этихъ несчастныхъ въ ихъ отечество, какъ только имамъ получитъ своего сына изъ рукъ Императора.

И такъ, почтенный дервишъ по внушенію ли Аллаха, или самого Шамиля, вполне благопріятствовалъ намъ. Наконецъ прошелъ медленно четвергъ, въ который окончательно рѣшена наша судьба. У всѣхъ насъ была одна мысль: каково будетъ послѣдствіе этого дня? Добрый старикъ, Джаммаль-Эдинъ подалъ намъ нѣкоторую надежду; но Зайдета и другія женщины, посѣщавшія сераль, приводили насъ въ трепетъ. Мы зывали съ бѣльшимъ жаромъ, нежели когда либо, къ Тому, въ рукахъ Котораго была наша судьба.

На другой день, въ полдень, Шамиль отправился въ мечеть. Послѣ того, чрезъ два часа прибѣжалъ на порогъ нашей комнаты Хаджи и сказалъ намъ эти слова: «гайда! гайда! скоро! скоро!» Но мы не смѣли вѣрить нашему освобожденію. Спустя нѣсколько минутъ по уходѣ Хаджи, къ намъ пришла Шуанета и бросившись въ объятія княгини Орбеліани, сказала:

— Шамиль получилъ согласіе наивовъ. Вы будете свободны чрезъ нѣсколько дней.

Упавши на колѣни, мы благодарили Бога за неизмѣримое благодѣяніе, которое Онъ посылалъ намъ. Шуанета подошла также ко мнѣ и сказала:

— Анна! не плачь больше. Ты скоро увидишь твоего сына и престарѣлую мать. Ты будешь по прежнему счастлива. Не всѣ дни должны быть печальны и жизнь твоя не пройдетъ въ однѣхъ слезахъ.

приказалъ спросить его, какимъ образомъ его взяли въ плѣнъ и какія слова онъ сказалъ ему въ послѣдній разъ. Порученіе это должны были исполнить шесть горцевъ. Въ числѣ ихъ находился Хаджи, сынъ Бакво, дядя Джаммаль-Эддина, и Гасанъ, депутатъ со стороны народа, который обязанъ былъ защищать народный интересъ въ то время, когда намѣревались насъ продать или раздать на-ибамъ. Горцамъ этимъ вручено было княгинями ре-комендательное письмо къ князю Чавчавадзе.

Зайдета воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы послать винограду своему пасынку; но тогда былъ февраль въ исходѣ, и виноградъ, оставленный безъ всякаго искусства на сохраненіе, находился въ жал-комъ состояніи. Когда горцы эти прибыли въ Хасавъ-Юртъ, ихъ тотчасъ ввели къ князю Чавчавадзе, ко-торый въ то время курилъ табакъ вмѣстѣ съ сыномъ Шамяля. При видѣ пословъ своего отца, на лицѣ молодого человѣка обнаружилось какое-то странное судорожное движеніе, но онъ съумѣлъ вскорѣ побѣ-дить свои чувства. Джаммаль - Эддинъ велъ разго-воръ съ послами по русски, потому что онъ забылъ свой природный языкъ. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ они продолжали говорить, онъ начиналъ понимать этотъ языкъ, хотя не старался говорить на немъ. Когда ему поднесли отъ мачихи виноградъ, онъ

тотчасъ передалъ его слугѣ помытъ : этимъ Джам-
маль-Эддинъ много потерялъ въ глазахъ Зайдеты и
тѣхъ женщинъ , которымъ она рассказала о та-
комъ поступкѣ. По ихъ мнѣнію, это было ничто иное,
какъ выраженіе презрѣнія, тогда какъ въ сущности
это было сдѣлано по одной привязанности къ чис-
тотѣ.

Когда послы возвратились въ Веденно, Шамиль
обрадованный скорымъ свиданіемъ съ своимъ сы-
номъ, объявилъ намъ, что нашъ отъѣздъ вскорѣ
послѣдуетъ. Остановка была только за выдачей на-
шего выкупа серебромъ, что задержало насъ еще
нѣсколько дней. Шамиль приказалъ сдѣлать двѣ но-
выя повозки, а для княгинь и ихъ дѣтей сшить обувь
изъ сафьяна. Онъ повсюду разсылалъ людей, чтобы
достать все необходимое для дома, который онъ
назначилъ своему сыну, Джаммаль-Эддину. Желая,
чтобы Георгій и Александръ сохранили объ немъ
воспоминаніе, онъ подарилъ каждому изъ нихъ ма-
ленькій горскій костюмъ, похожій на его собствен-
ный. Тамара, его фаворитка, получила также отъ
него женскій костюмъ; только къ нему серьги и
пуговицы были куплены княгиней Чавчавадзе. Нако-
нецъ стали готовить для насъ дорожную прови-
зію. По приказанію Шамиля, который желалъ, что-

бы мы были довольны, хлѣбъ не былъ покрытъ жи-
ромъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда Зайдета подарила каж-
дой изъ насъ по шелковому платку. Мы закрыли
ими свои лица, что было строго приказано Шами-
лемъ. Бѣдное наше имущество было собрано вмѣстѣ
и завязано въ узелки. Имамъ безпрестанно ходилъ
взадъ и впередъ; онъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ
въ ту сторону, гдѣ мы находились, чего прежде
никогда не дѣлалъ. Казалось, онъ съ нетерпѣніемъ
ждалъ увидѣть своего сына. Шуанета была не здоро-
ва: два дня тому назадъ, Шамиль приказалъ пустить
ей кровь. Пришедши къ ней вечеромъ, мы просили
ее, чтобы женщины княгини Чавчавадзе, находившія-
ся въ аулѣ, были приведены къ намъ, дабы откло-
пить всякое замедленіе къ отъѣзду. Шуанета лежа-
ла у огня на превосходномъ коврѣ. Она никогда
не казалась мнѣ столь прелестной, какъ въ этотъ
разъ. Трое отличныхъ ружей Шамиля висѣло на
стѣнѣ ея бѣленькой комнаты, украшенной подпор-
ками, на которыхъ поставлены были подсвѣчники.
Подпорки эти сдѣланы на подобіе лилій. Княгиня
Орбеліани сидѣла возлѣ Шуанеты; я же стояла, впе-
ривъ въ нее взоры, которыми старалась дать ей по-
нять, какъ всегда пріятно мнѣ будетъ вспоми-
нать объ ней.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

— Анна, подойди ко мнѣ, сказала она.

— Надобно лечиться тебѣ, сказала я ей. Шамилю будетъ очень прискорбно, если ты сильно заболѣешь....

— Шамиль самъ страдаетъ, какъ только замѣтитъ, что кто нибудь изъ насъ не здоровъ.

— Въ особенности же, если это бываетъ съ тобой. Ты добра и красива и потому онъ любитъ тебя больше другихъ.

Она улыбнулась и продолжала.

— Воображаю себѣ, какъ ты будешь рада, когда дождешься завтрашняго дня. Не правда-ли, ты постараешься, какъ можно скорѣе, увидѣться съ твоимъ сыномъ?

— Какъ только позволятъ обстоятельства, отвѣчала я.

Во время нашего разговора мы согрѣли холстъ и положили его на грудь Шуанеты въ томъ мѣстѣ, гдѣ она чувствовала холодъ и сильную судоргу. Каримата, внука Шамя, приготовляла для него чалму; по окончаніи же ея, она занялась чалмою маленькаго Георгія. Шуанета, выхваляя здоровье и красоту этого ребенка, поздравляла княгиню Орбеліани, что она такая счастливая мать. Маленькая Зайдета находилась здѣсь; но какъ она была еще младенецъ, то мы не могли судить, будетъ-ли она красива или нѣтъ.

— Желаю тебѣ, сказала я Шуанетѣ, имѣть ^{имѣть} такого же хорошенькаго сына, какъ Георгій.

— Чрезъ семь мѣсяцевъ я узнаю, оправдается ли твое желаніе, отвѣчала она.

— Потомъ, приложивъ палецъ къ губамъ, она перемѣнила разговоръ. Мы пошли въ свою комнатку, въ которой намъ оставалось провести послѣднюю ночь. Намъ сказано было сѣсть въ приготовленныя для насъ повозки, чтобы узнать, помѣстимся-ли мы въ нихъ; хотя онѣ оказались чрезъ чуръ тѣсны, но мысль о свободѣ заставляла насъ забывать всякое неудобство.

Къ намъ привели спутницъ нашего несчастія, которыхъ мы не видали въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Женщины эти считали себя вдвойнѣ счастливыми: во первыхъ потому, что онѣ увидѣли добрыхъ своихъ княгинь, а во вторыхъ потому, что получили свободу. Княгиня Чавчавадзе просила узнать, нельзя ли выкупить маленькую Еву. Эта бѣдная дѣвочка находилась при смерти. Хаджи потребовалъ за нее 40 рублей; но потомъ уступилъ за 25. Не смотря однакожъ на всѣ попеченія, которыми окружили ее, она умерла по прибытіи въ Хасавъ-Юртъ. На нее надѣли бѣлое платье, и дочь русскаго священника была по-крайней мѣрѣ, погребена по христіанскому обряду.

Прощанье.

Намъ объявили, что мы отправимся въ путь, какъ только раздастся первый крикъ моллы. Мы были готовы еще въ полночь; но прошло семь часовъ, а въ сералѣ господствовалъ обыденный порядокъ. Княгини пошли со мной къ Зайдетъ, чтобы проститься съ нею. Вышедши изъ комнаты, мы встрѣтились съ Шуанетой, которая была очень слаба; не смотря на это, она занималась приготовленіемъ дорожныхъ припасовъ для Шамиля. Наконецъ привели лошадей имама. Одна изъ нихъ, назначенная для Джаммаль-Эддина, была бѣлой масти и имѣла среди лба черное пятно. На ней былъ превосходный бѣлый чапракъ, вышитый краснымъ шелкомъ. Балконъ сераля былъ уставленъ штандартами, между которыми отличался зеленый значекъ Шамиля. Они находились здѣсь до тѣхъ поръ, пока не прибыли всадники и не взяли ихъ.

Когда мы вошли къ Зайдетъ, она сидѣла на превосходномъ пушистомъ коврѣ и приготовляла для насъ чай. Очаровательная Каримата и Гаджи-Ребилъ были также здѣсь. Последняя изъ нихъ поцѣловала

нашихъ дѣтей и пожала мнѣ руку въ знакъ своего поздравленія. Когда мы пили чай, княжна Нина дала намъ знать, что насъ спрашиваетъ отецъ Зайдеты. Мы вышли къ нему, и княгини пользуясь этимъ случаемъ, душевно благодарили его за участіе, которое онъ принималъ въ нашемъ освобожденіи. Добрый старикъ не преминулъ сказать каждой изъ насъ что нибудь утѣшительное. Разставшись съ нимъ, мы поспѣшили проститься съ Зайдетой: послѣ взаимнаго пожатія рукъ, она просила княгинь не забывать ее, повторивъ имъ нѣсколько разъ, что она любила и уважала ихъ, какъ членовъ своего семейства.

Между тѣмъ какъ Зайдета прощалась со мною, а прелестная Каримата граціозно раскланивалась съ княгинями, пришли сказать намъ, что лошади уже запряжены. Шуанета обняла княгинь. Когда настала моя очередь проститься съ нею, я не могла удержаться отъ слезъ. Она была такъ добра, такъ сострадательна къ намъ! Шуанета нѣсколько разъ горячо обняла меня и повторила мнѣ свое желаніе, чтобы я была счастлива.

Наконецъ мы оставили навсегда свою душную комнату. Это случилось 10 марта 1855 года. Аульныя женщины вышли на балконы, чтобы можно было долѣе насъ видѣть. Костюмъ нашъ былъ отвратительный. Чтобы ознаменовать столь счастливый для меня

день, Шуанета и Зайдета просили меня надѣть шубу, которую подарилъ мнѣ Шамиль и которую я почти не носила, такъ она казалась мнѣ противной. Княгиня Чавчавадзе, Саломѣ, Марія, Тамара, Александръ, его кормилица и Варвара, державшая на рукахъ Еву, сѣли въ первую повозку. Во второй же помѣстились княгиня Орбеліани, княжна Баратова, Георгій Орбеліани, его кормилица, Катерина и я. Для прочихъ плѣнницъ были приготовлены особыя телѣги. Намъ было такъ тѣсно, что мы не могли свободно сѣсть. Въ эти неуклюжіе экипажи были впряжены шесть русскихъ лошадей; мы двинулись въ путь по каменистой и чрезвычайно трудной дорогѣ. Предъ отъѣздомъ насъ окружила несмѣтная толпа пастуховъ; всѣ вѣденскія женщины были тутъ же. Бѣдныя грузинки, похищенныя въ Кахетіи въ одно время съ семействомъ князя Чавчавадзе, которымъ княгини, не смотря на собственныя лишенія, много помогали, послали вслѣдъ имъ тысячу благословеній; наконецъ онѣ общимъ голосомъ завопили: княгини! вы видите, какъ мы мучимся здѣсь, не забудьте же насъ! Постарайтесь, чтобы насъ спасли!

Это были послѣднія ихъ слова и сердца, къ которымъ они были обращены, вспомнили ихъ.

Возвращеніе.—Извозчикъ.

Часть войска Шамиля была распределена по обѣмъ сторонамъ дороги. Лошади наши, которыми правилъ русскій извозчикъ, бѣжали довольно скоро, но мы часто подвергались большимъ толчкамъ. Вскорѣ на пути нашемъ мы встрѣтили три тунели: это были узкія и низкія арки, подъ которыми съ трудомъ проходили наши повозки; мы же должны были наклонять головы. Двѣ изъ этихъ арокъ мы проѣхали благополучно; но предъ третьею, лошади везшія княгиню Чавчавадзе, распряглись и когда мы подѣхали къ ней, извозчикъ нашъ такъ сильно ударилъ лошадей, что онѣ отъ испугу бросились въ ближнія кусты и опрокинули повозку. Къ счастью изъ подъ нея тотчасъ освободили княгиню Орбеліани и ея сына, я же покатила въ оврагъ, напрасно стараясь удержаться за кусты. Княгини полагали, что я погибла. Но на мой отчаянный крикъ прибѣгло нѣсколько лезгинъ, которые вынесли меня изъ оврага. Я была спасена шубой, подаренной мнѣ Шамилемъ. Только у меня отъ этого паденія болѣла нога нѣсколько мѣсяцевъ. Князь

Нико Чавчавадзе, освобожденный вмѣстѣ съ нами изъ плѣна, былъ такъ добръ, что поддерживалъ меня до тѣхъ поръ, пока я могла прилечь.

Послѣ двухъ часовъ, употребленныхъ на починку повозки, мы вновь пустились въ путь. Шамиль отдалъ насъ подъ особенное покровительство того самаго моллы, который велъ нашу партію въ Веденно; онъ ѣхалъ, какъ можно ближе къ намъ. Конвой нашъ составляли около семи тысячъ человекъ. Они пѣли пѣсни въ честь Шамиля и его сыновей, прерывая ихъ иногда ружейными выстрѣлами въ знакъ особенной радости.

Послѣ полудня тысячи голосовъ, вскрикнувъ: *Шамиль имамъ!* возвѣстили о приближеніи пророка. Его сопровождалъ блестящій кортежъ, составленный изъ отборныхъ всадниковъ: не было тутъ недостатка ни въ прекрасно вышитыхъ черкескахъ, ни въ знакахъ отличія, ни въ дорогомъ оружіи, ни въ богатыхъ чалмахъ, ни въ превосходныхъ лошадяхъ. Шамиль ѣхалъ въ срединѣ. Его умное и благородное лицо сіяло двойною радостію: онъ ѣхалъ на встрѣчу возлюбленнаго своего сына и возвращалъ несчастныя семейства роднымъ ихъ очагамъ. Шамиль былъ одѣтъ въ длинную бѣлую мантию, которая спереди была открыта и позволяла видѣть халатъ такой

же длины, но зеленаго цвѣта. Надъ головою его держали большой бѣлый зонтикъ. Впереди инама ѣхалъ его вѣрный Хаджи. Шамиль, подъѣхавъ къ нашимъ повозкамъ и сосчитавши насъ, казалось былъ весьма доволенъ, что могъ возвратить всѣмъ намъ свободу; потомъ онъ отсталъ отъ насъ, когда мы поѣхали далѣе.

Ночь была проведена нами въ небольшой хижинѣ какого-то аула. Она своею тѣсною нисколько не уступала тѣмъ, въ которыхъ мы останавливались во время нашего перваго путешествія. Шамиль приказалъ напоить насъ чаемъ. Княгини обѣщали старому моллѣ подарить часы въ благодарность за его попеченіе объ нихъ. Желая получить ихъ прежде, нежели онъ разстанется съ нимъ, онъ просилъ ихъ послать за ними впередъ къ князю Чавчавадзе. По расчету времени, которое употребилъ посланный для этого человекъ, русскіе находились отъ насъ въ четырехчасовомъ разстояніи. Мы были такъ обрадованы этимъ, что не могли всю ночь сомкнуть глазъ.

Поѣздъ нашъ продолжалъ путь, какъ только начало разсвѣтать. Шамиль опять подъѣхалъ къ нашимъ повозкамъ и поцѣловалъ Георгія, котораго поднесъ къ нему Хаджи. Потомъ бросивъ на насъ въ послѣдній разъ покровительственный взглядъ,

онъ исчезъ изъ нашего виду въ то самое время, когда мы были готовы переправиться чрезъ небольшую рѣчку.

Человѣкъ, который везъ насъ, запѣлъ одну изъ тѣхъ пѣсень, которыя поютъ русскіе извозчики, проѣзжая по обширнымъ пустыннымъ степямъ. Пѣсня эта навѣяла на княгиню сладкое воспоминаніе.

— Развѣ ты русскій? спросила она его.

Этотъ несчастный, который былъ безъ всякаго сомнѣнія бѣглый, отвѣчалъ, въ совершенномъ замѣшательствѣ:

— Я не знаю болѣе....

XL.

Обмѣлъ.—Куринское укрѣпленіе.

Когда мы были на вершинѣ холма, Хаджи сказалъ намъ:

— Вотъ русское войско!

Эти простыя слова произвели въ насъ электрическое сотрясеніе. Мы съ жадностію устремили наши взоры къ тому мѣсту, на которое указалъ намъ Хаджи, и замѣтили на противоположной возвышенности длинную цѣпь, блестящую отъ солнца. Она

медленно подвигалась къ намъ на встрѣчу. Но мѣръ того, какъ мы продолжали ѣхать, войско измѣняло свое направленіе сообразно съ нашимъ. Мы наконецъ начали различать его довольно ясно, когда намъ было сказано сойти съ повозокъ. Влѣво отъ насъ была разбита большая палатка для Шамиля. Лезгины тѣсно окружили насъ и держали въ упоръ намъ заряженные ружья: они приняли всѣ мѣры предосторожности, опасаясь внезапнаго нападенія.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, употребленныхъ русскими и лезгинами для взаимнаго осмотра, мы опять сѣли въ повозки и направились къ рѣчкѣ, составлявшей границу непріятельскихъ владѣній. Хаджи слѣдовалъ за нами, неся лезгинскій костюмъ, который долженъ былъ надѣть Джаммаль-Эддинъ до прибытія своего къ отцу. Остановившись въ небольшомъ разстояніи отъ русскаго войска, мы увидѣли предъ собою генераль-маіора барона Николаи, полковника князя Багратіона, князя Давида Чавчавадзе и коменданта Куринскаго укрѣпленія. Возлѣ князя Чавчавадзе стоялъ Джаммаль - Эддинъ, одѣтый въ русскій офицерскій костюмъ. Онъ подошелъ къ княгинѣ Чавчавадзе, почтительно поклонился ей и началъ извиняться, что не могъ пріѣхать раньше, чтобы скорѣе освободить ее. Гази-Магамадъ съ братскою любовью бросился обнимать его. Мы

слѣзли съ пезозокъ. Наибы Шамиля, въ главѣ которыхъ былъ Даниель-бекъ, присутствовали при размѣнѣ плѣнныхъ и при приѣмѣ сундуковъ съ деньгами, которые составляли нашъ выкупъ.

Гази-Магамадъ произнесъ довольно длинную рѣчь, которая потомъ была переведена на русскій языкъ. Шамиль приказалъ ему засвидѣтельствовать то необыкновенное удивленіе, которое онъ питалъ къ благородному характеру плѣнницъ. Онъ велѣлъ также выразить свое искреннее сожалѣніе, что не могъ предоставить имъ болѣе приличнаго содержанія. «Но по крайней мѣрѣ, прибавилъ Гази-Магамадъ, онѣ были сохранены во всей цѣломудренности въ сералѣ женъ пророка, которыя обходились съ ними, какъ съ сестрами; ни одинъ мужскій взоръ не проникалъ сквозь ихъ покрывала; будучи чисты, какъ лиліи и сокрыты отъ всѣхъ глазъ, какъ газели пустыни, онѣ возвращаются въ свои семейства, заслуживая всякое уваженіе.» Кроме того, Шамиль приказалъ сказать, что онъ чрезвычайно сожалѣетъ о томъ, что народъ, съ которымъ онъ не имѣетъ никакихъ дурныхъ отношеній, долженъ былъ подвергнуться участи войны.

Послѣ того, какъ начальники обоихъ войскъ взаимно простились, Джаммаль-Эддинъ пожавъ руку князю Чавчавадзе, удалился вмѣстѣ съ прочими. Князь, поцѣ-

добавши своихъ дѣтей со всею жаромъ отцовской любви, повелъ насъ къ приготовленнымъ экипажамъ. Полковая музыка играла національныя русскія и грузинскія пѣсни. Не обращая вниманія на наши жалкіе костюмы, русскіе генералы, все безъ исключенія, поклонились намъ, какъ будто раненымъ на полѣ битвы. Когда мы пріѣхали въ Куринское, жены всѣхъ начальниковъ были одѣты по праздничному; гремѣли барабаны; все населеніе вышло къ намъ на встрѣчу, у всѣхъ глаза наполнились слезами при видѣ дѣтей, безгрѣшныхъ ангеловъ, чудно спасенныхъ отъ столькихъ опасностей, пережившихъ столько страданій. Каждый мужчина снималъ фуражку и крестился; каждая женщина радостно привѣтствовала насъ.

Въ то время, какъ мы вступили въ укрѣпленіе, раздались звуки барабановъ и колоколовъ. Насъ повели въ православную церковь, гдѣ мы прикладывались ко всѣмъ иконамъ и благодарили Владыку неба и земли за то, что онъ не забылъ насъ въ нашихъ страданіяхъ. Церковь блистала огнями. Священникъ по окончаніи молебна, благословилъ сперва дѣтей, потомъ княгинь и наконецъ насъ всѣхъ. По выходѣ изъ церкви, мы отправились въ квартиру полковника Багратиона, который былъ такъ добръ, что самъ удалился изъ нея, предоставляя ее въ полное наше распоряженіе.

XLII.

Хасафъ — Юртъ. — Тифлисъ. — Москва.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

Съ нами остался князь Чавчавадзе. Войдя въ залу, взоры наши были привлечены портретомъ Императора Николая I, который былъ покрытъ чернымъ крепомъ: тогда вѣсть о кончинѣ Его Величества перестала быть для насъ болѣе сомнительной. Мы прослезились! Намъ было жалко, что Императоръ этотъ сдѣлалъ все для нашей свободы, а мы могли только молиться объ Немъ!... Князь рассказалъ намъ все, что зналъ, о кратковременной болѣзни, похитившей Нашего Избавителя у осиротѣвшей, обширной Его Имперіи. Онъ рассказалъ намъ также о всѣхъ милостяхъ, которыми Императоръ Александръ осчастливилъ его. Въ продолженіи разговора князь безпрестанно прижималъ къ груди своихъ дѣтей съ любовью, значеніе которой намъ было вполне понятно.

На другой день мы оставили Куринское укрѣпленіе въ сопровожденіи блестящей и многочисленной кавалькады, въ главѣ которой были генераль-маіоръ баронъ Николаи и князь Багратіонъ. Отсюда началось наше обратное путешествіе. Передовые наши осмат-

ривали съ особеннымъ вниманіемъ кустарники, бугры, рвы, и проч. Мы ѣхали въ виду войска Шамиля, которое казалось наблюдало за нами, потому предосторожность эта была вполнѣ необходима; мы не оставляли ее до тѣхъ поръ, пока не были убѣждены, что намъ не предстоитъ болѣе ни какой опасности. Спустя нѣсколько часовъ, мы были въ Хасафъ-Юртѣ.

Но здѣсь постигла княгиня новая печаль. Только въ этомъ укрѣпленіи онѣ узнали о смерти достойно уважаемаго ихъ отца, его свѣтлости князя Ильи Грузинскаго. Онъ умеръ внезапно, во время охоты. Къ несчастію, въ этотъ разъ никто не сопровождалъ его, кромѣ одного изъ его сыновей, 12-лѣтняго князя Николая. Князь Грузинскій, почувствовавъ необыкновенную тошноту и вмѣстѣ съ нею совершенный упадокъ силъ, успѣлъ только въ своей отеческой предусмотрительности, разрядить ружье, которое могло ранить его сына; потомъ перекрестившись нѣсколько разъ, онъ простерся на землѣ и испустилъ послѣдній вздохъ. Князь Николай дотога былъ пораженъ ужасомъ при видѣ своего умирающаго отца, что едва былъ въ состояніи прибѣжать въ Шараново. Тотчасъ поспѣшили, чтобы подать помощь, но уже было поздно. По непонятному стеченію обстоятельствъ, смерть князя случилась въ тотъ самый день, 4 іюля 1854

года, когда двѣ его дочери, княгини Анна Чавчавадзе и Варвара Орбеліани были взяты въ плѣнъ. Эти два печальныя событія едва не свели въ могилу ихъ несчастную мать, ея свѣтлость, княгиню Анастасію Грузинскую: ее поддержала одна необыкновенная преданность волю Провидѣнія. Получивъ извѣстіе о плѣнѣ своихъ дочерей, она немедленно отправилась въ С.-Петербургъ. Здѣсь Императоръ и Императрица приняли прискорбную вдову и мать съ особеннымъ участіемъ. Они проливали слезы вмѣстѣ съ нею, и Императоръ обѣщаль спасти насъ. . . Императоръ Александръ достойно довершилъ то, что было начато Его Августѣйшимъ Родителемъ. Ему мы обязаны нашимъ спасеніемъ. Да наградитъ Его Богъ за это долговременнымъ и благополучнымъ царствованіемъ! . . . Это искреннее желаніе французенки, которая обязана Ему своей свобода!

Смерть отца княгини Орбеліани сильно поразила ее. Я вполне раздѣляла ея печаль, не предвидя, что подобное несчастіе постигнетъ меня чрезъ нѣскольکو недѣль и что я не увижу болѣе въ этомъ мірѣ одной изъ наилучшихъ и нѣжнѣйшихъ матерей.

Изъ Хасафъ-Юрта мы отправились въ сопровожденіи татарскихъ милиціонеровъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ остановились у начальника Дагестанскаго отряда, роднаго брата князя Ильи Орбеліани. Здѣсь мы про-

жили довольно долго, пользуясь сердечнымъ ^{пріе-}момъ. Отсюда мы поѣхали далѣе черезъ Дербентъ, Кубу и Елисаветополь, вездѣ встрѣчая самыя трогательныя изъявленія радости. Наконецъ, мы приблизились къ Тифлису. Родственники князя Чавчавадзе выѣхали за черту этого города, чтобы скорѣе заключить княгиню въ свои объятія. Мы ѣхали базаромъ, тогда было воскресенье. Не смотря на проливной дождь, который шелъ съ утра, собралось такое множество народа, что экипажи наши едва подвигались впередъ. При проѣздѣ нашемъ всѣ мужчины снимали шапки, а женщины махали платками. Добрые и набожные грузины, поднявъ руки къ небу, благословляли его за наше избавленіе. Весь городъ пришелъ въ радостное движеніе, потому что фамиліи Чавчавадзе и Орбеліани пользуются большимъ уваженіемъ. Народъ толпою сопровождалъ насъ въ Сіонскій Кафедральный Соборъ, гдѣ мы выслушавъ молебенъ и получивъ благословеніе, отправились къ князю Чавчавадзе....

У князя ожидала меня особенная радость: я застала у него милыхъ моихъ соотечественницъ; находясь среди ихъ я воображала, что нахожусь въ любезной Франціи, которую не надѣялась болѣе увидѣть. Все подавало мнѣ надежду на лучшіе дни, и для довершенія моего счастья, мнѣ оставалось только по-

лучить письмо отъ своей матери. Но Богъ въ своихъ неисповѣдимыхъ приговорахъ судилъ иначе....

По прошествіи нѣкотораго времени, княгини отправились въ Москву для свиданья съ своею матерью, и потомъ въ Петербургъ для изъявленія благодарности Императору Александру. Мы ѣхали изъ Тифлиса въ Москву двадцать пять дней. Въ этомъ послѣднемъ городѣ я имѣла счастье познакомиться съ благородною княгинею Анастасіею Грузинскою, высокій примѣръ которой научилъ меня терпѣливо переносить свои страданія. Я оставалась у ея свѣтлости съ двумя моими ученицами, когда княгини Чавчавадзе и Орбеліани съ другими своими дѣтьми отправились въ Петербургъ. Императоръ Александръ и Императрицы задержали ихъ въ Петергофѣ шесть дней. Вдовствующая Императрица сдѣлала собственно для дѣтей завтракъ, при которомъ Ея Величество Сама присутствовала. Императоръ прислалъ имъ прекраснѣйшіе подарки. Въ то же время Его Величество озаботился поправленіемъ отъ щедротъ своихъ состоянія князя, которое было разорено во время нападенія Шамиля.

Княгини, обратившія на себя вниманіе Двора и всего города, возвратились въ Москву ко дню рожденія Императора Александра. Сюда по этому случаю, должна была прибыть вся Царская фамилія. Въ то время, какъ Императоръ отправился въ Казанскій

Соборъ, княгини повели меня тудаже, чтобы предо-
 ставить мнѣ возможность увидѣть моего Избавителя.

Едва мы ступили на дорогу, по которой должны
 были шествовать Ихъ Императорскія Величества,
 какъ громкое ура возвѣстило о прибытіи Ихъ.
 Императора и Императрицу предупредили нѣсколькими
 минутами молодые Великіе Князья. Толпа народа,
 тѣснилась вокругъ Его Величества. Каждый выби-
 ралъ себѣ удобное мѣсто, съ котораго бы онъ могъ
 лучше насладиться лицезрѣніемъ своего Царя и по-
 цѣловать Его одежду. Въ это время я вся превра-
 тилась въ зрѣніе. Императоръ шель медленно, держа
 подъ-руку Императрицу. Мы смѣшались съ тол-
 пою, стоявшею какъ стѣна на пути, по которомъ
 совершался торжественный ходъ. Но представьте
 себѣ мое удивленіе, когда я увидѣла, что Ихъ Величе-
 ства вдругъ остановились предъ княгинею Чавчавадзе,
 которой Императоръ поклонился съ особенной
 любезностію. . . .

Императоръ Александръ высокаго росту; походка
 у Него свободна, голубыя глаза Его отличаются
 пронизательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнымъ
 взоромъ; высокій лобъ обнаруживаеетъ господство и
 волю; голосъ Его звученъ и пріятенъ. Ея Импе-
 раторское Величество имѣетъ очень привлекатель-
 ную фізіономію; умное и пріятное выраженіе Ея

лица предають Ей невыразимую прелесть. Она ^{прини} ралась на руку Императора съ тою свободною простотою, которая производитъ всеобщее очарованіе. Живѣйшее чувство признательности заставляло биться мое сердце при видѣ Того, который меня спасъ; я хотѣла было броситься къ Его ногамъ и кричать: благодарю, благодарю Ваше Величество за то, что Вы возвратили мнѣ свободу!... Но приличіе удержало меня отъ этого. Впрочемъ, что могъ бы прибавить мой слабый голосъ къ восторгамъ любви, которымъ русскій народъ окружалъ своего Государя!... Я испытывала неизъяснимое наслажденіе при видѣ этого зрѣлища, можетъ быть единственнаго въ мірѣ, и по возвращеніи въ мое отечество я люблю представлять себѣ мысленно счастливую Августѣйшую Чету, привѣтствуемую единодушными восклицаніями.

Ихъ Величества освѣдомлялись о всѣхъ дѣтяхъ князя Чавчавадзе, въ особенности о двухъ старшихъ, которыя не были представлены въ Петергофѣ; потомъ, поклонившись опять прелестной княгинѣ Чавчавадзе, Они продолжали путь Свой въ Соборъ.

К О Н Е Ц Ъ .

